

Д.ДЖ.ШТОЛЬЦ

ИСКРА ВОЙНЫ
ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

Демонология Сангомара

Д.Дж. Штольц

**Демонология
Сангомара. Искра войны**

«Автор»

2022

Штольц Д.

Демонология Сангомара. Искра войны / Д. Штольц — «Автор»,
2022 — (Демонология Сангомара)

Молодой бессмертный Юлиан открывает для себя дворцовый мир интриг, мир, где затаился предатель. В это же время Филипп пытается вскрыть обман графини Мариэльд, чтобы спасти своего сына. Но правда имеет свою цену, и Филиппу с Юлианом предстоит задать самим себе вопрос: сколько они готовы заплатить за нее? Ведь правда порой укрыта сладкой ложью, в которую хочется верить до последнего, она лишает тебя последних друзей, она жестока, зла и приводит к разрушительным последствиям. Например, к войне.

© Штольц Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	41
Глава 5	56
Глава 6	73
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Д. Дж. Штольц Искра войны

*Твой враг – незрим и неизвестен,
И лик его мерещится повсюду.
В твоих глазах любой бесчестен,
А веры нету ни отцу, ни другу.
Неверие – недуг души твоей,
Который травит тебя ядом!
Так знай, что нет на свете врага злей,
Чем собственной души разлады.*

Глава 1

Чье письмо?

Элегиар.

2151 год, зима.

Юлиан стоял у окна башни под небесами и наблюдал улочки Золотого города, раскинувшегося внизу, расхаживающий караул, вычищенные мостовые и черные платаны. Платаны эти, окаймляющие Аллею Праотцов, спали сейчас скрюченные и голые, ибо царствовала унылая зима; а зима на юге была серая, грязная и теплая по меркам северян.

Сзади послышался топот. Как и другие рабы, Юлиан обернулся и увидел внушительную свиту, впереди которой шел брат короля Фитиль. У его шеи терся белой шерсткой о парчовый воротник чертенок-альбинос. Он пищал, корчил всем рожицы и время от времени перебегал с одного плеча хозяина на другое, цепляясь коготками за дорогие ткани наряда.

Меж тем Фитиль, этот тоненький, как тросточка, юноша семнадцати лет, брел нетвердой походкой и слушал рассказ какого-то придворного щеголя. Тот вертелся перед ним, цокал высокими каблуками, которые только-только вошли в моду, и всячески старался удержать рассеянное внимание брата короля на себе.

И Фитиль делал вид, что слушает. Он кивал, отчего его подбородок крючком – черта всех Молиусов – смешно дергался, и переключался то на свиту, то на нахохлившихся птиц за окном.

– А соколов-то моих покормили? – ни с того ни с сего вдруг прервал речь щеголя Фитиль.

– Конечно, почтенный, – закивала вся свита.

– И всполохов?

– И всполохов!

– Хорошо, просто замечательно... Так что ты там говорил, Рит?

Когда свита во главе с братом короля подошла к рабам, те уже стояли с согнутыми спинами в глубочайшем поклоне и не смели даже поднять глаз. Юлиан был тут же, также склонившись. Мимо них прошел Фитиль, который снова рассеянно стал слушать придворного, но впрочем, мыслями он, похоже, был где-то в соколином дворе, подле клетки со своими птицами. Вскоре брат короля пропал за поворотом вместе со свитой юных прихлебателей.

Когда Юлиан выпрямился, он поймал на себе взгляд невольников, моющих полы, заправил обод ошейника под ленты и пошел дальше. По коридору прямо, затем поворот направо – и вот уже плитка укрылась бордовой ковровой дорожкой. Близился переход к Коронному дому, где обитали королевская семья и консулы. Крытую галерею патрулировали наги, и вход туда был запрещен для всех, кроме особых слуг и доверенных лиц, но путь вел вампира мимо перехода – к архиву.

Под настороженными из-под капеллин взглядами нагов Юлиан завернул в коридорчик, тускло освещенный стильфовскими фонарями и устланный ветхим красным ковром, в который за десятки лет вбились пыль и грязь. Должна быть третья дверь, подумал про себя он, и остановился в нужном месте. Затем вслушался. Внутри комнаты стоял шелест перьев и бумаг, а из-под двери пробивался пыльный, тяжелый запах ссохшихся от времени пергаментов. Архив.

Юлиан вошел без стука, как и договаривался. В кресле, подогнув под себя лапы, сидел дряхлый ворон с лохматыми бровями. Вскинув голову с большим и огрубевшим, не таким блестящим, как у молодняка, клювом, он кивнул. Перед ним лежали развернутые трубчатые свитки и журналы: старые и потрепанные.

– Да осветит солнце ваш путь, Кролдус. Вы отыскиали нужную мне информацию?

После взаимных приветствий Юлиан запустил руку под пелерину и склонился над Кролдусом, каладрием из архива. Звенящий кошелек лег на пыльный стол, который приютился между шкафов с инвентаризационными журналами, полугодовыми отчетами и корреспонденцией. Пыль снова взлетела в воздух, и Юлиан с трудом сдержался, чтобы не чихнуть.

– Я пребываю в тщательных поисках... Не торопи, иначе мои действия слишком сильно замедлятся и результат будет неверен, – отозвался задумчиво Кролдус.

Ответом стало лишь настойчивое молчание. Шелестя коготками и тусклыми, старыми перьями, ворон листал желтые страницы пергаментов; в воздухе уже клубилась пыль, но ничего не находилось. Наконец, Кролдус бережно закрыл последний журнал.

– Не было отправлений гонцов в Ноэль, ни в 2150, ни в 2151 годах. Результат отрицательный.

– Точно? Будьте добры, проверьте еще раз, Кролдус.

– Я проверял дважды.

– А помощник казначея, Нактидий Гор’Наад?

– Им ничего не отправлялось через дворец, – сдержанно ответил архивный ворон. – Ни писем, ни донесений, ни гонцов не было представлено для отъезда в Ноэль. За расходными из казны тоже обращений не поступало. Результат – отрицательный.

– Хм, а недостачи туб? Кто-нибудь мог изъять одну из туб канцелярии?

– Такой учет не ведется...

Юлиан вздохнул. Столько времени потрачено – и все зря. Были изучены письма Нактидия Гор’Наада и его писаря с приказчиком, чтобы сличить почерк. Был подговорен Кролдус, ворон из архива, подговорен тайно, чтобы не возникло вопросов от Иллы Ралмантона. Но все впустую. Кто написал то загадочное и подставное послание? Кто выкрал тубу? К тому же кто-то надушил письмо канцелярским парфюмом.

Вампиру пришла в голову мысль, и он спросил:

– К канцелярскому парфюму, Кролдус, кто имеет доступ?

– Только королевский парфюмер и канцлер, который занимается одобрением исходящей документации.

– Могут они взять печать помощника казначея?

– Парфюмер – никак нет. Канцлер – да, – увидев блеск в глазах вампира, Кролдус тут же сказал. – Однако хочу заметить, что в интересующий тебя отрезок времени наш почтенный канцлер пребывал у целебных вод озера Прафиаловы Слезы.

– Вы уверены?

Ворон с осуждением каркнул, всем своим видом подтверждая, что память его не подводит.

Понятно, думал Юлиан. Значит, во дворце есть изменник, который имел доступ и к парфюму, и к тубам, и к личной печати Нактидия Гор'Наада, которая хранилась в кабинете казначея. И это не канцлер. Престранно это все.

Вскинув голову, ворон посмотрел на Юлиана немигающим взглядом и потянул коготки к кошельку, решив, что договоренности он свои выполнил сполна. Мешочек с серебром позвенел и пропал под мантией в бездонных карманах, и так отягощенных точильными ножами, связками ключей и пеналом для кисточки и футляра с краской.

– Спасибо, Кролдус.

– Спасибо должно звенеть, – каркнул тот и спрыгнул с кресла.

Журналы были убраны на скрипящие от натуги монументальные полки. На свет из глубоких карманов мантии явилась огромная связка ключей, звякнула, и вампир с каладрием покинули архив. Гроыхнула замочная скважина, и каждый направился по своим делам: Кролдус по коридору прямо ушел в библиотеку, подметая своим огромным хвостом пол, а Юлиан вернулся к Ратуше.

Что же теперь делать? След утерян. Но больше всего его мучал даже не оборвавшийся след, а то, что во дворце есть кто-то, кто знает, кто такой Юлиан и откуда он прибыл. Но почему за почти два года он не явил себя и не выдал старейшину?

С этими тревожными мыслями вампир прошел по коридорам Ратуши, украшенным изящными изразцами, под расписанным растительным орнаментом потолком, по этому роскошному и воздушному простору. Он неторопливо возвращался к залу, где проходил сбор Консулата, пока оттуда не вышел Илла Ралмантон. В последнее время эти собрания участились. Элейгия, без сомнения, вмешается в кровопролитные сражения, потому что число рабов с юга уменьшалось, а цены на них взметнулись под облака. Так или иначе, но королевству нужна война, а вот с кем: с Нор'Мастри или с его вероломным братом Нор'Эгусом – это еще предстояло выяснить.

На скамье у окна, подле совещательного зала, беззаботно похрапывал Габеллий, сложив руки на объемном пузе, а рядом с ним сидел Дигоро. Он смерил подошедшего напарника колким взглядом из-под редких бровей и погрузился дальше в молитвенник Гаару, облизнув пальцы. На боку у него висела сумка с противоядиями; такая же, разве что меньше и не обшитая бахромой, была и у Юлиана.

Тот сначала встал у стенки рядом со скамьей, но Дигоро, презрительно чмокнув, убрал пышную сумку на колени и пальцем указал на место рядом с собой. С улыбкой Юлиан присел, отметив про себя, что это, вероятно, дел рук мага, который уломал их вредного соседа придержать скамью. Снова послунявив пальцы с краской, Дигоро сделал вид, что вокруг никого нет. И вообще, никому он ничего не уступал.

Уделом же Юлиана, пока вокруг была тишина, разбавленная перешептыванием слуг, стали размышления о побеге. Уже не раз ему представлялся шанс сбежать, но после жизни уличным рабом он ожил, воспрянул духом, вдохнув роскошь дворца, и стал медленно оттаивать от тягот, которые свалились поначалу. Хотя служба у Иллы была на деле не службой, а

заточением, но он себя узником не чувствовал и старался с выгодой использовать пребывание во дворце.

Главным вопросом, который уже долгое время мучил его, было предательство Вицеллия; и Юлиан искал этому логичное объяснение. Однако после разговора с архивным вороном последний след, за который отчаянно цеплялся вампир, оборвался. Похоже, что изменника во дворце уже не отыскать.

Еще можно было бы задержаться и попытаться выждать в надежде, что этот «некто» явит себя, что счастливая случайность разрешит его вопрос. Однако существовала опасность разоблачения. Немало людей из Ноэля знали, как выглядит Юлиан де Лилле Адан. И стоило бы попасть во дворец хотя бы из них: одному купцу, банкиру или гонцу, – и он пропал.

Поэтому Юлиан решил – пора уходить. Как только выпадет возможность, он проникнет в тот нищий дом со слугой Вицеллия, где таился волшебный мешок, и сбежит к реке.

Дверь зала Совета распахнулась. Зашумели мантии господ. Габелий всхрапнул, когда его толкнул в бок Дигоро, подорвался вместе с ним, и слуги Иллы приступили к своим обязанностям – охране хозяина.

Глава 2

Отголоски прошлого

Офурт.

2151 год, зима.

Пока южане в Элегиаре сетовали на грязь и с недовольством надевали деревянные башмаки поверх обычных, в Офурте царила самая настоящая зима. В этом году она спустилась на север с лютыми холодами, да такими, что от мороза повсюду трещали деревья, стонали подо льдом реки, а дичь находили в лесах уже замерзшей и обглоданной.

Из-за этого на графство тяжким бременем лег голод. По ночам посреди воя пурги сама смерть гуляла между поселениями и забирала жизни. Умирили здоровые и крепкие мужчины. Умирили женщины. Гибли от стужи младенцы, замерзая в пеленках. Старики закрывали глаза и более не открывали их. Те, кто жили подле Офуртгоса, устремлялись к нему, похожие на едва живых мертвецов. Но в городе вместо надежды найти что-нибудь поесть они находили таких же мертвецов, которые сдирали с деревьев кору, пытаясь варить из нее похлебку.

Полностью опустели такие мелкие поселения, как Омутцы, Малые Вардцы, только-только начавшие заселяться по новой, Черное Холмогорье, Колотушки, Черширр. А меж тем в сторону измученного Офурта продолжала алчно смотреть Имрийя, из-за которой графине Тастемара приходилось строго следить за всеми укреплениями и быть готовой к новостям о переходе пределов вражескими войсками. И хотя с тех пор, как графство два года назад вошло в состав Глеофской империи, воинственный сосед должен был отвести взор от земель Офурта, но никогда нельзя быть уверенным в мире до конца.

И вот из глухого сосняка, невероятно тихого из-за мороза, выехал снаряженный отряд. Впереди всех двигался огромный, вороной конь, который, подобно кузнечным мехам, выдыхал из ноздрей с шумом пар. Лес противился незнакомцам, скрипел, вырос высокими сугробами, но мерин продавливал их своей мощной грудью, топтал снег и, как черная глыба, упрямо шел вперед. На этом прекрасном, могучем создании ехал Филипп фон де Тастемара. А за ним, утапывая борозду, следовали вереницей еще с два десятка солров, закутанных в шерстяные плащи.

Среди спящих сосен за поворотом зоркие глаза графа разглядели холодное пламя выбивающейся из-под шапки косы – навстречу ехала Йева с сопровождением. Она нещадно подстегивала тоненькую кобылку, которая с трудом волочила ноги. А когда та приблизилась к отряду Филиппа, то, не в силах ждать, Йева спрыгнула в снег. И тут же провалилась по грудь. Она недовольно вскрикнула от того, что тело хлебнуло холода, и почувствовала, как руки графа подняли ее.

– Мне приятно, дочь моя, что ты так усердно встречаешь отца и показываешь мне свое уважение, – улыбнулся глазами Филипп. – Но побереги себя.

Он довез дочь до ее кобылы, и Йева, стараясь выглядеть серьезно, вползла в седло, начала стряхивать с шерстяных чулок и юбки снег.

– Вы обещали приехать раньше, отец.

– Обещал, Йева, но задержался. По весне через Солраг вместе с войском пройдет император Глеофа – нужно было подготовиться. И я покину тебя раньше времени.

Йева развернула кобылу и поравнялась с Филиппом – теперь они ехали стремя в стремя. Краем глаза граф различил во взгляде дочери накатившую на нее тоску: отчаянную и глубокую.

– Как скажете, – прошептала Йева и плотнее закуталась в меховую шубу.

Она, подумал Филипп, и одеваться стала, как Саббас фон де Артерус. Тот всегда утопал в волчьих шкурах и собольих мехах, и глядел так же, как сейчас глядит Йева, – мрачно и отстраненно.

– Что же ты, дочь моя? Как твои дела? Как твой сосед себя ведет?

– Все нормально, отец. У Булуйского бора все тихо. Летом от вашего имени заключили договора на поставку железной руды в Имрийю, а меха чертят, соболей – в Альбаос.

– Деревни по осени отчитались по проезднему, подушному налогу и талье?

– Не все...

– Почему не все? Ты отправляла сборщиков с вооруженными отрядами?

– Да, и даже сама навещала ближайшие: Большие и Малые Колтушки, Ясенки, Холмогорье, – Йева вздохнула. – В этом крае везде нищета, отец, всюду рвань. Они живут от охоты до охоты, многие не имеют ни бронзовичка. А в Офурте сейчас голод из-за сильных холодов.

– Голод сейчас и в Солраге, и в Стоохсе, и в Филонеллоне. Уж не хочешь ли ты сказать, дочь моя, что ты из-за этого освободила их от налогового бремени?

– Нет, – глаза Йевы вспыхнули, но тут же потухли. – Но я не знаю, что можно брать у тех, у кого ничего нет! Ничего, кроме крови и плоти. Они показывали своих детей, которые носят обувь по очереди, ибо на все семейство у них лишь пара теплых сапог.

Филипп улыбнулся.

– Повесь вождя, Йева, и к следующему году новый вождь под угрозой смерти найдет, что взять из каждого дома, пусть даже это будут те самые сапоги.

– А мудро ли это будет, отец?

– Мудрое правление основывается на столпах взаимоуважения. Чтобы ты могла помочь простому люду и защитить его, он сначала должен исправно выплатить талью и подушный налог. Ты же пойми, Йева, что от голода и холода вымрет лишь часть народа, самые слабые, а вот от врага, который увидит твою незащищенность, ибо доспехи не куются из воздуха, могут умереть все. И ты должна донести это до люда, жестко, но понятно. Жалостью же ты лишь убедишь всех в своей слабости – а слабого правителя не уважают даже псы, дочь моя, что уж тут говорить об алчной Имрийе, которая только и ждет явления нашей немощи для атаки.

Йева промолчала, лишь плотнее закуталась в меха и спрятала туда тонкий нос, чувствуя, как щекочут ворсинки. Она боялась признаться отцу, что уже слаба, и не находит в себе силы принуждать всех вокруг к своей власти. Отрешенная, пропавшая в своих думах, Йева вдруг обернулась. Ей показалось – на нее смотрят. И на нее действительно смотрел с ласковой улыбкой сэр Рэй, этот плешивый и старый, но все еще крепкий рыцарь с чутким сердцем. Графиня резко отвернулась, не соизволив улыбнуться в ответ, и потерялась под шубой, нахохлилась.

Впереди выросла единственная башенка замка: неказистая, в два этажа, из плохонького камня, с двумя знаменами Солрага и Офурта, вывешенными из окошек личных покоев графини и гостевой спальни.

Отряд, состоящий из двадцати конных гвардейцев, сэра Рэя и Филиппа фон де Тастемара, прошел сквозь город, по которому ходили, кутаясь в тряпье, худые скелеты, вошел в отворившиеся ворота и спешил. Кони были расседланы и разнузданы в тесном дворе под донжоном. Граф оглядел суровым взглядом захудалость конюшен, обваленные стены амбара, неаккуратно разбросанную солому, запыленную и жухлую, – и покачал головой.

Чуть позже в небольшом и единственном зале замка гвардейцы уже похлебывали горячий суп из чертят, закусывали рябчиками и запивали это все дело отваром из подслащенной калины.

Филипп сидел в высоком кресле перед камином, спиной к скромному залу, где из мебели были только длинные столы, соединенные между собой, стулья и пара кресел. Стены укрывали гобелены и шкуры. Трещали от огня дрова. За окном разыгралась метель, и ветер плакал и бился о донжон, заставляя дрожать его от самого основания.

Филипп вспоминал, как слуги выносили его сюда, в зал, прошлой зимой, когда он еще не мог ходить. Тогда Белый Ворон до самой весны просидел на подушечках перед камином. Уделом его, немощного и слабого, было лишь наблюдать, как скачут всполохи пламени, как игриво поедают они дерево, танцуют, испуская искры.

С каким же страхом тогда посмотрел на него сэр Рэй, впервые увидев перед собой скрюченное существо с ввалившимся ртом и отросшей бородой, укутанное в пледы. Тогда рыцарь и не узнал бы в этом жутком старике своего господина, если бы в тот момент Йева с лаской не поила его кровью, поднося к сухим губам кубок.

Отведя взор от камина, Филипп спросил свою дочь, которая сидела рядом с ним и тоже смотрела на огонь:

– Ты проверяла Бестию?

– Да, отец, – Йева задумалась. – Мне часто приходится спускаться в подвалы, где я открываю сундук и смотрю на нее. Ее глаза все так же желты, хотя и обросли льдом, зубы белы, а шерсть лоснится. От холода ли это, или... – графиня запнулась. – Или Бестия оживет, если дать ей тепло и простор.

– В яме, откуда она вылезла, – прошептал Филипп, – Должно быть холоднее, чем в подвалах. Там еловая лощина, утопленная в горах, вдоль которых и шел Уильям. Ей нельзя давать простор, и рано или поздно, но дар этого реликта откажется жить. Не ходи туда, Йева. Прикажи перевязать сундук цепями и забудь о нем, как о страшном сне.

И Йева вздрогнула, ибо эта Бестия не давала ей покоя темными и одинокими ночами, раз за разом убивая Филиппа во снах. Она вспомнила тот удар бревном. Вспомнила, как откинулся в сугроб отец, испустив последний крик боли. Вспомнила кровавую пелену смерти на его глазах. И задрожала.

Графиня Офурта молчала. Филипп глянул вправо, на дочь, сидящую вровень с отцом, и настороженно рассмотрел пустоту в ее взгляде, ее поблекшую косу, ее белую кожу, растерявшую румянец. Наконец, Йева тоже обратила на отца свой взор и прошептала:

– Сэр Рэй в этом году стал худ. Он часто захлебывается кашлем и дышит тяжело, будто грудь ему придавили копытом.

– Да. К весне я отстраню его от службы. Стать его еще крепкая, потому что ему досталась удивительная родовая сила, но вот сердце отстукивает последние годы. Если один из его сыновей, Лука, славно покажет себя при сопровождении императора Кристиана в Стоохс, я передам ему звание командира гвардии. Мальгербы, хоть они и люди, уже долгие века верно служат Тастемара.

Меж тем за спинами графа и графини стоял непрекращающийся гам. Филипп обернулся и бросил взгляд из-за кресла назад, на кричащую и довольную толпу, которая хрустела, грызла, рыгала, чавкала и смеялась.

За столами резко воцарилась тишина. Все решили, что господин их делает некое замечание, и стали неслышно покусывать, говорить шепотом и вести себя смирно, как пахотные кони. Напряжение слегка развеялось, когда Филипп смерил внимательным взглядом пьющего в три горла сэра Рэя, который выжигал свою простуду крепким спиртным, и снова отвернулся к огню.

– Они вас боятся, отец, уважают и чтут, – вздохнула Йева.

– Будь сильной, и с каждым поколением слава о тебе будет обрастать легендами, вознося твою силу под небеса. Но если ты дашь слабину, то каждый следующий род уже будет верить в тебя все меньше.

– А... А что с Базилом? – женщина посмотрела вправо, на гобелен на стене, и поджала губы.

– На сенокос у него родилась дочь.

– Понятно.

Йева сглотнула слюну и вздрогнула, когда на ее холодные пальцы легла теплая ладонь отца.

– Все вокруг тебя будут умирать. И им на смену будет приходить следующее поколение: новые друзья, любовники, прислуга, враги. Лишь ты одна будешь идти сквозь время, постоянная и вечная, дочь моя. И я буду рядом с тобой.

Йева кивнула, и Филипп почувствовал, как рука его дочери пытается выпутаться из-под его руки. Он нахмурился.

– Что тебя гложет?

– Ничего, отец...

– Не обманывай меня, – сурово заметил Филипп.

Он снова положил ладонь на пальцы Йевы, погладил. Та поддалась, но кожа ее осталась мертвенно-холодной, а пальцы задеревенели, не отвечая на ласки отца.

– Вы так редко бываете здесь, в этом холодном и жутком крае, – вздрогнула она.

– Ты хочешь, чтобы я приезжал чаще? – Филипп не понимал ее.

– Вы всегда заняты.

– Да, занят. Но, коль ты просишь, я попробую через год приехать на пару недель пораньше.

Глаза Йевы заволокла тоска, и она грустно улыбнулась самой себе. Что такое неделя, когда ее сердце плачет от необъяснимой боли, как только отец ступает за порог?

– Тебя это устроит, Йева?

– Да, отец, спасибо...

Филипп ласково улыбнулся, и, не будь здесь галдящей толпы, которая снова разбушевалась сзади двух кресел у камина, он бы обнял дочь. Но сейчас он посмотрел в огонь, как смотрел всю зиму годом ранее, и прикрыл глаза, опутанные сеточкой морщин. Затем вспомнил то, о чем ненадолго забыл, когда увидел Йеву, и умиротворенная улыбка сползла с его лица.

– Главное, чтобы Горрон нашел Уильяма.

Йева тоже обеспокоилась.

– Горрон присылал вам весточку?

– Нет, – качнул озабоченно головой Филипп. – С той зимы я ничего не слышал о нем, но пока не могу поднять шум, чтобы не привлекать внимание. Он уже должен был достигнуть Элегиара. Должен был достичь еще летом. Мы обговорили, что он передаст мне письмо купцами из Золотого города. Один из них, Гуасалай Ра'Шабо, уже четыре года подряд ездит в мои земли, везет украшения из гагата и арзамасовые ткани.

– И Горрон ничего не передал?

– Нет. Как в воду канул.

– Что же делать, отец? А если те существа, велисиалы...

– Пока ничего, Йева. Лишь надеяться на Горрона, – Филипп покрутил на пальце кольцо с треснутым агатом, которое пострадало после удара Бестии. – Элрон Солнечный не так прост, как кажется. Он слишком стар и хитер, чтобы позволить взять над собой вверх. Это вампир величайшей воли, который дал слабину лишь единокжды.

– Когда пал Крелиос?

– Да.

Йева вздохнула, вспоминая настырные обаяния герцога Донталя. Помнится, она терпела их, как нечто неизбежное, но сейчас была бы рада, если бы он согревал ее холодными зимами. С Горроном из замка исчезла последняя искра жизни.

– А что вы, отец. Что вы будете делать?

– Помогу тебе с отчетами. И нужно привести в порядок двор, потому что это никуда не годится.

И Филипп озадаченно качнул головой, выражая неудовольствие бесхозяйственностью. Однако Йева приняла сказанное исключительно на свой счет и уже сжалась внутри в ком, представляя неудовольствие отца, когда тот доберется до журналов по тальям и проездным пошлинам. Помнится, она любила помогать ему там, в замке Брасо-Дэнто, но тогда эта помощь была необязательной и приятной. Сейчас же на плечах графини лежала ответственность за весь Офурт, и она понимала, что не справляется, что у нее нет ни воли отца, ни его навыков, а спина ее сгибается под невыносимой тяжестью.

– А еще, – вырвал ее из самотерзания Филипп, – Нужно найти ту проклятую дыру, из которой явилась Бестия. Сейчас слишком сильные морозы, даже под Брасо-Дэнто застыли подземные источники. Поэтому уже по весне я наведуясь в лощину в еловых лесах за Дорвурдом. Нужно выяснить, что скрывается в пещерах.

Йева вздрогнула, снова переживая тот ужасный день, но Филипп уже не смотрел на нее. Он глядел в камин, думая о том, не явится ли из той дыры еще что-нибудь угрожающее Офурту.

– Но там может быть опасно, – шепнула графиня.

– Вся наша жизнь – опасность, дочь моя.

* * *

Спустя два месяца.

– О Ямес, уж не у обиталища ли твоего отступника Граго мы находимся? – испуганно прошептал сэр Рэй.

Он сполз с коня и с опаской поглядел на таинственный постамент, который стоял меж высоких колонн. Это был тот самый постамент, древний и полуразрушенный, из-под плит которого явилась Бестия чуть больше трех десятков лет назад. На нем еще лежал снег, ибо зима, по офуртскому обыкновению, еще сопротивлялась весеннему теплу.

В сумраке серого, унылого рассвета символы на колоннах тускло мерцали, и граф Филипп стал рассматривать полустертые веками, если не тысячелетиями, надписи.

– Это не Хор'Аф, – шептал он задумчиво сам себе, поглаживая письмена. – Что-то очень старое, относящееся к языкам утерянных племен, что-то дошедшее до нас еще со времен Сли-яния. Древнее место.

Проваливаясь в снег по колено, он переходил от колонны к колонне и пытался выявить хоть что-то знакомое в надписях. Но ничего не понимал, ибо это место было много старше его, его отца и деда.

Пока гвардейский отряд обустроивал лагерь и вкапывал копьё коновязи в мерзлую землю, граф переписывал на пергамент чернилами неизвестную ему речь. Может, ему доведется поговорить с древними старейшинами и кто-нибудь вспомнит язык тех времен?

Меж тем старик-рыцарь Рэй, зябко поеживаясь, подошел к дыре, которая зияла среди колонн, и боязливо посмотрел вниз.

– И нет ему дна, и зияет он, как чрево детищ Граго, маня своей пустотой, – сглотнул он и осенил себя знаком Ямеса. – Господин, сколько вам потребуется человек?

– Четверо, остальные ждут здесь.

– А каков сигнал, чтобы мы могли прийти на помощь?

– Я думаю, сэр Рэй, что из далей этой глотки земли ни один сигнал не достигнет ваших ушей.

Рассветное солнце стояло низко, а здесь же, в лощине, так и вовсе царствовала полутьма. Мороз точил тела, заставлял людей дрожать и клацать зубами. Кони, одетые в толстые простеганные попоны, нервно били копытами – им это место не нравилось. Впрочем, и солры, глаза которых перебегали с алтаря на тьму окружающего ельника, тоже были беспокойны.

Где-то среди деревьев надрывно каркнул ворон.

Наконец, в небольшом биваке около колонн натянули палатки, разбили походную кухню, где кашеварил один Чукк со своим сыном, молодым Хрумором Этельмахием. Одеты они были просто, и одни только фамилии поваров выдавали непростую историю их рода.

Пока все ели душистую похлебку и стучали ложками, Филипп готовился к спуску. Он снял нагрудник, горжет и шлем, которые могут помешать, и оставил из защиты лишь стеганку, поножи и наручи. Практика показала, что глухая броня против Бестии и ей подобным бесполезна. На ремень граф повесил огниво, в мешок уложил заготовки для факела.

И вот ближе к полудню подошло время спуска. Гвардейцы мрачно глядели вниз, в зияющую тьмой пещеру. Сбросив длинную веревку вниз, Филипп ловко, по-молодецки, заскользил по ней во тьму. Все остальные по приказу стояли вокруг дыры и напряженно вглядывались в своего господина, который уже через полминуты шустрого спуска пропал из виду.

Ожидание длилось бесконечно долго, и солры взволнованно переглядывались и топтались на месте от холода.

– Неправильно это, когда Его Сиятельство идет вперед, – шепнул кто-то.

Где-то из глубин земли донесся эхом искаженный голос Филиппа, а веревка дрогнула – за нее дернули снизу. Четверо самых крепких гвардейцев стали спускаться по одному. Чем ниже они скользили, тем студенее становилось.

Воздух был насыщен сырым холодом, и каждый вдох отдавал разрывающей болью в груди. Пар изо рта обволакивал испуганные лица, но солры отгоняли страшные мысли, преданно следуя за господином. Во тьму. В бездну.

Наконец, сапоги последнего с хрустом коснулись пола. Вокруг людей было кольцо тьмы, сжимающееся вокруг их тел и душ. Чиркало огниво, зажигались факелы. И вот уже пять огненных точек, дрожащих на морозе, боязливо пытались разогнать тьму. Однако тьма тут была старая, неподвижная, и плохо поддавалась этой слабой жизни.

Все оглядывались. Рассеянный свет выхватил из черноты каменные стены, пол, устланный камнями и костями. Кости эти были раздроблены и истерты до мелких обломков, словно их грыз на протяжении веков голодный пес.

– Это что, кости? – удивленно прошептал один из солров, Утог, приняв поначалу их за щебень.

– Сколько ж здесь живности померло-то всякой, – отвечал едва слышным шепотом второй, Каргеш.

Четверо гвардейцев с молитвами осенили себя знаком Ямеса. Пещера поначалу показалась природной: длинной и низкой, – но глаза Белого Ворона различили во тьме круглый свод потолка и крепкие подпоры-колонны в дальнем краю зала. Впрочем, потолок был частично обвален, а рукотворные колонны и стены – обрушены. Рядом с лазом, через который попали в пещеру солры, виднелись остатки витой лестницы. «Когда-то здесь был полноценный выход на поверхность, – размышлял граф. – Похоже, что все порушило хорошим землетрясением. В те времена они, по словам Горрона, были не редкостью».

Филипп внимательно слушал пещеры, проникая острым слухом в самые дали, но пещеры были зловеще бесшумны. Не было в них жизни. Ни ветра. Ни звука. Только могильная, холодная тьма. Только биение сердец солров и их прерывистое дыхание. Только треск факелов.

Отряд медленно двинулся дальше, осторожно ступая по костям. Под ногами стоял непрекращающийся хруст. Кто-то закашлялся от сырости; а граф отметил про себя, что воздух здесь густой, тяжелый.

Справа что-то шевельнулось. Свет факелов померк, когда над ним выросла огромная черная тень. Неожиданно зажглись фонарями две точки и скользнули под темным сводом потолка. Солры с криками схватились за мечи, а их вопли прокатились эхом по пещере.

– Это грим, – качнул головой Филипп, успокаивая.

Одеревеневшие пальцы гвардейцев приросли к рукояткам полуторных мечей. Граф же поднял голову и разглядел очень странного грима: огромного и черного, как туча, с искореженными лапами, витыми рогами да двумя глазами-фонарями. Большое тело, бесшумно шествуя, проволоклось сквозь солров и на миг застлало их глаза чернотой. Не на шутку напугав, оно как явилось в полной тишине, не нарушая молчания пещер, так и пропало – в стене.

А потом граф понял, кого скопировал призрак – Бестию из Дорвурда, которая обитала здесь ранее. Но почему грим стал таким большим? Что питало его?

Тут же из другой стены вдруг родился другой призрак, такой же огромный. Он, в виде ящера, пролетел на кожистых крыльях через грот, махнул в свете факелов шипованным хвостом и исчез во тьме.

– Что это за гарпии такие, ростом с замок, – простонал Утог.

– Это не гарпии, – ответил граф, с интересом разглядывая растворяющийся в стенах хвост крылатого чудовища. – Это то, что не дожило до наших времен, отголоски слияния. Не обращайтесь на гримов внимания – они страшны только для воображения. За мной! Не расходиться!

И Филипп пошел по костям туда, куда глядел уже долго – в угол пещеры, где виднелся узкий коридор. Больше здесь смотреть нечего. Этот зал был пуст и мертв, ибо в нем не жила ни одна живая душа, лишь призрачные гримы.

Отряд двинулся к выходу из зала, к коридору, в арке которого были выбиты те же символы, что и на колоннах сверху. Проход был частично обвален, но достаточно широк, чтобы по нему мог пройти человек.

Остановившись у арки, граф вытянул руку и коснулся надписей, не тронутых из-за сырости пылью. Слова на чужой речи едва заметно замерцали, когда их погладили теплые пальцы.

Он, кажется, стал догадываться, почему воздух здесь такой густой и тяжелый, почему здесь обитают гримы, могущие воссоздавать огромные тела. Уж не один ли это из магических источников, о которых говорил Зостра? Тогда, во время недолгого общения с великим магом с Юга, Филипп слышал о теории маготворцев, будто бы магия из шва разлилась подобно морю по всему миру. Однако по словам Зостры, именно на Севере должны были остаться самые большие озера магии. Озера, добраться до которых желали все маги. Неужели это они?

Коридор, прорубленный в скале, вел все ниже и ниже. Он сужался, пока перед отрядом не встала монолитная стена с узким лазом у самого пола – результат обвала. Стену эту исцарапали когтями, но это был гранит, неподвластный ни мечу, ни топору.

Филипп рассмотрел следы от когтей. Похоже, Бестия пыталась вырваться из этой пещеры, делала подкопы и драла стены, но все безрезультатно. Везде она упиралась в сплошную скалу. Что же ее освободило? Пробила ли она дыру в потолке, где залегали пласты камня помягче? Или было еще одно землетрясение?

– Тут только лежало, боком, – шепнул озадаченно один из солдов.

Отряд снял пояса, потушил факелы и, проталкивая перед собой мешки и пояса с мечами, стал ползти по лазу в беспросветную темноту. Филипп слышал, как судорожно бились сердца четверых гвардейцев, но он не мог пойти туда сам, где ему было бы проще одному. Не в такое место.

Тьма сгустилась. Лаз становился все уже. Сюда уже не лился свет от дыры, уходящей на поверхность земли. И Филипп полз, чувствуя, как липкий страх охватывает и его, ибо никогда в своей жизни, даже в самые черные ночи, он еще не был так слеп. Никогда вокруг не было так тихо.

Заметно похолодало.

Отряд продвигался на брюхе все ниже. Уклон стал более явным. Наконец, коридор вновь расширился. Все поднялись на ноги, подпоясались. Трясущимися руками от холода, густого и пробирающего до костей, все снова зажгли факелы и пошли дальше в полный рост.

Коридор от пола до потолка покрывали мерцающие во тьме надписи. Филипп завороченно водил по ним пальцами, наблюдая, как они отвечают сиянием на прикосновения. Отметин от когтей Бестии здесь уже не было.

Тоннель распахнулся, и отряд встал на краю огромного зала, много большего, чем прошлый. Зал был завален скальной породой, а часть колонн, которая окаймляла стены, лежали порушенные.

– Мы уже под горой, – шепнул Утог.

И его слова прокатились неожиданно громким эхом вглубь зала. Все вздрогнули. Все чувствовали, что веками здесь не звучало человеческой речи.

Филипп поднял факел, прищурился, вглядываясь во тьму под куполом потолка. Потолок поначалу показался ему бесконечно высоким, но потом граф понял, что все дело в гримах. Они шевелились десятками, если не сотнями, густо облепив свод пещеры, как пчелы улей.

Когда пять огненных точек разогнали тьму, шевеление под потолком усилилось. Тьма ожила. Глаза зажглись, подобно тысяче звезд на ночном небе. Один из призраков спорхнул вниз, раскрыв широкие крылья, и Филипп снова узнал это странное существо. Как же оно было велико!

Гвардейцы тряслись, и непонятно от чего больше: от холода или страха. По полу пещеры бродили призрачные Бестии невероятных размеров с распахнутыми пастями и желтыми глазами. Филипп снова вслушался, но слышал только биение сердец солдов.

А вокруг стояла зыбкая тишина.

Тогда он направился со своими людьми к центру зала, который находится в низине. Воздух с каждым шагом становился все тяжелее.

– Дышать сложно, господин, – прошептал натужно Картеш. – Будто давит что-то со всех сторон.

Измученные солтры расшнуровали гамбезоны, несмотря на пробирающий до костей холод. Филипп почуял резкий запах крови и обернулся. У Свана пошла носом кровь, кто-то с хрипами закашлялся – и граф дал знак остановки. Затем достал из мешка длинную веревку и обвязал себя ею в поясе, а конец отдал солтрам.

– Встаньте у коридора и ждите меня. Если что, затягивайте.

Длины веревки должно хватить, чтобы дойти хотя бы до центра – и ни шагу дальше. Под обеспокоенным взглядом людей, которые вернулись вверх, ко входу в зал, Филипп продолжил свой путь уже один, обвязанный в поясе веревкой.

Там, дальше, виднелись обломки алтарей.

Это место не для людей, думал граф. Мертвое место. Он спускался вниз с зажженным в руках факелом, перебирался через обвалы, перепрыгнул небольшую трещину, уходящую в недра земли. Ненадолго остановился и заглянул в нее, но встретила его лишь тьма. Не увидев дна, Филипп осторожно двинулся дальше и зябко передернул плечами, ибо та тьма в расщелине словно сама всмотрелась в него.

В конце концов, он достиг первого алтаря, частично обваленного. Мерцали голубизной надписи. Везде были кости, и Филипп невольно стал рассматривать их. Это были останки людей и чудовищ, однако при ближайшем рассмотрении он увидел, что некоторые тела людей были изуродованы, а трупы чудовищ – странно очеловечены. За постаментом обнаружился скелет в истлевшем балахоне. Руки его были неестественно удлинены, а череп – вытянут. Но это был явно человек. Вскоре Филипп убедился, что почти все преданные ритуалу тела, лежащие вокруг алтаря, подверглись трансформации. Что же это? Неужели это те самые места кровавых ритуалов? Те самые храмы, от которых на поверхности не осталось и следа?

А потом граф опустил глаза, которые отчего-то потеряли зоркость, вниз. Перед ним в ключьях тумана, который окутывал дно зала, лежал скелет другой Бестии, нетронутый, но с одной человеческой рукой.

Нахлынули воспоминания. Бестия тогда, во время боя в еловом лесу, заговорила. Значит, некогда она могла быть человеком, смутно помнящим, как говорить, но человеком. Выходит, что кровавый ритуал прервало землетрясение. И будучи еще не обращенной, Бестия смогла пробраться по коридору, пролезть под скалой и попасть в ту пещеру, где уже обратилась в чудовище и стала заложницей гранитных стен.

И тут, обойдя алтарь и взобравшись на возвышение, где туман был не так густ, Филипп вдруг увидел вдали за колоннами проход, ведущий еще ниже. Пещеры имеют продолжение? Выходит, что это целая сеть залов под горой?

У этого прохода что-то шевельнулось. Это что-то граф поначалу принял за очередного грима, но гримы всегда двигаются медленно, будто плывут в тумане, а это же существо дернулось резко. Филипп вздрогнул и настороженно прищурился, всмотрелся.

Существо снова колыхнулось, сползло со стены, как паук, перебирая десятком, если не сотней конечностей. А потом оно вдруг замерло, очертания его задрожали, и внутри расплывчатого тела вспыхнули молнии. Оно зыбилось из стороны в сторону, выглядывало из-за колонн то справа, то слева, и будто само наблюдало за тем, кто посмел явиться сюда.

Что это? Грим? Но почему он сверкает молниями? Почему его поведение присуще скорее не отрешенному призраку, а живому созданию, обладающему разумом?

Граф, осторожно рассматривая существо, которое не производило шума, а, значит, не должно было быть опасным, вдруг почувствовал, как перед глазами у него поплыло, а голова налилась свинцом. Он пошатнулся, но устоял, тряхнул седой головой, чтобы скинуть наважде-

ние. Все, нужно уходить – он зашел слишком далеко. Воздух вокруг был насыщен чем-то почти осязаемым. Невольно Филипп вытянул руку, и меж его пальцев пробежала фиолетовая искра.

А существо за колонной уже пропало из виду, уползло куда-то под потолок, ловко перебирая по стенам мерцающими туманными лапами.

– Господин, с вами все в порядке? – крик словно откуда-то издалека. Слова вязли в воздухе.

Филипп неожиданно почувствовал себя дряхлым стариком. Руки и ноги его не слушались. Однако нашлись силы сделать шаг, второй, и хоть и с трудом, но граф пошел назад. Опять эта расщелина. Он пошатнулся, с трудом перепрыгнул ее, едва не завалившись назад в бездну. Затем рухнул на колени и уже пополз, держась за веревку, как малое дитя. Под ладонями и коленями непрерывно хрустели кости мертвых. Факел остался позади. Когда он успел потерять его? Ужасное место.

Где-то за спиной вспыхнул голубой огонь, и из-под потолка снова выглянуло то существо, всмотрелось в спину графу. Он буквально почувствовал его взгляд на себе.

Филипп невольно закрыл глаза, потом усилием воли открыл, сопротивляясь желанию провалиться в странное пьяное блаженство. Хруст под руками продолжался, слабость навалилась камнем, придавила его к земле, но Филипп боролся. Боролся, как привык. Где он вообще? Почему вокруг такая плотная, такая густая тьма? Или он лежит под звездным небом? Звезды вдруг стали ближе, и Филиппу показалось, что он почти касается их; звезды спустились с потолка, распахнув крылья, окружили его и укрыли тьмой.

Голос солров вдалеке показался ему шумом ветра, в ушах пульсировало, но он продолжал ползти, бороться с дурманом. Однако в конце концов все-таки рухнул наземь и ощутил, как веки слиплись от приятной слабости.

Очнулся Филипп уже в верхней пещере, когда солры вытащили его из узкого лаза за руки. Поначалу он не понимал, где находится, но вот кто-то обмыл его лицо ледяной водой из кожаного мешка. Во взгляде прояснилось. Четыре обеспокоенных лица склонились над ним. Силы возвращались к графу, а грудь задышала. Он резко сел и осмотрелся, затем перевел свой взор на солров. Один из них, Картеш, хрипел и плевался кровью; она залила ему гамбезон, окропила сапоги.

– Вы не дошли, упали. Мы по шуму догадались... Потом вы поползли. Пока не замерли, – сказал Картеш, промачивая рукавом кровь с лица. – Мы потянули вас, стали тащить... Я с Утогом спустился помочь, чтобы ускорить.

– Там отравы, господин, туман... Это не иначе как обиталище Граго! – простонал Утог, чувствуя, будто его лягнул конь.

– Мы сначала не могли найти вас, будто шоры на глаза надели, – продолжил Картеш. – А на вас села та здоровенная гарпия, про которую вы тогда сказали, что это – не гарпия. Она закрыла вас крыльями. Мы уже боялись, что вы сгинули во тьме. Но потом она вспорхнула, зыркнув глазами напоследок – и мы забрали вас.

Филипп встал. Встал легко, вскочил, по-молодецки, как раньше, ибо слабость ушла. А потом он вспомнил сияющего грима и коридор, который вел дальше под землю, и стал задаваться вопросом: что же там, под горами? Однако спуститься дальше не предполагалось возможным; даже граф не сможет дойти туда из-за этого тумана, осевшего на дне зала и становящегося тем гуще, чем ниже пришлось бы спускаться. А что же за существо охраняло проход, что за чудной грим то был, у которого сверкали не глаза, а все тело, как в ночи, разрываемой грозой? А ведь пещеры, отметил про себя Филипп, вели на север, к Донту, который был расположен по ту сторону гор.

Солры стояли под лазом, ведущим на поверхность земли, и наслаждались тем скудным светом, что лился на них сверху. Отдышавшись после возвращения и оттаяв от липкого страха, они ждали приказа. И приказ последовал:

– Возвращаемся, – сказал Филипп. – По крайней мере мы выяснили, что никакая Бестия графству более не страшна.

– А те твари? Те летающие чудища Граго? – скромно спросил солд.

– Это просто старые гримы, которые видели тех существ на заре Слияния. Судя по всему, они питаются туманом, лежащим в пещерах, и далеко отходить или не могут, или не хотят. Иначе бы небо над нами уже почернело от их крыльев.

И Филипп поднял голову вверх, к лазу, где виднелся синий кусочек неба. Что же летало под этими небесами две тысячи лет назад? Сколько же крови пролилось в те страшные эпохи, когда мир Хорр слился с миром людей? И какие тайны скрываются в себе горы, которые поднялись из пустошей за несколько десятилетий? Граф отчаянно вспоминал то существо у прохода, напоминающее грозовую тучу, и пытался найти хотя бы что-то похожее в сказках, рассказанных ему стариками подле реки Алмас, где он вырос. Но ни о чем подобном люд не толковал даже пятьсот лет назад, а, значит, все эти века это нечто не вылезало из пещер на свет, таясь во тьме и считая ее домом.

Отряд с трудом поднялся наверх по веревке, чувствуя в теле слабость; уже спустя час четверо гвардейцев спали на своих лянниках, как младенцы, а Филипп все сидел и размышлял о старых временах.

Глава 3

Я узнал тебя!

Элегиар.

2152 год, весна.

В небесах раскатисто гроыхнуло. Юлиан поднял голову, увидел тяжелые свинцовые тучи и замедлил шаг. Затем обернулся на мгновение, чтобы разглядеть преследователей. Мужчина, низкий, в сером потрепанном плаще – казалось бы, обычный ремесленник, но он следовал за Юлианом уже больше часа. А вот справа за прачечной показался еще один – этот высокий, худой, с резким треугольным лицом. Как минимум двое шли следом, словно хвост, наблюдая за каждым его шагом.

Илла обещал дать возможность ходить по Мастеровому городу – и обещание сдержал. Но теперь за его веномансером в тени вечно следовала вечная охрана, по словам советника – из соображений безопасности.

Темное-серое небо расчертила молния. По черепицам затарабанил дождь, усиливаясь. Люд, заторопившись, пошмыгал кто куда; кто спрятался под крыши, кто нырнул в манящие запахи еды проемы таверн. Толпа хаотично потекла, и Юлиан, воспользовавшись моментом, слился с ней в сгущающейся завесе.

Потом он резко завернул на узкую улочку, пропитанную облаком оседающего от ливня смрада нечистот, и перемахнул забор тускло-зеленого цвета. Во дворе доходного дома бегали женщины, спешно снимая с веревок вещи. Кто-то захлопнул ставни, кто-то, наоборот, открыл их, чтобы впустить дождливую прохладу весны.

Прижавшись к калитке, Юлиан услышал шаги – преследователи прошли мимо с другой стороны ограды, шлепая по лужам.

– Где он?

Напарник не ответил, и охрана скрылась за поворотом кривого, как южные ножи, проулочка. Дождь усилился и обратился злым, сплошным ливнем.

– Эй, что тебе надо? – крикнула одна женщина из-под навеса.

Не ответив, Юлиан отворил калитку. Он вернулся на улочку и заторопился исчезнуть на мостовой. Стремительные ручьи побежали меж плиток, грохотали черепицы от стука капель по ним. Веномансер обогнул бордель и зашагал к западной части города, Трущобам. Там обитала нищета. Именно в Трущобах произошел Гнилой день, когда из-за Вицеллия Гор'Ахага отравились и погибли тысячи жителей.

Он шел больше получаса, петляя по узким дорогам, перескакивая калитки внутренних дворов и являясь с другой стороны квартала. Кажется, преследование если и было, то Юлиан оторвался от него. Будто в подтверждение мыслей зазудел браслет, и раздражение кольнуло руку, растеклось до предплечья, где и затихло. До таинственного дома слуги Пацеля осталась пара поворотов.

Юлиану не терпелось добраться до волшебного мешка, и он шел одинокой фигурой под пеленой ливня. Дома становились все хилее и беднее, косились, словно подпирая друг друга.

Из-за угла вынырнули стражники, нахохлившись в пелеринах, а один из них надвинул на глаза шапелю, прячась от воды. Стража замерла, вгляделась в незнакомца и прищурилась, но Юлиан, не сбавляя шага, прошел мимо. Затем он удостоверился, что шейный обод спрятан под ленты – ничего, кроме него, не указывало на рабский статус, поэтому люд не обращал внимания на невольника без клейма на щеке, посчитав его за свободного. По закону стража могла и обыскать, и задержать раба, если заподозрит, что он хочет сбежать.

А вот показался нужный узкий проулочек, где и конь пройдет с трудом. Стена города нависла над незванным гостем. Юлиан подошел к скрюченному домику. Затем занес кулак для стука, но перед этим, ненадолго замерев, взгляделся в начало проулка – уж не настигла ли его охрана Иллы. Потом он поднял голову вверх, прищурился от дождя. Однако никто, кажется, не глядел с галереи стены. Выдохнув, он постучал пять раз, как и учил Вицеллий.

Тихое шарканье. В груди у вампира часто застучало от напряжения. Из-за двери раздался глухой голос.

– Кто?

– Друг Пацеля.

Дверь отворилась, и плешивая голова полуслеплого слуги высунулась в проем. Юлиан шагнул в оглушающую после дождя тишину, мимо старика, отодвинув того, и устремился по земляному мокрому полу – дом подтекал – ко второму ярусу, по лестнице. Нахлынули воспоминания о хлопающей глазами Фийе, о вредном Вицеллии – и он вздохнул от того странного чувства, когда прошлое шло рядом с ним: незримое, но осязаемое. Скрипнула лестница. Макушка Юлиана показалась на маленьком чердаке. Вскрабавшись, он стал искать мешок. Наверху лежали сваленные корзины, заплесневелые от влаги, два сундука с пробитым дном и заплечная котомка. Но мешка не было.

– Что? Как так? Где он?

Он вполз всем телом, испачкавшись в пыли, лег животом на доски, затем присел на корточки. Зоркие глаза видели каждый закоулок этого чердачка, где невозможно было встать в полный рост, но волшебный мешок пропал.

Юлиан спрыгнул.

– Где мешок?

Старик молчал.

– Где мешок, куда он пропал? Там были большие деньги, меч, драгоценности! Где он, я тебя спрашиваю! Я – друг Вицеллия и Пацеля. Отвечай!

Но старый вампир был нем и глух. Не замечая упершего руки в бок гостя, он прошел мимо, плюхнулся на циновку, которую на севере звали льняником, и вперился в стену. Пока Юлиан ходил вокруг да около слуги Пацеля, тряс его, хлопал по щекам, тот не реагировал. Тогда веномансер еще раз обшарил каждый закоулок дома и, не обнаружив ничего в этой нищей лачуге, где все было как на ладони, уставился злым взглядом на старика.

Наконец, не выдержав, он ухватил его за грудки, поднял, удивительно отрешенного, и вцепился ему в шею. И прикрыл глаза, впитывая воспоминания из вязкой и неприятной вампирской крови. Старик висел тряпичной куклой, безвольно уронив руки вниз, и словно ничего не чувствовал.

Спустя пару минут Юлиан опустил окровавленного слугу Пацеля и, изумленный, оперся о стену лачужки. Потом и вовсе присел на циновку, чтобы подумать.

Оказалось, что старик этот – Амай – раньше служил при дворце в кордегардии, но чуть больше трех десятков лет назад, после Гнилого дня, он ни с того ни с сего покинул свой пост и обосновался здесь.

В тот день к нему подошел Пацель, еще молодой, и приказав следовать за ним, привел в эту лачугу. И с того момента Амай жил мыслями только о том, что с утра работал на складах у речного порта Элегиара, а ближе к вечеру усаживался дома у очага. Питался впроголодь, женщин не имел и интереса к ним не чувствовал. Друзей у него тоже не было. И все это случилось с ним после разговора с Пацелем. За одно мгновение из обыкновенного мужчины – в отрешенного аскета. Но как? Что же за мощь скрывалась в тщедушном теле лекаря-мага, который одной мыслью поставил на колени Малые Вардцы и исцелил матушку Юлиана, а теперь и забрался в голову к этому слуге? Да так крепко забрался, что тот беспрекословно несколько десятилетий исполняет наказ охранять дом, сгнивая заживо от голода и холода!

Но странным было не только, что мир слуги вдруг сузился до одного дома, где он охранял мешок, а то, что Вицеллий, кроме того единственного случая, больше здесь не бывал. Юлиан отчаянно вспоминал слова учителя о том, что они с Пацелем якобы часто пользовались этим артефактом вместе. Но в воспоминаниях слуги присутствовал один только маг Пацель. Что за несусаица!

В памяти нашелся и тот, кто украл волшебный мешок. Это был один из истязателей тюрьмы дворца. В ночь, сразу же после смерти Вицеллия в подвалах, он постучал ровно пять раз в дверь, и, когда слуга отворил ее, без церемоний вполз на чердак, забрал мешок и ушел.

Юлиан ничего не понимал. Он тер лоб, тер до красноты бледный шрам на переносице и чувствовал, что внутри начинает клокотать ярость. Что вообще происходит? Даже если тот истязатель и знал о происходящем, он никак не имел доступа ни к печати, чтобы отправить фальшивое письмо в Ноэль, ни к канцелярским тубам – не того ранга оборотень.

– Это чертовщина... – шептал сам себе Юлиан. – Сначала события тридцатилетней давности, потом это... Уж не стал ли мой учитель Вицеллий всего-навсего бедной жертвой желания Пацеля, которое вынудило его пойти на смерть? И не окружают ли меня во дворце другие такие же «околдованные»? Ох, матушка, что же вы скрываете от меня со своим другом? Мне кажется, что вокруг происходит нечто темное, что затягивается у моего горла удавкой, но у меня не хватает мудрости разгадать этот замысел. Или это игра моего больного воображения? Уж слишком сказочны происходящие со мной события. И не в сказке ли я живу, что вся моя жизнь – волшебное переплетение случая и судьбы?

Пока Юлиан обтирал губы и приводил в порядок испачкавшийся на чердаке костюм, Амай как ни в чем не бывало сел у очага. Невольно поражаясь странному отупению слуги, ибо он никогда ранее не сталкивался с подобной магией, Юлиан покинул лачужку.

Дождь обрушился на изумленного вампира, а ноги повели его к мостовой. Трущобы пустовали – все забились кто куда; ливень, по-весеннему неистовый, загнал всех под крыши. Промокший до нитки Юлиан увидел благодатный свет распахнутых дверей таверны и пошел туда, пока не пропал в проеме пропахшей сырой древесиной харчевни.

Внутри было тесно. Помещение ветхое, воняло дешевым пивом и рвотой. Поморщившись от запахов, Юлиан протолкнулся сквозь толпу локтями, ибо никто его в Элегиаре не знал и не разбежался в стороны от одного вида графа, что теперь был никем. Свободного места за столами не оказалось; многие ели и пили в проходах, пихаясь.

Мимо ходили люди и нелюди, но Юлиан был одет в неказистый плащ, выданный Хмурым, поэтому не сильно выделялся среди толпы. Хотя золотая брошь на шапероне, подаренная Иллой Ралмантоном, порой и привлекала недобрые, алчные взгляды, но, смерив высоту северянина и размах его плеч, желающие поживиться добром от мыслей о грабеже отказывались.

Раздумывая, что делать, Юлиан оперся о колонну, держащую на себе второй этаж. Нужно было понять, что происходит, и он, не видя ничего вокруг, окунулся в размышления.

Значит, есть какой-то заговор и во дворце таятся предатели, которым пока невыгодно обнаруживать старейшину. Но чего они ждут?

Во-первых, побег тогда придется отложить. Нужно найти истязателя тюрьмы. Его Юлиан помнил очень хорошо. Именно тот высокий, но сутулый оборотень тащил двумя годами ранее Вицеллия в подвалы для пыток. И именно он же, выходит, пытал Вицеллия. Во-вторых, придется втихую убить этого истязателя, чтобы узнать все из его крови. Нужно будет выведать, где он живет, и подкараулить в темных проулках. А в-третьих...

– Кхм... Почтенный, здесь мое место, – послышался интеллигентный, тонкий голос.

Юлиан повернул голову – на него недовольно смотрел менестрель в узких черных шароварах, красной пелерине (по перешедшей от знати моде) и белоснежной рубахе.

– Здесь не написано, что твое, – раздраженно ответил он.

– Я всегда выступаю вот у этой деревянной опоры.

Музыкант насупился и провел пальцем по струнам, выдав из инструмента печальный звук.

– Я не в курсе, ступай к другой.

– Ну... Как это не в курсе. Ты на прошлой неделе сидел и смотрел на мое выступление!

– Я здесь никогда не был, говорю тебе еще раз, если глуховат, – поморщился Юлиан. – Вон, иди туда.

Музыкант потоптался на месте, но спорить не стал. Он, как и все ранимые творческие люди, обиделся и ушел в противоположную сторону таверны, а до ушей северянина донеслось коротенькое «Хам».

Юлиан оглядел полутемное из-за непогоды помещение, где царила суета. В таверне жутко воняло: не только сыростью, грязью и дешевизной. Несколько вампиров, как и Юлиан, в презрении потягивали носом в сторону компании оборотней. Те, скорее всего грузчики, судя по запыленным рубашкам, жевали тушеное мясо, гоготали и рассказывали друг другу байки про ночные похождения своего товарища. А от них разило порцией собачатины.

– Попрошу минуточку внимания! Минуточку! Почтенные! – закричал тоненьким голосом менестрель.

Он безуспешно пытался призвать к хоть какой-нибудь тишине, но его голос потонул в толпе, которая заполонила таверну из-за дождя. Кто-то работал челюстями, кто-то пил принесенную кровь, а кто-то просто переждал ливень, толкаясь в проходах между занятыми столами.

Снаружи не переставало грохотать, и молнии пронзали небо, с каждой вспышкой освещая на мгновение помещение таверны.

Такова была южная весна – с дождями, грозами и слякотью.

К Юлиану подскочила юркая девушка и улыбнулась:

– Там стол освободился, Момо, – прощепетала она. – Чего ты стоишь?

Юлиан мотнул головой.

– Ты меня с кем-то перепутала.

– Момо, ты чего...

– Говорю еще раз, спутала ты меня, милая девушка.

Служанка, удивленно качнув плечами, пропала где-то в подсобных помещениях. Под навес таверны вошли два стражника, и Юлиан отступил чуть дальше в полутьму, прислушался к гудящей толпе. Компания слева расчихлила трубки и принялась курить, попыхивая тягучим дымом.

Справа за деревянной колонной раздался голос.

– Момо, друг! – прогремел крупный человек в простеньком костюме: шаровары, рубаха да короткий плащ.

Юлиан смолчал, хотя это было адресовано ему, и лишь нахмурился, продолжая слушать таверну. Пальцами он нащупал рабский ошейник и убедился, что тот надежно спрятан под лентами. Незнакомец справа пожал плечами и снова замолотил ложкой.

Все вокруг гремело и звенело. Толпа неустанно говорила. Запела лютня менестреля, который смог воззвать к тишине. Запела она о северных женщинах, да не простых, а голых, манящих и красивых. Народ радостно загудел и стал подкидывать в шляпу на полу монетки. Получив одобрение толпы, менестрель, донельзя довольный, отклонялся и стал напевать уже другую песню. Пел он про двух ротозеев, которые открыли свои рты посреди дороги, отчего у них сбежали рабы. Однако песня эта, донельзя сказочная, уже не снискала такой славы, как первая, потому что женщин любят все, а уж северных: с их синими глазами, белоснежной кожей и черными волосами, – так и вовсе считают образцом красоты.

Человек справа от Юлиана продолжать энергично работать ложкой в каше, закусывая хлебным ломтем.

– Эй, Момо! Да присядь ты уже! – закричал он, перекрывая гул. – Да чего встал столбом? Ну как чужой!

Дождь стал стихать. Юлиан поначалу мотнул головой и уж было направился к выходу, как вдруг заметил напротив таверны проходящего охранника Иллы. Тогда он шмыгнул за стол к мужику, чтобы укрыться за колонной. Меньше всего он сейчас хотел встречаться с теми, кто был приставлен к нему для контроля.

– А ты ж с севера, Момо? – спросил мужик.

– С Ноэля, – не спуская глаз с двери таверны, ответил Юлиан.

– А-а-а, понятно. У вас там правда такие девки красивые водятся? Ну, как этот брынькальщик пел...

– Водятся.

– Везет... Я б с такой бы пообнимался. Эх... Ладно, рад был снова увидаться. Бывай!

– Снова? – спросил Юлиан. – Послушай, я тебя не припомню. Ты меня с кем-то перепутал.

– Да как же... Несколько ж дней назад ели с тобой. Ты взял кашу, пшенку, а я – овсянку.

– Я не могу есть кашу, – Юлиан широко улыбнулся, обнажив клыки. – Ты точно перепутал.

– Да нет, я слепой что ль? Вот как сейчас тебя тогда видел.

– Пил?

– Ну, было дело, да, вечер был, пивка накатил слегка до этого. Тут оно забористое, хорошее – из-под руки пивовара Брегена, – мужик отодвинул миску и грохнул на стол пару монет. – Ладно, может, действительно что спутал. Бывай...

С этими словами он поднялся и исчез из таверны, спеша на работу. Да и проливень как раз прекратился.

Юлиан еще некоторое время сидел за столом, выжидая время, и слушал новости касаемо войны. В начале весны Нор'Мастри и Нор'Эгус схлестнулись на Узком тракте в Куртуловской провинции. Там наги короля заняли удобную позицию на холме, и войскам мастрийцев пришлось отступить под шквалом длинных стрел, выпущенных из огромных луков. Узкий тракт во второй раз, как и годом ранее, остался за змеиным королем.

Еще шептал народ про розыск королевством Нор'Мастри магов-беглецов, которые отказались от своего долга и дали деру кто куда. Юлиан с улыбкой вспомнил труса Йонетия, бродячего мага, который повстречался им с Вицеллием и Фийей по пути в Элегиар.

Люди очень ждали летний праздник Прафиала, а вместе с ним смаковали приближение дня Зейлоары, когда на площадях будут танцы и пения юных суккубов и инкубов, а у озеркупален храма богини соберутся нагие девушки.

Юлиан поднялся со скамьи, которую тут же занял шустрый человек, одетый как писарь, и пошел к менестрелю. Кто же этот Момо?

– Эй, почтенный, – обратился он к жуящему в углу сырную лепешку музыканту.

– А? Что опять? Хочешь сказать, что теперь я твой стул занял?

Смуглый менестрель недовольно посмотрел на посетителя и на всякий случай пододвинул лютню поближе к себе.

– Нет. Я хочу спросить, где ты меня видел в последний раз?

Менестрель прополоскал горло дешевым винцом и задумался.

– А-а-а... Ну на прошлой неделе, да. Я же говорил. Ты не помнишь?

– Выпил, – соврал Юлиан. – Так что я делал?

– Ну, с барышней сидел, еще пару бронзовичков подкинул мне за выступление. Дамочка с борделя за углом. Ей пива подливал весь вечер, – менестрель пожал плечами. – Ну, постоянно ж разгульных дам водишь сюда или они тебя.

– А часто появляюсь я тут?

– Да вот, бывает. Ну, рядом же живешь.

– Где же я живу? – удивился Юлиан.

– Ты не помнишь, где живешь? – вскинул тонкие и словно выщипанные брови музыкант.

– Иногда я память теряю, говорю же, выпил в тот день и ничего не помню. Так где?

– Ну... Я бы вспомнил, честно, да тоже иногда теряю память. В детстве мамка роняла да братец по ушам хлопал. Пару бронзовичков бы...

Юлиан достал из тугого кошелька три бронзовых сетта и швырнул перед музыкантом. Тот довольно кивнул, хотя и не без обиды за то, что его отогнали от полюбившейся ему деревянной опоры.

– Соседний квартал, восточнее портновского цеха, красно-белое здание в три этажа. Я видел тебя выходящим оттуда иногда. Такое... косое, рядом с четырехэтажным доходным домом.

– Понял, спасибо.

Юлиан покинул таверну и поспешил туда, куда его направил музыкант. Периодически он оглядывался, но никого из людей Иллы так и не увидел, хотя раз уж они тут рыскают, то далеко уйти не могли. И пока побег откладывался из-за истязателя, нужно выяснить, кто же этот Момо, с которым его спутали сразу три человека.

Улочка изогнулась, и вампир попал в соседний квартал с очень узким проходом между домами, где двум встречным, чтобы разминуться, придется притереться друг с другом. Отвратительно пахло испражнениями. Юлиан поморщился от жуткой вони, которая обострилась после ливня. Похоже, это место использовали, как отхожее, из-за близости к главной улице.

Элегиар, как и все великие города, был городом контрастов. Тут соседствовали друг с другом нищие кварталы, где люди жили, как крысы в амбарах, и сверкающие золотом районы аристократии, с садами и сотней прислуги. И именно в Элегиаре этот контраст был столь резок, а улочки Трущоб так узки и гадки, что Юлиан невольно почувствовал томление по простору особняка в Ноэле.

Как тот, кто вырос в деревне посреди величественных и старых сосен, меж рек и лугов с цветами, Юлиан всей душой ненавидел тесноту больших городов. Да, его очаровывали праздничные и широкие мостовые, но стоило свернуть в сторону – и ему хотелось убежать, уйти от этих сдавливающих клеток. Он вспомнил вечера под сенью сосен в Ноэле, вспомнил пение цикад и благоухание голубых олеандров – и вздохнул. Юлиану этого не хватало, но возвращаться в Ноэль к матушке – бессмысленно, ибо она явно была замешана во всем, что сейчас происходило.

Наконец, он нашел, что искал. Доходный дом с посеребрившим и старым камнем, окрашенный в белое и красное, находился практически в тупике.

Дверь доходного дома была заперта на ключ, а окна первого этажа заколочены. Тогда Юлиан заглянул во двор, где на скудном пяточке с обрушенным колодцем висели на веревке чьи-то подштанники с латками. Но и там входа не обнаружилось, потому что вдобавок к окнам хозяева наглухо закрыли досками и дверь. Задрав голову, он увидел, что на чердаке приоткрыты ставни, но туда никак не допрыгнуть. Разве что по крыше, но еще светло, могут увидеть.

Может менестрель ошибся? Но почему тогда и тот работяга узнал в нем кого-то, с кем уже якобы обедал? Как и та молоденькая девушка.

Кто такой этот Момо?

Морщась от смрада нечистот, Юлиан отошел дальше, но так, чтобы не упускать из виду входную дверь. Улочка вообще была глухой и малопроезжимой, лишь пару раз сюда заглянули несколько горожан, которые сняли шаровары у стены, сделали свои дела и исчезли. Либо заметили стоящего незнакомца, выругались и ушли на другую улочку.

* * *

Ждать пришлось недолго. Спустя час, когда сумерки легли прохладой на Элегиар, а солнце закатилось за высокие зубчатые стены, послышался скрип. Юлиан спрятался за угол. Покосившаяся дверь красно-белого доходного дома отворилась. На улицу ступила очень высокая фигура, однако все же ростом пониже Юлиана.

На голову незнакомца был накинута глубокий капюшон. Кто скрывался под ним – невозможно было разобрать. Но одеяние указывало, что это кто-то из бедных ремесленников: простенькие шаровары и многократно залатанный и старый плащ, – выглядело очень неказисто. Раздался звук «Апчхи»; мужчина утер нос рукавом и пошел по узкому проулочку на выход. Юлиан последовал за ним.

За такой вытянутой фигурой следить не сложно – незнакомец возвышался над всеми на полголовы. Его походка была чуть дерганой, а беспокойная рука вечно сновала между носом и затылком, терла все, что можно.

Уже в густой толпе, скрытый ею же, Юлиан догнал незнакомца и повернулся. И замер как вкопанный, ибо он увидел себя! Не веря своим глазам, он помотал головой и вновь последовал за куда-то бредущим незнакомцем. Сомнений не оставалось – его облик «позаимствовал» какой-то мимик.

Незнакомец некоторое время шел по широкой мостовой, пока не свернул вправо и не ступил во тьму проулка. Юлиан ринулся за ним. Грохнула массивная дверь, и незнакомец скрылся внутри какого-то дешевого доходного дома, где снимали комнаты самые бедные жители: блудницы, грузчики, сторожа и менестрели-неудачники.

Тогда вампир пробрался во двор и ощупал взглядом окна над входом. Вот в одном из них зажгли свечу, и из-под полуприкрытых ставней донесся женский хохот. Он, озадаченный, под покровом сгущающейся тьмы ловко вскарабкался на крышу пристройки, прополз под окнами к нужному и заглянул сквозь щели.

Там две женщины окружили незнакомца.

– Ох, мой Момо, ты пришел! – смеялась вульгарно первая, кидаясь гостю на шею.

Однако первую женщину оттолкнула вторая:

– Да ко мне он пришел, коза драная! Вот еще нужна ты ему!

– Не наглей, Райя!

Первая дамочка скинула с себя выцветшее черное платье, которое уже было блекло-серым, и обняла мужчину сзади.

– Да я к вам обеим пришел, девочки! – сказал очень бархатистым голосом незнакомец.

Следующие пару минут Юлиан с отвращением наблюдал, как тот, кто походил на него лицом, разделся и уложил двух жаждущих женщин на постель, которую они делили друг с другом, снимая эту комнатуху. Руками он неумело скользил по их телам, целовал, пока, наконец, не взобрался сверху одной.

До ушей подглядывающего доносились стоны и счастливые всхлипы, а две девушки облепили высокого черноволосого мужчину, как облепляют жадные до еды рыбы подкормку. В ответ двойник неловко расцеловывал их, говорил несуразные комплименты, рычал и хохотал, как полоумный.

– Да что это такое... – негодуя шептал сам себе под нос Юлиан. – Это безобразие!

Меж тем дело чересчур быстро близилось к концу.

– Да кто так делает вообще... – уже в гневе ворчал он, видя неумелость двойника. – Что ты за недотепа такой, кто же женщину так держит, как бревно... Ах ты ж похотливый арбалетчик...

Наконец, двойник поднялся с кровати и замер посреди комнаты, нагой и невероятно довольный собой. Потной ладонью он пригладил черные, как смоль, волосы и широко улыбнулся.

Видимо, сей вид привел женщин в неописуемый восторг, потому что они тут же подскочили с кровати и принялись расцеловывать своего гостя.

– Момо, какой же ты у нас замечательный. Такое счастье же нашли! – защebetала радостно одна.

– Да-да, ты наш красавец. Нигде такого не сыскать, даже во дворцах этих златожорцев! – вторила другая. – Когда ты еще приедешь к нам?

– Ну... На следующей неделе, наверное... – произнес незнакомец.

Пока одна женщина, прикусив нижнюю губу, поглаживала его по плечам, вторая извлекла из-под матраца старый кошель. Она высыпала блеклые и затертые монеты на подставленные мужские ладони, потом задумалась и дала еще. В итоге кошель почти опустел.

– Спасибо, – улыбнулся трогательно двойник и стал одеваться, быстро спрятав наживу в карман.

– Это тебе спасибо! – отвечали, краснея, женщины. – Приходи, мы тебя ждем в любой вечер, как только вернемся от нашей Сводницы.

– Прощайте, мои хорошие. Ну дайте вас поцелую. Ну идите сюда, красавицы.

– Подожди, Момо. Вот, держи! На ужин.

С этими словами одна из женщин передала закутанные в старое полотенце лепешки. Пока Юлиан смотрел на это все дело с гримасой отвращения, двойник был расцелован, обнят и даже получил прощальный шлепок по задку. А на прощание он так и вовсе якобы мужественно рыкнул и скрылся.

Юлиан стал осторожно спускаться, чтобы грохотом крыши, и так побитой дождями, не привлечь внимание.

– Ах ты ж похотливый и продажный хорек! – шептал возмущенно он. – Ну, погоди у меня!

Спустившись, он последовал во тьме за Момо, который, насвистывая песенку того музыканта из таверны, пошел к дому со свертком лепешек в руках. Где-то наверху гроыхнуло. Вновь полил дождь, полил косой и сильный. Накинув капюшон, двойник заторопился семенищей походкой к своему узкому проулочку. Уже когда он гремел ключом у входной двери, тщетно пытаясь попасть во тьме в замочную скважину, вампир подошел к нему ближе и зловеще шепнул на ухо:

– Ну здравствуй, Момо.

Тот вздрогнул, обернулся и от страха уронил ключи в грязь.

– А-а-а-а!

– Заходи внутрь!

Юлиан схватил двойника за плечо и сжал, отчего тот всхлипнул.

– Я... Извините меня, пожалуйста! – пальцами дрожащий Момо опустил за связкой ключей и открыл входную дверь. – Не надо было так мне делать. Ох, не надо... Я не хотел...

– Заходи!

От него пахло, как от человека, и Юлиан не увидел при его вскрике клыков. Дрожащий двойник стал подниматься по грязным ступеням вверх, под самую крышу. За дверьми мелькающих комнатешек, которые хозяин дома сдавал в аренду, доносились пьяные вскрики, храп, суэта и галдеж ватаги детей. Ненадолго Юлиану показалось, что Момо сейчас завопит, чтобы привлечь внимание соседей, и оттого предупреждающе схватил его за шею.

Дверь чердака открылась, и Момо буквально ввалился в свою комнату, споткнулся и рухнул на пол в мокром плаще. Сверток с лепешками вывалился из его рук.

Когда дверь захлопнулась, Юлиан обвел взглядом комнатку с низким потолком. Неказистая обстановка: старенький топчан в углу, без подушек и постельного белья, с набитым

соломой матрацем, глиняная утварь, портновский стол и два кресла, которые выглядели ненадежно. В углу подтекало – там набралось уже с целую лужу. На скошенных стенах были развешаны на гвоздях и крюках костюмы, а стол для раскройки завален подушечками с иглами, наперстками, тканями и лекалами. Портной, стало быть.

Момо поднялся с пола, схватил сверток с лепешками, быстро отряхнулся и спрятался за кресло. Он похлопал почти слепыми в ночи глазами.

– Почтенный! Почтенный! – промямлил он во тьму. – Я не хотел никакого зла, простите меня!

– Зажги свечу.

Момо нашел на ощупь огниво и высек над глиняным подсвечником, стоящим на полу, искру. Вскоре комнатка частично озарилась светом, и от того показалась еще более нищей и плохонькой. Трепетный огонек свечи выхватил из тьмы низенький топчан, два кресла и дрожащего Момо.

Юлиан рассматривал свое же лицо, которое исказилось в гримасе ужаса. И заметил, что двойник, в общем-то, не очень и достоверный вышел: подбородок чуть длиннее, шрама на переносице нет, да и уши точно другие.

– Ты – мимик?

– Да-да! Мимик, или повторник, или человеческий оборотень... – робко ответил Момо.

Слушая всхлипы того, о ком даже в трудах демонологов писали крайне скупое и мало, Юлиан раздумывал, уж не вцепиться ли ему в глотку. Тогда он все узнает сам: и что делал этот Момо под его обликом, и что натворил. Но вид бедняги был настолько несчастным и забитым, что он решил пообщаться с ним сначала по-хорошему и поэтому указал гневно пальцем на кресло.

– Садись и рассказывай!

Момо неловко переполз через треснутый подлокотник, боясь просто обойти кресло, чтобы не оказаться чересчур близко к гостю. Юлиан же, не спуская с того глаз, нащупал пальцами сиденье.

– Там подушечка с иглками... – нерешительно подсказали ему.

Юлиан убрал с кресла подушечку, еще раз осмотрел комнатку, завешенную мужскими и женскими костюмами, и приземлился. А Момо меж тем подтянул свои длинные ноги к подбородку и обхватил их руками в кольцо, не переставая трястись от страха.

Перед ним явно не храбрец сидит, думал вампир с усмешкой. Что-то мялится, дрожит как осиновый лист. Боится всего и вся. Походка у него дерганая, что выдает в ее обладателе личность крайне неуверенную. Даже в общении с женщинами он играл из себя излишне дерзкого любовника, чтобы скрыть эту самую неуверенность. Юлиан строго взглянул на мимику, отчего тот вздрогнул, и спросил:

– Ну и чего ты молчишь?

– Ну... Я вас увидел пару годков назад в толпе. Увидел там, на Дожливой улочке. Вы тогда были со стариком и женщиной. Я думал, что вы скоро покинете наш город.

– И ты два года в моем облике расхаживал?

– Нет! Я в вашем ходил очень редко! Только вот последние полгода смог. Он – неудобный. То есть удобный, но только для каких-то случаев. Ну вы понимаете...

– Займы брал?

Мимик усердно помотал черноволосой головой.

– Врешь...

– Клянусь, да поразит меня Химейес! Я вот по женщинам иногда хожу. А чаще в другом виде. Ну, в своем то бишь.

– Показывай!

Юлиан как можно грознее свел брови на переносице, а сам же про себя усмехнулся от презабавного и неуклюжего вида своего двойника.

Двойник же сосредоточился. Его облик поплыл, растянулся, потом собрался – не как у обычных оборотней, у которых это происходит медленно и болезненно, а словно по волшебству; сразу же вспомнились преобразования Вериатель, как она ловко перепрыгивала из кобылей личины в человеческую.

Спустя мгновение в кресле уже сидел человек: средних лет, с глазами добряка и мягкими чертами лица, которые подошли бы больше женщине. Любой бы незнакомец, завидев такого, сказал бы однозначно и уверенно: «Безобидный малый!» И вот этот безобидный малый скромно улыбнулся и поправил ставшие большими на нем в плечах вещи.

Гнев гостя поутих и сменился скорее любопытством, ну а мимик тихонечко так стал молить:

– Я честно не хотел ваш облик во зло использовать. И мысли не было, почтенный, вам навредить! Лишь женщин осчастливил. Вот. Да вот и все, собственно. Вы же понимаете, как они падки на иноземцев.

Юлиан оглянулся.

– Это все твои костюмы?

– Нет. Я портной. Ну, то бишь шью под заказ костюмы соседям и тем клиенткам, с которыми встречаюсь, – выпалил мимик. – А часть нарядов моя, да. Это ведь непросто – обращаться в кого-то. Нужно делать такой фасон, чтобы одежда не разошлась по швам иль не удушила.

– А платья? Платья на заказ? Или есть твои? – вампиру стало интересно.

– Могу и женщиной обернуться, если вы об этом, почтенный. Вон то зелененькое мое, из шерстяной пряжи, – затем Момо добавил, уже хвастливо. – Между прочим, дорогая шерстяйка! Брал на Главной Ярмарке перед жатвой.

Юлиан повернулся и разглядел на гвозде неказистое платье, сшитое вкривь и вкось, затем снова обратился:

– И часто ли ты можешь обращаться в других людей?

– Ну, каждое превращение забирает силы. Кушать потом сильно хочется. А если увлечешься, то там не заметишь, как и свалишься, и уснешь на полдня. Непросто, в общем, почтенный, ой как непросто.

– Понятно. И что же мне с тобой делать, Момо, а? – снова сдвинул с суровым видом брови Юлиан.

– Милостивый почтенный, – шмыгнул носом тот. – Да ну я же вам ничего не сделал. Я же так, пару разочков использовал ваш облик, честно-пречестно! Ну не пару – чулка больше. Но я живу худо, бедно. Вы же посмотрите! У меня нет в комнате ни украшений, ни дорогих тканей, мне хватает только на еду, комнату и мое ремесло.

Да, жил Момо действительно на грани нищеты, размышлял Юлиан. Будь он вором, убийцей или слугой гильдий, то не обитал бы в таких паскудных условиях.

– Как тебя звать?

– Момо.

– А настоящее имя какое?

– Так и звать... Момо, или Момоний, – засмутился мимик.

– Ты что же это, с настоящим именем ходишь? – удивился Юлиан.

– Да. А вас как зовут, почтенный?

– Юлиан.

– Вы веномансер из Золотого города, что ли?

Момо внимательно посмотрел на шаперон Юлиана с золотой древесной заколкой и краску на лице – обозначение статуса веномансера.

– Да.

– Понятно. Красивое у вас имя, очень красивое, почтенный Юлиан.

– Давай без подхалимажа.

– Хорошо, извините. Я больше так не буду, – мимик посмотрел кристально честным взглядом. – Ну... Не буду в вашем облике ходить. Прощу, простите меня!

Юлиан, конечно же, ему не поверил. Под честными глазами Момо скрывался тот еще плут, тут сомневаться не приходилось. Однако что-то в нем было такое, что не подделать, какая-то душевная наивность что ли, и Юлиан откинулся в кресле, размышляя. Откинулся он, правда, осторожно, ибо кресло это было готово вот-вот рассыпаться от старости; казалось, чихни на него – оно и развалится. Скрипнул подлокотник. Что же делать с этим недотепой?

– Точно в долги не влез?

– Точно, честно-честно, – захлопал янтарными глазами мимик. – Вы же видите, что живу здесь спокойно, никого не трогаю, никто меня не трогает. Зла я никому не творю, вот...

И все-таки нужно было проверить. Юлиан поднялся с кресла, обошел комнату, загляывая в каждый угол. Бардак тут был знатный: ткани беспечно лежали в лужах, натекающих с чердачного потолка, а старую рухлядь, которая когда-то была мебелью, никто и не думал чинить. Хотя можно же было посвятить этому полдня, негодовал про себя вампир.

Наконец, он убрал грудку нашитых вкривь и вкось вещей с сундука, переложил их осторожно на портновский стол и занырнул взглядом и руками в разваливающийся сундук. Искал долго, потому что и под крышкой порядка не водилось. В конце концов, Юлиан нашел старенький кошель, распахнул и, убедившись, что там действительно четыре серебряных сетта, которых от силы хватит на месячную аренду комнатухи и недельное питание, успокоился.

Да, этот мимик явно нищий ремесленник, с трудом сводящий концы с концами в Мастеровом городе. А Момо же меж тем боялся даже дышать, наблюдая, как его скромный скарб в комнате переворачивают вверх дном.

– Ладно, – сказал Юлиан, возвращаясь к креслу. – Вижу, что не обманул.

– Вы... почтенный, – мимик заволновался, – Вы только никому обо мне не рассказывайте.

– Отчего же я не должен рассказывать? Не так-то и часто встретишь мимика, надо бы доложить для порядка на тебя в Охранный дом!

И Юлиан лукаво улыбнулся, ибо его стал забавлять этот недотепа. Не так он себе представлял грозных и опасных мимиков. По крайней мере этот точно из другой породы. Однако же мимик воспринял шутку всерьез и едва ли не подскочил с кресла.

– Нет! Ради Прафиала, нет! Умоляю! – вскричал перепуганно он. – Они меня заклеят!

– Так и следует же.

– Нет! Пожалуйста, вот, возьмите все мои заработанные деньги, – мимик подскочил, достал из широких для него шаровар монетки, что дали ему женщины. – Еще лепешки есть, хотите?

– Ты что же это... – рыкнул Юлиан. – Дашь мне то, что получил за мой облик?

– Ну я же работал, старался, – промямлил Момо. – Не выдавайте меня, пожалуйста. Я клянусь вам, что больше не буду ходить в вашем виде. Вот как есть, тьфу, забуду о нем! Я же только баловался этим обличьем. Так-то я честный трудяга, я жить хочу! Всю жизнь так, почтенный, работаю то на складах, то портным, как придется. Не хочу я к демонологам!

В дверь постучали. Юлиан настороженно вслушался и жестом приказал Момо открыть ее. Тот подошел, но отворять не стал, а лишь тихонько, самым нейтральным голосом, спросил.

– Кто там?

– Сосед! Открывай дверь, Момо! Ты мне еще вчера обещал отдать долг в двадцать три бронзовых сетта!

Момо вздохнул.

– Почтенный Дорлионо, мне завтра отдадут деньги за заказ, и я вам все верну!

Он так и не открыл дверь, только припал к ней и проверил, закрыта ли она на засов. Сосед на это поворчал, но ломиться не стал и ушел вниз.

Пока мимик налегал на дверь и вслушивался, дабы удостовериться, что разборка не будет, ибо Дорлиано слыл знатным драчуном, Юлиан разглядывал его уже с некоторой жалостью. Вынужден, значит, скрываться в Трущобах, чтобы не попасться демонологам. Живет от заказа к заказу. Недотепа, пусть и с задатками хитреца, но не злостный мошенник, размышлял он. По уму нужно было сдать это недоразумение чародеям, но в глубине души он пожалел этого нищего оборотня.

– Черт с тобой... – выдохнул он, прекратив глумиться над беднягой касаясь клеймения. – Узнаю, что тебя где-то видели в моем обличье – найду и накажу. Ясно?

Момо оторвался от двери и счастливо закивал пышной шевелюрой.

– Спасибо вам. Вы такой замечательный! Клянусь, больше не буду использовать ваш облик! Я ж думал, что вы уехали из города!

Юлиан в пренебрежении махнул рукой и покинул убогую комнатку. И хотя червь сомнения точил его душу, но налицо было одно большое доказательство безобидности мимика – его нищета. Будь его логово не таким бедным, вампир скорее всего бы сдал его демонологам, но жалость, которую он годами из себя пытался вытравить, взяла вверх. Тем более, в тот момент его больше всего волновал поиск предателя во дворце, чем несчастный подражатель чужим обликам, а потому он не намеревался задерживаться в Элегиаре дольше положенного и искренность обещаний его мало волновали.

Юлиан вышел на улицу как раз в тот момент, когда зазвенели первые колокола «тишины» – ранней весной их звон, приравненный к увеличению дня, случался еще ночью из-за возросшей городской активности. Над Элегиаром уже раскинулось черное полотно неба, усеянное звездами. Луна стояла высоко, как пастырь среди овец, а прохладный ветер гулял по сжатым улочкам, разгоняясь. Смерд улиц ненадолго развеялся, и горожане, которые жили выше второго этажа, приоткрыли ставни.

Юлиан покинул Трущобы, где было опасно находиться после заката, и перешел в район, прозванный «Колодцами» за близость к усыпавшим площадь колодцам. Там он вышел на мостовую, которая носила имя Морнелия Основателя. Эта улица вилась широкой лентой: меж борделей, привлекающих вывесками и сочными девками на балконах, меж фонарей с сифонами, вверх – ко входу в Золотой город. И он стал подниматься по холму вверх.

Где-то сзади раздался крик:

– Разойдись!

Юлиан оглянулся, как и оглянулась толпа на мостовой, которая спешила по домам из-за первого звона. К воротам шествовала пышная процессия из более чем двух десятков рабов, тридцати человек верховой охраны и одного большого паланкина. Расшитые черным бархатом и золотом носилки возлежали на спинах дюжины краснолицых юронзинов, а авангард сопровождения басовито кричал, продавливая народ во тьме. Впереди всей этой толпы бежали мальчишки-рабы с шестами, на которых качались фонари.

Чтобы пропустить богатых господ, Юлиан прижался к стене закрытой лавки с овощами, когда мимо него мелькнули лоснящиеся бока лошадей. Звучно цокали по мостовой копыта. Под луной засияли наконечники алебард.

Короб паланкина, изготовленный из красного сандалового дерева и еще пахнущий им, пронесли мимо. Его плотная черная шторка колыхнулась, и оттуда вдруг посмотрели карие глаза из-под золотой маски.

– Стойте, – тихий голос из носилок.

Процессия остановилась, а Юлиан грязно выругался про себя. Штора у паланкина отодвинулась.

– Раб почтенного Ралмантона? – высокомерно спросил вампир из носилок.

Это был Дайрик Обарай – Королевский веномансер, член Консулата. Облаченный в почти черную маску, выполненную в виде коры дерева, он ясным взором сквозь прорези уставился на раба.

– Да, достопочтенный. Приветствую вас и да осветит солнце ваш путь, – последовал вежливый ответ с поклоном.

Штора паланкина отодвинулась еще больше, и из окошка выглянул Абесибо Наур, который сидел рядом с королевским веномансером. Острым, ледяным взглядом он начал разглядывать раба сквозь золотую маску старика, а тому пришлось снова склонить в почтении спину и еще раз отдать почести, как того требовали правила.

– Что ты забыл здесь ночью, раб? – спросил жестко Абесибо из-под маски.

– Искал хорошие цены на алхимию, достопочтенный. Поэтому и вынужден был задержаться. Сейчас как раз направляюсь к достопочтенному Ралмантону в особняк.

В доказательство Юлиан похлопал по боку, где висела сума с покупками.

– Или этот трусливый невольник просто-напросто вынашивал мысль о побеге, которую собирался воплотить в жизнь, да мы помешали, – отозвался со смешком Дайрик. – Вы, достопочтенный Наур, кажется, говорили о некой договоренности с нашим советником.

– Говорил. И она еще в силе, – ответил Абесибо.

– Не имел ни одной мысли о бегстве, достопочтенные, – натянуто улыбнулся Юлиан. – Я уже должен был явиться к господину. Прошу вас, дайте мне возможность прийти не слишком поздно, чтобы не увеличивать наказание и...

– Никто не давал тебе права голоса, раб! – грубо оборвал Абесибо. – Знают ли, что ты зашел так далеко? Уверен, что охрана, которая должна сопровождать тебя, потеряла тебя из виду. А сам ты должен был вернуться до последнего звона колоколов. Советник обязан будет согласиться – ты хотел сбежать. Стража! Позовите стражу!

Пока Юлиан стоял прижатым к стене овощной лавки, от свиты архимага отделился один слуга и побежал дальше по мостовой, ища глазами городскую охрану. Вокруг то и дело скрипели ставни. Это любопытные горожане смотрели на происходящее из окон домов, дабы потом разнести слухи со скоростью птицы.

Однако Юлиан не растерялся и ответил:

– Прошу извинить меня, достопочтенный, но вы забываете, кому я принадлежу. А принадлежу я советнику, на которого распространяется священный закон о неприкосновенности имущества. И только достопочтенный Ралмантон будет решать, насколько далеко мне дозволено отходить и как поздно я могу миновать Золотые ворота. А не вы...

Дайрик удивленно усмехнулся от таких наглости и бесстрашия.

– Вот мы и узнаем у твоего хозяина, – сказал Абесибо. – Дозволял ли он тебе расхаживать после колоколов «тишины» по городу.

– Дозволял, – ответил Юлиан. – И очень удивится от того, что вы задержали меня, посланного по его требованию. Я был отправлен в алхимическую лавку и имею на руках доверительную грамоту достопочтенного Ралмантона, скрепленную к тому же достопочтенным Обараем. Тем более, хочу заметить, что второго колокола еще не было!

И он невозмутимо распахнул суму и достал оттуда доверительную грамоту о покупке алхимических ингредиентов в лавках на улице Ядов. Затем он растянул ее перед окном паланкина, показывая личные печати. На его лице не мелькнуло ни тени страха.

За поворотом загрохотал караул, которого вели слуги архимага для засвидетельствования нарушения закона. В это же время по городу разнесся гулким звоном еще один колокол «тишины», который обозначил правоту раба. Не задержи того консулы, и он бы действительно успел попасть за Золотые врата, которые пестрели фонарями как раз в конце мостовой.

Дайрик всмотрелся в подтвержденную им же грамоту для покупки алхимических ингредиентов, прищурив глаза. А когда из-за угла показалась приставленная к Юлиану советником

охрана и приблизилась к тому, Дайрик увидел и это. Он, хмыкнув, деликатно обратился к архимагу в паланкине:

– Достопочтенный Наур. Мы и так задержались из-за давки перед храмом. Нам бы следовало поторопиться, ибо завтра с рассветом снова сбор Консулата. Такие дела, сами знаете, желательно вершить исключительно с ясной головой. Так что я не уверен, что сей раб стоит той чести, чтобы отнять у нас сон...

И не успел караул города подойти к расписному паланкину с господами внутри, как Абесибо Наур, понимая, что его притязания безосновательны и Юлиан сможет подтвердить свою невиновность, дал знак. Носилки были подняты на плечи дюжиной краснолицых юронзиев, на лицах которых, кроме рабского клейма лежала и маска тупой покорности.

Когда паланкин проносили мимо, архимаг снова выглянул из-за парчовой шторы.

– Ты уповаешь на защиту своего хозяина, раб, – заметил он ледяным голосом. – И оттого так смел. Только не забывай, что твой хозяин, к нашему величайшему сожалению, стар и болен, а ты – еще молод. Если тебе думается, что с годами все забудется, то не надейся.

Юлиан усмехнулся и тихо ответил, дабы сказанное долетело лишь до ушей архимага, но никак не до любопытной толпы, выглядывающей из окон.

– Даже не смею предполагать такое, достопочтенный. Мне думается, что вы и сами с этим согласитесь, если вдруг решите прогуляться у воды.

Глаза его мстительно блеснули. Ему вспомнился тот день на берегу пруда. И хотя он не злопамятствовал по мелочам, но обиды, что наносились тем, кого он любил, запоминались им всегда остро. И почему-то он пребывал в уверенности, что и Вериатель была того же мнения.

Ответом на скрытую угрозу стало молчание. А Юлиан в душе обрадовался, что сейчас рабский обод на его шее защищает его куда лучше, чем защитила бы даже сотня оберегов. Защищает, впрочем, только пока старик Илла жив и ни мгновением дольше.

Штора задернулась. Паланкин унесли двенадцать рабов. Ну а Юлиан энергичной походкой направился следом за ними, чтобы поспеть к особняку как можно скорее.

* * *

Пока Юлиан шел по брусчатке, омытой дождями и блестящей от света фонарей, окаймляющих улочку, он не переставал думать о том, когда ему теперь назначить время побега.

Возможность сбежать у него появилась давно, еще с тех пор, как здоровье Иллы Ралмантона сильно пошатнулось, и тот по принуждению лекарей каждый пятый день стал проводить дома за чтением, работой и процедурами. В эти дни Юлиану позволялось покидать особняк и ходить в пределах городских стен вместе с охраной, от которой скрыться в узких улочках не составляло труда.

Тогда, получив долгожданную свободу, он поначалу решил незамедлительно покинуть Элегиар. Юлиан хотел взять волшебный мешок и направиться в Ноэль к матушке, чтобы там упасть ей в колени, уронить черноволосую голову на ее ладони и поделиться своими невзгодами, попросить все объяснить. Все-таки три десятилетия он был ей любимым сыном. Сомнения насчет Мариэльд, запавшие в его душу, год назад были еще слабыми всходами. Юлиан не хотел и не мог поверить, что она намеренно предала его и подставила под удар, отправив с Вицеллием.

В те дни им еще придумывались всякие объяснения, чтобы обелить ее, строились безумные догадки, и поэтому он еще стремился в Ноэль, думая, что обретет там покой.

Первая неловкая попытка покинуть город привела к тому, что Юлиан нос к носу столкнулся с магом Габелием, который в свой выходной день заспешил домой в Мастеровой город, к семье. Тогда маг любезно пригласил веномансера к себе в гости на улочку Краснолентную, и, не смея отказать, тот полдня провел в окружении галдящей ватаги внуков целителя.

– Вы вместе с Дигоро приходите, – говорил Габелий, снимая с шеи вопящего ребенка, который требовал внимания, – Я закажу кровь для вас на рынке. Ты не думай, нет-нет, это не в тягость мне, да и я не бедный человек благодаря нашему хозяину. Хотя я и провожу с вами времени больше, чем с семьей, но мне очень приятно ваше клыкастое общество. И не улыбайся так, Юлиан. Не вру я, боги мне свидетели!

И Юлиан кивал и улыбался, вспоминая Малые Вардцы с их дружными семьями. Хороший старик был, этот Габелий, хотя порой и страдал припадками болтливости и жалости к самому себе.

На второй попытке веномансер отправился в лавку алхимии, откуда планировал сбежать, но... Он так и не вышел оттуда до заката, замороженный ассортиментом. Сотни ящичков окаймляли стены, а в воздухе алхимической лавки стоял насыщенный травяной аромат; борькор, Леоблия красная в порошке, Ала-Убу, Акони́т, Песнь девы в жидком состоянии – глаза разбегались от средоточия ядов в одном месте. Здесь было все, чтобы отравить полгорода! Не зря, ох не зря веномансия и алхимия так жестко контролировались, а отпуск ингредиентов полагался только по бумагам, скрепленным печатями. Да не простыми канцелярскими печатями, а личными консульскими – это что касалось смертельных ядов. И вместо того, чтобы сбежать, Юлиан купил все ингредиенты для противоядий по доверенной грамоте Иллы Ралмантона и вернулся в особняк. Там он еще долго пребывал под впечатлением, что в этом прекрасном городе можно найти все – только и успевай распахивать кошелек.

Чуть погода его подозрения насчет матушки стали крепнуть. Вспомыны недоверия разрослись в сорняки, что оплели душу лозой, и вот Юлиан уже не так отчаянно рвался в Ноэль, где мог не только не найти ответа, но и угодить в очередную передрагу. Теперь же, после впитанных воспоминаний слуги Амая, подозрения и вовсе обратились уверенностью, что здесь замешан еще и Пацель, который вполне мог заставить Вицеллия отвести своего ученика на смерть, чтобы обеспечить его лживой историей. Но зачем? Юлиану не нравилось то, что происходило; будто мутный рой из опасностей гудел над ним, облеплял тело, кусал и жег.

Юлиан, который в последние три десятилетия отогрелся в Ноэле и залечил душевные раны, хоть и не полностью, снова почувствовал над собой занесенный клинок предательства. Но сейчас он уже был не так пуглив, как тогда на суде в Йефасе, и не рвался бежать куда глаза глядят. А потому он решил задержаться во дворце, пока это позволяла ситуация, чтобы выяснить все самому.

Теряясь в своих тревожных мыслях, Юлиан свернул на тихую улочку, омытую дождем. Встретил его темный особняк с погасшими огнями. Только одинокий сильф метался внутри фонаря над головами караульных, Берстом и Ломиром, разгоняя ночное затишье своим светом, из-за которого блестела мокрая плитка у ворот.

Юлиан поприветствовал дозорных и скользнул тенью на третий этаж. Там он, услышав знакомое чавканье, зашел без стука в спальню, где Дигоро читал шепотом молитвенник Гаару, а Габелий, как обычно, – ел.

Завидев вошедшего, старый маг отряхнул крошки со спальной рубахи с фестончиками.

– Ты сегодня чего-то задержался, – сказал он.

– Решил прогуляться в Трущобы.

– Что ты забыл в этом гнилом месте? – недовольно спросил Дигоро и поморщился. – От тебя смрадит нечистотами хуже, чем от тех крыс в уличных амбарах.

– Изучаю город. А ты, Дигоро, опять весь день провел, запершись в комнате, как нежеланный отшельник?

– Отшельник? Почему сразу отшельник?

– Потому что только отшельники и сидят днями и ночами напролет взаперти, когда у них выдается выходной день.

– Неправда! – огрызнулся Дигоро. – Просто у меня нет желания окунаться в грязь Мастерового Района. А моя гримза только и рада отдохнуть от моего присутствия. Как и я от ее!

Юлиан, не удивленный от того, что жена Дигоро постоянно ругалась с ним, открыл суму и достал холщовые мешочки и склянки, выложил на стол. Он встал, склонившись, над высушенной желтой ядроглазкой, порошком из протертых раковин и двумя фиалами с уже готовыми противоядиями от Ала-Убу и Леоблии. Запасы противоядий от других ядов подходили к концу, поэтому ингредиенты нужно будет передать алхимикам в Ученый Приют как можно скорее.

Над Элегиаром вошла луна. Юлиан не переставал думать о том истязателе, о матушке в Ноэле, и, наконец, о мимике и его обещании.

Габелий в ожидании сначала посмотрел на своего соседа, а потом, видимо, не дождавшись, вежливо прокашлялся и спросил:

– Кхм, а ты не купил то, что я просил?

Юлиан сначала непонимающе нахмурился, потом его осенило.

– Габелий, извините меня. Что ж вы раньше-то не сказали!

Он вынырнул из дум и метнулся к недоразобранной суме, извлек оттуда обернутую вокруг чего-то ткань и бережно передал магу, который уже сам в нетерпении поднялся с кровати. Льняная материя тут же была раскрыта, и довольный Габелий, закатив глаза к потолку, принялся счастливо пощавкивать во тьме ломтем грушевого пирога.

– Ох, Юлиан, у них лучшая выпечка... Это божественно, будто выпечено под заботой и опекой самого Прафиала!

Слова мага утонули в жевании стремительно исчезающего куса лакомства.

– Когда я закончу службу, то на накопленные сетты куплю домик побольше рядом с этой пекарней, – продолжил он. – Буду каждый день кушать их булочки. Каждый блаженный день, да-да, – пальцами Габелий смахнул с бороды и усов вокруг губ крошки. – Любимушка-то моя все ворчит, мол, надо ближе к рынку. Но я куплю там, только там, на Ароматной Улочке. И нигде больше! Они уже два десятилетия не теряют качества – там старик Арбаль всем заведует.

– Не торопись, Габелий. Пусть хозяин еще поживет, – усмехнулся Дигоро.

– Да ну тебя, – отмахнулся старый маг, – Я же не это имел в виду...

Габелий опечалился от того, что советнику осталось не так много лет жизни, но затем перевел взгляд на прячущуюся руку веномансера в суме.

– Ты еще что-то купил? – спросил он. – Ну не томи.

Поиграв бровями, Юлиан извлек из сумы бумажный сверток и продемонстрировал его старому сладкоежке.

– Неужели это то, что я думаю? – шепнул изумленно тот.

– Да, договорился с торгашем-юронзием с той же Ароматной улочки, он отложил специально для вас, – улыбнулся Юлиан.

Трясущиеся руки мага выдавали его волнение. Он тут же кинулся, колыхая пузом и шлепая босыми ногами, к графину и плеснул в кружку воды до самого верха. Затем размотал скрученный пакет и высыпал порошок из какао-бобов.

– *Фиа'Ра'зихаасдурм!*

Вода вскипела от заклинания, и уже спустя минуту маг мешал ложкой напиток, подсыпая туда и другие пряности из деревянной квадратной банки со стола: перец, ваниль. Сколько золота он тратил на это – страшно было представить. И уже не раз Юлиану закрадывалась в голову мысль, что Габелий, которого жена держала под каблуком, при всей своей мягкости оставался непреклонен в вопросе расходов на сладости.

С невероятным удовольствием присербивая, маг улегся на перьевые пышные подушки, утонул в них чуть ли не целиком, и с улыбкой самого счастливого в мире человека посмотрел на Юлиана.

– Право же, вкус горький, но одновременно и сладкий, – шепнул он. – Это самое лучшее, что я пробовал в своей жизни! Густой, питательный, и он невероятно пикантен – на кончике языка еще гуляет горькость, а там, у основания, привкус сладости!

– Я вам верю, Габелий, – иногда Юлиан жалел, что не может попробовать южные яства. Жалел с точки зрения бывшего человека, ибо вампирам была неведома страсть к людским блюдам, как неведомо хищнику желание начать жевать листья.

– Говорят, что сама королева Наурика в восторге от сего напитка из загадочных бобов с земель юронзиев! – продолжил маг. – А раз уж эти бобы смогли вырвать ее из противного настроения, то, стало быть, они воистину стоят этого сумасшедшего злата, за которое можно купить доброго коня. Кстати, сколько я тебе должен за сие дивное питье? Ты только не уменьшай, честно все говори, Юлиан, а то я тебя знаю.

– Да бросьте. Мне все равно некуда тратить жалованье. На женщин да всякие баловства для них хватает – а больше мне и не нужно.

Дигоро ядовито ухмыльнулся.

– Да-да, что-то я и запамятовал, – виновато улыбнулся Габелий, присербывая. – Не тебе жаловаться на пустой кошель. А скоро, того и гляди, наступят дни, когда все милые аристократочки с сияющими глазками и губками-розочками будут глядеть на тебя, желая поймать один лишь твой взгляд. От невест отбоя не будет! Помнишь, я говорил, что все будет хорошо у тебя? А ведь старик Габелий никогда не ошибается, даже моя ненаглядная это признает! Вот погоди, погоди, еще с годик, и клянусь бородой Моэма, что у тебя появится родовая фамилия, да не простая...

– Снова ты, Габелий, язык распускаешь, – Дигоро оборвал мага, оторвавшись от гааровского молитвенника. – Прекращай трепаться, а то кончишь, как твой прославленный Моэм!

Габелий на это лишь в легкой обиде качнул плечами, мол, нет ничего плохого в таких приятельских беседах, однако спорить не стал.

– Так что произошло с королевой сегодня? – спросил Юлиан.

Он дособирав травы в холщовый серый мешочек, скрутил и убрал их на угол стола. У него не было желания потакать слухам о его родственной связи с Иллой.

Габелий открыл уж было рот, но осекся. Он отставил пустую кружку в сторону, ненароком грохнув ей по столу, вытер мокрую бороду и поманил дланью. Юлиан тут же сел на край его кровати. Слишком быстро для своей скучающей физиономии сполз со своей постели и Дигоро, хлопнув молитвенником, и тоже устроился рядом. После тихого заклинания вокруг трех слуг: высокого, толстого и тощего, – вокруг этих трех сплетников, разгорелся звуковой пузырь. Все ждали от Габелия, который был мастером не только маготворства, но и чесания языками, новостей.

– Опять что-то интересное во дворце случилось? – шепнул Юлиан.

– Ой, да-да. Что было то, Дигоро, Юлиан. Не поверите! – отозвался маг.

– Ну-ка рассказывайте.

– Значится, пошел я в Ученый Приют из-за собравшейся Коллегии. Опять таскали друг друга за бороды, не могли договориться, как лучше начинать лечение Чертовой Гнили. Начинать с возвращения печени ее прошлого состояния или сначала восстановления кишечной змеи. Там такой сложный момент с печенью, что даже достопочтенный Наур...

– Начните с конца, – улыбнулся устало Юлиан. Маг любил отвлекаться на ненужные в истории моменты.

– Ну ладно-ладно, понимаю, тонкости магического целительства тебе не интересны, ведь это не твоя специализация.

– Они никому не интересны, Габелий! – заворчал Дигоро. – Прекращай плести языком узоры. Ты не на практике маготворства. Говори уже!

– Кхм... В общем, после Консилиума в башню вдруг явилась королева. Глаза горели нечистым огнем, руки тряслись, как у любителей зернового спирта! А за ней свита из фрейлин бежит, вся дрожит. Мы чуть под столы не попрятались, до чего ж зверский вид был у Ее Величества! – маг наклонился и шепнул вампирам, пошутив. – Гарпии б разлетелись в страхе пред ней...

– Так что случилось? С королем поругалась? – спросил Юлиан.

– Не, ты что, Наурика пылинки с него сдувает! Нет, тут оказалось, что пилюли, которые выписал для северного цвета лица ей наш молодильный целитель Зархгельтор, оказались прокисшими. Вот так вот. Передержал Зархгельтор их в растворе сильфии. Ой, что там было... Наша королева как начала кричать, топтать ногами, вопить не своим голосом. Ее пытались успокоить фрейлины, так она как схватилась за вихры юной Долрелии, дочки Рассодея, как принялась таскать ее по всему залу! Посбивала стулья, чуть не вырвала все волосы бедняжке! А та же еще даже не замужем! А потом, злющая, как гарпия, да хуже, развернулась и ушла с таким видом, будто и не она это все натворила.

– Ну здесь, Габелий, ответ один – регулы! – усмехнулся Юлиан. – Во время этого жуткого события дамы становятся сами на себя не похожи. Будут страшнее голодных вампиров, лишь бы кинуться на кого.

Дигоро, в кои-то веки согласившись со своим напарником, с ухмылкой кивнул.

– Регулы на протяжении года? – мотнул головой Габелий. – Нет, не было у нее их... Наш же Крапитон следит за всем этим, говорит, что, наоборот, сейчас у нее самое благоприятное время: кожа светится, волосы сверкают, тело женственное и чувственное, как никогда. В общем, поднесли ей потом дрожащие фрейлины этот чудный напиток с подачи нашего мудрого Наура, и, кажется, волшебные юронзийские бобы вернули ей ненадолго теплое настроение.

– Тогда это из-за грозящей войны! – возвестил с умным видом Дигоро. – И Эгус, и Мистри желают получить Элейгию в союзники. Но что-то назревает. Крупное. Не просто так достоинственный Ралмантон торчит за звуковыми барьерами по несколько часов в последние дни.

– Ой, да что же там решать... Наш Консулат носом поворотит из-за той выходки Шаджи Го'Бо, но все равно заключит союз с Эгусом. Ну ясно же, против кого будем воевать... – развел руками Габелий.

– Мне кажется, что с союзом с Эгусом слишком затягивают, Габелий, – не согласился Юлиан. – Хотели бы – заключили бы еще с полгода назад. Правильно Дигоро говорит. Там обговаривается что-то куда более масштабное, и сумасшествие королевы тому подтверждение, как следствие нервного перенапряжения. Не забывайте, что королева Наурика – потомок великих Идеоранов, которых перебил в Нор'Алтеле змеиный король. И наши юные принцы могут претендовать на его трон. Я очень сильно сомневаюсь, что Гайза спокойно спит, зная это. Помните, один каладрий упоминал, что охрану королевских детей усилили? Позавчера в Древесном зале. Может быть, был прецедент какой-нибудь.

– Да-да, помню, было такое, но не обязательно же все к политике сводится, – возразил мягко Габелий.

– Все в этом мире сводится к политике, – вздохнул Юлиан.

– Но тут может быть другое...

– И что же? – спросил Юлиан.

– И что же? – повторил уже Дигоро, язвительно прищурившись.

– Ай, да я не знаю... – развел руками маг, растерявшись от такого напора. – Просто мне кажется, что вы, друзья, любите искать первопричину в политике, а мы же все – живые души. Мы все преисполнены, прежде всего, любовью, горестями, стремлениями... Может Ее Величество переживает за своих деток. Все-таки они ей дались великими молитвами и жертвоприношениями Прафиалу и Химейесу... Ну ладно, не смотрите так изуверски на меня, словно хотите

съесть... Нам пора спать. Сегодня вот отдохнули, а завтра нас ждет работа. Да простит Прафиал, привык я уже к этим выходным дням.

Звуковой пузырь лопнул, и троица разошлась по кроватям. Юлиан уместился на своем уже любимом матрасе и стал снова думать о Пацеле, ибо его теперь не отпускало чувство, что вокруг его горла затягивается невидимая удавка. Нужно будет обязательно навестить тюрьмы и расспросить про того оборотня-истязателя.

* * *

И вот, спустя пять дней, когда старик Илла снова остался дома на процедуры, Юлиан отправился узнавать касаясь истязателя, который украл волшебный мешок.

Он выяснил, что зовут его Болтьюр. И этот самый Болтьюр уже как с два года исчез. Тогда, после смерти Вицеллия, он бросил жену с пятью детьми – оборотни вообще были плодовитым народом – и растворился в ночи. Никто не знал, куда и зачем. Один из истязателей вообще предположил, что Болтьюр подался в другой город. А иначе куда ему еще уходить?

Пришлось Юлиану снова расстаться с очередными накоплениями, чтобы подкупить архивного ворона Кролдуса, дабы тот выяснил, связан ли факт пропажи Болтьюра с переводом в другую тюрьму и где его искать. Однако к несчастью, ворон как раз собирался покинуть Элегиар.

«Время, – каркал тогда недовольно архивный ворон. – Все вы, молодняк, спешите. Вам нужно знать все прямо сейчас. А мать-то наша, Офейя, не зря учит терпению, ибо оно ломает гранитные стены тугоумия. Потерпите, потерпите... Я завтра утром отправляюсь, к слову, в Багровые Лиманы на ревизию исторических манускриптов в их библиотеке, так что займусь вашим вопросом, когда вернусь. К празднику Шествия Праотцов ждите результата, это чуть больше, чем через год. О нет, – ворон мотнул головой, когда увидел запущенную под жилетку руку. – Если вы хотите сделать все тихо, то придется подождать. Золото здесь не поможет, ибо документы по переводам в тюрьмы и ревизиям по ним находятся в закрытых отделах. Я уже не успею попасть туда так скоропалительно. Обождите, почтенный, что для вас всего лишь год? Не гонитесь за гарпиями».

И Юлиан смирился с ожиданием, потому что у воронов взяточничество жестоко каралось и презиралось, и один лишь старый Кролдус, не боявшийся наказания, годился на роль осведомителя. Брал он, правда, много, но с ним Юлиан мог не волноваться, что Илла Ралмантон прознает про скользкие дела своего веномансера. Архивный ворон был хитер, опытен, имел доступ и в библиотеки, и в канцелярии, и в архивные залы; он довлел над молодняком своим авторитетом; и никто не знал лучше структуры документооборота, чем Кролдус, о чем тот вечно любил напомнить.

Глава 4

Совет

Элегиар.

2152 год, осень.

С тех пор прошло почти полгода. Элегиар еще спал, окутанный предрассветным, сырым туманом, однако в эти ранние часы вот-вот готова была свершиться история юга.

Минуя дворцовый парк, по-осеннему красно-рыжий, краснолицые рабы доставили носилки Иллы Ралмантона до входа. Там он с помощью ступенечки вылез, одетый в свое лучшее платье: черный шелковый наряд был усыпан в плечах рубинами, гагатами и подбит у ворота и на широких рукавах беличьими животиками, – и медленно побрел внутрь, стуча тростью по плитке.

В главном зале мирно дремал Черный Платан, подпирающий своей кроной потолок. Здесь еще царила сонная и приятная глазу полутьма. Лампы, висящие на колоннах, были черны, а сиффы внутри них лишь иногда дрожали скромным светом: то вспыхивая порой, как звезды, то затухая.

Трость меж тем продолжала стучать и стучать, отдавая эхом в пустых коридорах. И вот советник уже поднялся на четвертый этаж Ратуши, миновал анфиладу коридоров, пока не подошел к высокой, арочной двери с вырезанным на ней платаном.

Это была Мраморная комната – гордость и жемчужина дворца. Здесь проводились все королевские совещания и сборы консулата. Каждый васо этого зала был исписан золотом и черным мрамором. Золото обрамляло стены и проходы; оно бликовало с восходом солнца, что заглядывало через прямоугольные окна, разливалось светом и оттеняло мрачность черного мрамора.

Вход туда охраняли четверо нагов, и, увидев приближающегося Консула, они как один склонили свои головы в приветствии. А после с трудом раскрыли створки дверей.

Тут же с другого конца коридора, еще утопающего в предрассветном сумраке, тоже явилась фигура в воздушных одеждах, на которых пламенели столь любимые элегиарцами рубины. Фигуру сопровождала свита преимущественно из магов. Возглавлявший ее архимаг, будучи равным по статусу, но моложе Иллы, первым коснулся лба и поприветствовал того по-южному:

– Да осветит солнце твой путь, достопочтенный Ралмантон... Ты и здесь в числе первых: ни свет ни заря.

– В нашем деле, достопочтенный Наур, – ответил Илла, улыбаясь. – Всегда важно быть подготовленным и поспевать везде, где это необходимо. Иначе сама жизнь обгонит нас. И я тебя тоже, к слову, приветствую; да благоволят Праотцы.

– Воистину, – склонил голову Абесибо.

Два консула еще некоторое время ленно беседовали перед отворенными дверьми. Беседовали они сначала о приятной осени, о таинственной смерти одного из Наместников Дюльмелии, а потом перешли к драке между мастрийскими и эгусовскими приезжими в харчевне Элегиара. Там отошли к праотцам больше сотни человек. Призрачные гримы еще долго ходили в том квартале, втягивая их души, пока мертвецов не унесли на мясные рынки.

Во время беседы архимаг, не сдержавшись, зевнул. Он все ночь корпел над трудами своего деда, известного исследователя Бабабоке Наура. А после он ухмыльнулся.

– Что же им еще делать, этим несчастным мастрийцам, – сказал он, – У их земель на юге хохочут и бесчинствуют, как у себя дома, юронзии. А в мастрийском дворце сидит дряхлый безумный король, который умудрился в безобидной стычке на Куртуловском озере потерять

последнего наследника. И это с их численным превосходством-то в двести магов... О, этому королевству без короля только и остается, что доказывать свою мощь в тавернах!

Позже архимаг стал спрашивать, сколько мрамора извлекают рабы Иллы с его рудников, а тот, в свою очередь, ответив, поинтересовался делами семьи своего собеседника.

– Моя супруга, как и следует хорошей женщине, опекает меня, мой дом, быт и детей. Мой старший сын Морнелий готовится на днях заменить почтенного Йертена на его должности. Сирагро отбыл за Желтые Хребты для контроля свежкупленных рудников, о чем ты уже, вероятно, догадался, – отвечал Абесибо, и губы его растягивались в вежливой полуулыбке.

– А что же младший Мартиан? Еще в канцелярии?

– Еще да... – с неким пренебрежением отозвался архимаг.

– А твоя прелестная дочь, чья красота, по слухам, превзойдет даже красоту прелестницы Марьи? Не отдана ли уже ее рука какому-нибудь благодетельному мужу?

– Пока в отчем доме.

Абесибо не любил говорить ни о своем младшем сыне, ни о дочери, а потому собирался уже сам спросить насчет здоровья советника, но тут в коридор буквально вбежал Дзабаная Мо'Радша. Все сразу повернулись в его сторону – уж так бурно кипела в мастрийском после энергия.

Дзабаная, в своей маске древесного сприггана, укрытой алым шарфом, подлетел к консулам и поздоровался в глубочайшем поклоне. Илла ответно покровительственно улыбнулся, едва кивнув головой. Абесибо же вздернул брови.

– Мо'Радша. Вижу, вы прониклись модой Элегиара и тоже стали носить маску? – заметил сухо он.

– Я провожу здесь большую часть года! – вежливо, но пылко ответил посол. – Поэтому чувствую себя уже полноценным элегиарцем!

– Тем не менее вы – уроженец Нор'Мастри, а маски принято носить кровной аристократии Золотого Города, а не приезжим послам. Зачем вам эта маска? Уж не забыли ли вы, где родились и откуда прибыли, и, главное, зачем?

– Сердцем я все еще в Бахро, а душой – уже здесь! Да и вы сами, если я не ошибаюсь, были рождены в Апельсиновом саду, который семьдесят два года назад еще принадлежал Нор'Эгусу.

– И что с того, если я вырос в Байве? Вы пытаетесь уколоть меня этим? – резко отозвался Абесибо.

– Отнюдь, что вы, достопочтенный... Я лишь деликатно обратил внимание на некоторые моменты. Но давайте замнем этот безрезультатный спор...

И мастриец Дзабаная, дабы не разжигать и без того горячий характер архимага, склонил голову для покорного примирения. Однако Абесибо смотрел уже не на него, а на картину в руках сопровождающих посла людей, закрытую черной тканью.

– Что это? – спросил он.

– Ах, это... Подарок... – отозвался мягко посол.

Абесибо Наур опять ничего не ответил, лишь настойчиво продолжил смотреть на увесистый подарок высотой по грудь. Заметив это, люди из свиты посла, кожа цвета меди которых была таковой из-за родства с юронзиями, сынами пустыни, смерили его недобрым взглядом и встали перед картиной, чтобы заслонить ее от его взора.

Послышались приближающиеся шаги. Тотчас коридор заполонила густая толпа из прислуги. Впереди всех медленно брел король Морнелий Молиус. Его уже давно прозвали и в народе, и среди придворных Слепым, а потому он шел, держась за руку супруги. Они оба: и король, и королева, – были облачены в черные, расписанными древесным рисунком мантии до пят.

Скуластое и белое как снег лицо королевы Наурики обнимал со всех сторон платок. Так ходили все замужние знатные женщины Элегиара – прятались от мира, как бабочки в куколке.

Прятались они, правда, не так тщательно, как это предписывалось у тех же мастрийцев или эгусовцев, но и не так вольно, как северяне.

Верхнюю часть лица короля Морнелия укрывал шелковый платок, чтобы спрятать от всех белые глаза.

– Ваше величество, – хором сказали Илла и Абесибо.

– Все собрались, Наурика? – спросил Морнелий.

– Нет, дорогой мой супруг. Ждем Кра, Рассодея, Дайрика и Шания, – ответила королева и погладила своего слепого мужа по украшенному драгоценными камнями рукаву.

– Рассвет уже наступил?

– Нет.

– Хорошо. Ждем.

Король первым вошел в Мраморную комнату, где высокие колонны подпирали куполообразный потолок с обеих сторон зала. Посередине комнаты стоял длинный стол из платана с золотыми ножками в виде корней. Колонны, как и свод потолка, тоже украшала резьба черным золотом. За королем также последовали и Илла и Абесибо, оставив свои свиты за порогом.

С первым лучом солнца, от которого зал засверкал золотом, подобно солнцу, явились и оставшиеся члены консулата, управляющего Элейгией.

Первым пришел Кра Крон, прозванный Чернооким – консул казны, радатель над сводом законом, а также самый памятный ум королевства. В народе говорили, что, во-первых, Кра держал в памяти любой документ, когда-либо увиденный им, вплоть до точек, и мог отличить оригинал от подделки с первого взгляда. А во-вторых, в отличие от своих собратьев, он умел говорить кратко и по существу, за что снискал еще большее признание, чем за свою память.

И вот этот ворон в объемной мантии заглянул в зал и медленно зашел, стучая коготками лап, украшенными золотыми кольцами, по мраморному полу. Он взобрался на свой стул с корнями-ножками и нахохлился.

– Приветствую вас, ваше высочество и достопочтенные консулы, – скрипяще каркнул он. – Утро сегодня впервые за 27 лет было туманным, но я надеюсь, что это не коснется наших решений, и они будут ясны, как небо в день Шествия Праотцов.

Вторым подоспел Дайрик Обарай, королевский мастер ядов, в черной, как ночь маске, выгравированной в виде коры. Он прошелестел темными одеждами, на которых единственным пятном был золотой шарф, и изящно присел за стол.

За ним последовал широкоплечий оборотень в черном плаще, скрепленном фибулой в виде дерева. Это был военный консул Рассодей Асуло. Он упал своим задом на стул и растянулся в нем, предварительно гулко поприветствовав короля, королеву и консулат.

Самым последним стал пожилой наг Шаний Шхог. В накидке до бедер, с золотыми наручами и широким красным поясом, охватывающим змеиное тело, он обвил стул кольцами и водрузился на него. Шаний отвечал за связь с другими королевствами, и его чин носил имя – дипломат.

Король, советник, архимаг, веномансер, казначей, военачальник и дипломат – семь консулов расселись за столом. Во главе стола устроился Морнелий, как первый из всех, как прavitель, освященный самим Прафиалом еще на заре мира.

В зале осталась и королева Наурика, которая повсюду сопровождала своего слепого мужа и была ему глазами и ушами. Пара писарей-воронов расположились поодаль, у колонны, за столами поменьше, а перед ними встала гвардия. Все прочие покинули Золотую комнату, как того требовали правила.

Створки высоких дверей гулко захлопнулись. Совет начался.

Король обвел незрячим взором пространство перед собой, словно пытаясь понять, все ли здесь, все ли готовы внимать ему, и неторопливо сказал:

– Я приветствую вас, достопочтенные консулы. Сегодня мы собрались по крайне важному вопросу... Его решение... Его решение изменит течение истории и повлияет на всех нас... без исключения.

Он прервал свою нудную речь, лишенную всякого чувства, и замер. Его слабовольная челюсть отвисла, и Наурика смахнула из уголка его губ слюну. Морнелий некоторое время молчал, отчего все консулы нахмурились, и после неприятной заминки продолжил:

– Нор'Эгус и Нор'Мастри, наши соседи, встали на путь кровопролитной войны. Их силы почти равны. Два этих великих королевства желают заполучить нас в союзники... Они хотят завершить длящуюся уже два года борьбу. Борьбу... Кхм... Наурика, подай вина.

Король прокашлялся и попытался нащупать кубок на столе. Его жена услужливо подвинула чашу к Морнелию, дабы тот будто бы самостоятельно смог найти ее. Сделав глоток, он замолк, чтобы набраться сил. Снова раздражающая тишина. Он опять хлебнул вина, затягивая молчание.

Наконец, Илла Ралмантон постучал тростью по полу, привлекая к себе внимание.

– Если изволите, ваше величество, я продолжу, – сказал он.

– Продолжай... – радостно кивнул король. И тут же обмяк в кресле, потерявшись в своих мыслях.

– Благодарю вас. Итак, полгода назад мы уже вели здесь беседу с послом из Нор'Эгуса, Хошши Го'Бо, который явился на замену Шаджи Го'Бо. Того самого Шаджи, который, будучи представителем своего королевства, пал до попытки отравления и убийства одного из консулов. То есть меня, если кто не знает... – Илла криво усмехнулся. – Однако новый посол утверждал, что его брат Шаджи явно сошел с ума, ибо изначально он был отправлен для заключения мира, но никак не развязывания войны. Он утверждал, что Нор'Эгус желает доброго союзничества и готов сделать нам великий дар – Апельсиновый сад.

Все вокруг, кроме дипломата, ехидно улыбнулись. Битва за Апельсиновый сад случилась в 2088 году. Тогда Элейгия отобрала этот пограничный город с магическим источником у Нор'Эгуса и с тех пор владела им на правах сильного: выстроила крепость, оснастила гарнизон. Однако Нор'Эгус все эти сто лет продолжал утверждать, что, дескать, Апельсиновый сад на деле принадлежит ему. В свете той истории благодушное предложение змеиного короля выглядело как издевательство.

Военачальник гулко произнес:

– Что же я слышу? Предложить Апельсиновый сад, который и так уже принадлежит нам? Это очень «щедро» со стороны Эгуса. Хах, что же, по их мнению, тогда есть мерило скупости?

– Их мерило – это наша потребность в войне, – отозвался Илла. – На наших рынках цены на рабов растут не по дням, а по часам. Эгусовцы прекрасно понимают, что так или иначе, но мы должны будем вмешаться в соседские распри. Нам нужны рабы. Нам нужен доступ к Рабскому Простору. Незатратная война с большим количеством пленных – вот наше мерило, и эгусовцы готовы дать нам это. Они же обязуются разрешить проблему с Рабским Простором в кратчайшие сроки, – и он криво улыбнулся. – Ну а Апельсиновый сад – это в довесок, так сказать. Как подарок.

– Разве мастрийцы мешают нашим караванам проходить на Рабский Простор? – спросил военачальник.

– Нет, – ответил Илла, – Они пока придерживаются договора на пропуск караванов. Дело в юронзиях, в дальнем Юге. Раньше нам продавали невольников на Рабском просторе сами же дикари, которые находились в состоянии вечной войны друг с другом. Однако в последние годы они стали сливаться в одно большое племя для набегов на север. Их лидером был некий Рингви Дикий из западных красногорцев, хозяин руха. Тогда он был явной угрозой, и мастрийцы устранили его, подкупив его брата, Бау, прозванного Верблюдом.

– Так в чем проблема? Старый порядок восстановлен... Племена разбежались! Я еще летом прикупил через них пятьдесят шесть сатриарайцев.

– Проблема в том, что в начале этой осени Бау закололи во время пира в шатре. Это сделал пятнадцатилетний сын Рингви, собрав вокруг себя сторонников. Племена снова объединяются. С месяц назад Рабский Простор разгромили, а рабов освободили – торговые пути теперь под контролем десятков тысяч дикарей. Из-за войны мастрийцам не хватит сил, чтобы выгнать их оттуда, поэтому в последний месяц поток невольников в Нор’Мастри почти иссяк. Мы это пока не чувствуем, но, поверьте, после дня Гаара наши рынки опустеют.

В зале воцарилось молчание. Сведения были свежи. Осень только-только собиралась смениться зимой, а Илла Ралмантон, как обычно, уже знал все раньше всех. Теперь все обдумывали, как захват Рабского Простора, главного торжища рабами, отразится на ценах. И насколько плоха ситуация?

Меж тем ворон Кра Черноокий нахмурился и заворошил перьями, затем каркнул:

– Давайте будем честны с советом, достопочтенный Ралмантон! Ваши речи излишне спокойны. Уменьшение количества рабов – это не одна из причин, почему нам нужно участвовать в войне. Позвольте мне выступить перед советом, ваше величество.

– Мы вас слушаем, – отозвался король, вскинув голову, уроненную доселе на чахлую грудь. – Говорите, достопочтенный ворон... Говорите же...

Ворон поднялся.

– Так вот. На деле уменьшенный приток рабов – это не просто причина нам искать войны. Это бедствие! Это начало предсмертной агонии Элейгии! На данный момент цена негодного раба – двенадцать серебрянников. Здорового – от тридцати. Это составляет уже не месячный доход обычного ремесленника, а сезонный, то есть цена выросла в три раза! То есть как минимум половина горожан: вампиров, оборотней, нагов, – уже не могут себе позволить покупать рабов даже на пропитание. И мы сделали подсчеты в казначействе на ближайший год. Там все еще хуже!

– И что же? Насколько подскочит цена на негодных через год? Вдвое? – вмешался военачальник Рассодель Асуло, чьи огромные доходы тратились на пропитание такой же огромной плотоядной семьи.

– О нет! – каркнул Кра, – По нашим подсчетам стоимость негодного раба будет равняться примерно сорока сеттам, то бишь равняться цене здорового. То есть в четыре раза. А цена здорового увеличится до ста сеттов!

Военачальник присвистнул от такой новости. Озвученные суммы были ужасны – их могла потянуть только знать. Стоило ли говорить о том, что случится с городскими оборотнями, находящимися под опекой Рассоделя? Они занимали несколько кварталов в городе и численностью походили на малое войско, которое сдерживали только законы и наличие доступной для еды плоти.

А что будет, если они не смогут покупать себе мясо на рынках? Сначала они снизойдут до гнилой мертвечины, как это делают сейчас нищие за стенами города, выкапывая из могил трупы или поедая больных. Потом начнут пропадать одинокие путники на трактах и загулявшие по ночным улочкам горожане. И уже после, когда не станет и этого, под угрозой окажется весь город, полный людей.

Военачальник был крайне обеспокоен, как тот, по кому малый приток рабов ударит больше всего.

– А почему цена на здоровых вырастет не так сильно? – спросил он, ибо в цифрах был не так силен, как в войне.

– Потому, что основной спрос сейчас на всех рабов, и больных, и здоровых, исходит от вампиров и оборотней, достопочтенный Асуло, – ответил ворон Кра. – На данный момент три четверти покупателей на рынках – это плотоядные демоны. Соответственно, из-за того, что

рабов станет сильно меньше, цена в первую очередь вырастет на негожих, а за ними подтянется и на здоровых. Вам предоставить отчеты, по нашим расчетам, на пять лет вперед?

Советник снова глухо стукнул тростью по полу, привлекая внимание.

– Нет, – произнес Илла, снова беря в свои руки течение совещания. – Этих сведений достаточно. Мы вам благодарны. Да, вы правы в том, что война для нас – это путь к решению первостепенной проблемы с рабами. Вы еще что-то хотите сказать?

– Да. Я еще не закончил, ибо, как сын Офейи, я имею на руках не только проблему, но и ее решение. Начнем с того, что изначальная позиция определяться с союзником в южной войне – в корне неверна.

– Отчего же?

– Оттого что нам не обязательно смотреть на юг, достопочтенные! Так или иначе, но независимо от того, кто победит в конфликте: Нор'Эгус или Нор'Мастри, – мы отщипнем лишь долю победы, пусть эта доля и будет увесистой. Однако прямого выхода к Рабскому Простору мы так и не получим. Да и не факт, что, закончив войну, южные королевства разберутся с юронзийцами так быстро, как это необходимо. Все-таки наши южные войны – затяжные из-за магических источников. А нам нужно наладить поступление рабов как можно скорее. Так что у нас времени ждать нет!

– Что же ты предлагаешь, Кра?

– Посмотреть на север! Глеоф, братские земли Бофраит и Летардия, Сциуфское княжество и Ноэль. Эти малоразумные дикари богаты, но слабы из-за междоусобиц. Это непаханое поле! У них на челе написано по природе быть рабами, а выход к ним имеем только мы. Война с севером обойдется нам восхитительно дешево, ибо они не способны противостоять нашим магам, но плоды получим мы от нее много больше и много быстрее. Я сделал подсчеты. Что ж, в двенадцать раз мы сократим расходы на наем войск, в восемь...

Король привлек к себе внимание покашливанием, прервав ворона.

– Я тебя понял, Кра, – возразил Морнелий. – Я согласен, что север богат... но мы торгуем с ним... Торгуем долго да и поддерживаем мирные отношения. Разве можем мы напасть на доброго соседа?

Абесибо Наур усмехнулся от такого простого ответа, который подобал скорее конюху, чем королю. Потарабанив сухими пальцами по столешнице, он сказал:

– Ваше величество, юг перепахан и густо заселен, в то время как на севере плещется океан неги.

– Даже если закрыть глаза на эти мифические источники неги, которым нет пока подтверждения, – поддакнул Кра и закивал клювом. – То в горах севера сокрыты лучшие железо, олово, драгоценности. Одно северное солровское железо чего стоит! Оно в разы лучше песчаного сатрийарайского. Это может быть все наше, ваше величество. Забудем про южные войны и посмотрим в сторону варварского сервера!

– Да зачем же забывать про южные войны, Кра? – ответил архимаг, не соглашаясь. – Нам нужно лишь завладеть этими источниками, и юг тоже будет наш: от Черной Найги до песков юронзиев. Вы думаете, я вам толкую сказки про ту мощь, что таит в себе север? О нет, – и он печально улыбнулся. – Мой дед Бабабоке жизнью заплатил за эти сведения...

И Абесибо Наур, ученик великого Харинфа Повелителя Бурь, уже в который раз рассказывал всем историю своего деда – Бабабоке Наура. Его дед был исследователем, выходцем из богатейшей семьи тех веков. Именно он опроверг теорию, что мир Хорр явился из небесного разлома, а нега выплеснулась из него, как вода из перевернутого сосуда. Как утверждал Бабабоке, мир демонов явился не из неба, а из-под земли, разломав ее, как ломает твердь нежный цветок, пробивающийся к солнцу.

«Не на земле ответы, а под ней», – писал неистово в своих трудах исследователь. – «Мы не нашли ни храмов, ни их останков в землях Глеофа, куда проникают наши соглядатаи. Мы

думали, что найдем их на Дальнем Севере в снегах, но, возможно, их нет и там; иначе бы вести о них докатились сюда, на юг. Теперь я уверен, что под горами находится «их» царство, полное мрака, и именно там следует искать и утерянные артефакты, и моря неги. И, главное, – ответы на наши вопросы. Мы должны найти их только там, под горами Дальнего Севера, откуда явились дети Неги...»

Чувствуя гордость за своего деда, Абесибо говорил и говорил. Он был из тех горделивых людей, кто приписывает достоинства предков себе и стремится их приумножить, чтобы превзойти. Все слушали архимага, кивали, но мало кто вникал – у каждого была своя забота.

Оборотень Рассодель Асуло прежде всего переживал за свое многочисленное семейство, насчитывающее одиннадцать сыновей и пятерых дочерей, которые уже сами породили кучу внуков; переживал он и за вверенных ему городских оборотней, осознавая исход долгого голода. Ворона Кра Черноокого беспокоил больше всего расход казны, что была для него роднее собственного дитя. Обычно ясный взгляд вампира Дайрика Обарайя, который за весь совет не сказал ни слова, сейчас был затуманен – он обдумывал, как бы ловчее убрать столь явный запах у борькора, чтобы повысить его действенность. Наг Шаний Шхог был озабочен победой Нор'Эгуса, в котором стали царствовать змеи, – как наг, он, конечно же, выбрал сторону змеиного короля Гайзы. Уделом Иллы Ралмантона же было глядеть на всех ясно, читая лица и мысли.

Все изредка поглядывали и на короля – тот, апатичный и отрешенный, уже был потерян для своего народа, однако по законам еще решал судьбы. Одна лишь королева сидела тенью, незримо прислуживая своему мужу.

– Мой дед погиб на Дальнем Севере в пристанище одного из детей Гаара в Брасо-Дэнто. Его убили на глазах помощников. Но что эти дети Гаара сделают целой армии? Ничего... Север – наш! – закончил архимаг свою речь.

Король Морнелий не ответил. Он уронил челюсть, отчего Наурика снова вытерла его губы платочком, и продолжил молчать. Сначала консулат терпел, терпел, терпел, но уже спустя пару минут все нервно переглянулись между собой. После отравления король растерял ум – это заметили многие. Речь его, некогда живая, как бурная река, теперь стала, будто болото – зыбкая, застоялая.

Наконец, король очнулся от своего отрешенного забытья. Весь консулат уже недовольно поглядывал на него, и ситуацию в свои руки снова взял Илла.

– Что ж, – сказал советник. – В любом случае, перед тем как предлагать решить наши проблемы с помощью севера, достопочтенный Наур, стоит выслушать, что нам скажет посол Нор'Мастри. Дзабанайя Мо'Радша прибыл к нам с предложением от короля Мододжо Мадопуса.

– Да, – медленно произнес король. – Сильная речь у тебя, Абесибо... Сильная... Род – это важно... Но пусть введут осла!

– Посла, – шепнула королева.

– А я так и сказал...

Пока консулы тревожно переглядывались из-за скудоумных речей короля, один из писарей поднялся, подошел к колокольчикам рядом со столом и позвонил в них. Охранники в коридоре услышали звон незамысловатого устройства – и двери открылись.

Посол снял маску и поднял завешенную полотном картину, положив ее деловито на стол. Он сначала раскланялся в глубоких поклонах и разлился в горячих, сердечных приветствиях, потом продемонстрировал верительную грамоту, в которой король Мододжо уполномочивал Дзабанайю вести переговоры от его лица.

– Уважаемый консулат, – завел речь посол. – Я прибыл из Багряного Пика, из Красного дворца Бахро с посланием от его величества Мододжо Пра'Мадопуса.

Он развернул второй внушительный и позолоченный свиток, написанный алыми буквами, и водрузил его в центр стола.

– Его величество Мододжо передает мудрому консулату Элейгии свои наилучшие пожелания, восхваляет ваш ум, богатство вашего края и шлет дары вам, великим правителям: полсотни лучших мастрийских лошадей чистой крови, пятьдесят песчаных быков, пять цалиев рубинов и алмазов, десять цалиев корицы, десять цалиев шафрана... – и Дзабаная говорил и говорил.

После оглашения списка даров он снова горячо раскланялся. Воздушный его алый шарф взлетел от активных движений, а глаза вспыхнули огнем. Дзабаная был энергичен и жарок в речах и взмахах, и его энергия разливалась по всему залу. Все вслушались.

– Я не хочу быть чрезмерно официальным, – продолжил посол, – и не буду зачитывать скупые из-за этикета послания, облеченные в громоздкие обороты. А скажу как есть! Наш любимый король в битве у озера Куртул потерял единственного сына и наследника, Радо Мадопуса. Эта война исчерпала себя, достопочтенные, и ее пора прекратить...

– И за этим вы ш-шдесь с дарами? – прервал с презрением в голос Шаний Шхог. – Чтобы призвать нас вмеш-шаться и сделать войну, которую вы так хотите прекратить, затяжной?

– Нет, достопочтенные! Мой старый король Мододжо сейчас пребывает в горе, ибо его род по мужской линии прерван. У него осталась одна только радость в жизни – его жемчужина, его дочь Бадба. К горестям нашего короля, маленькая Бадба по законам, как женщина, не сможет взойти на престол. Однако ее сын – сможет. Поэтому наш король хочет зародить крепкий союз, однако не желает смешивать древнюю кровь, освященную самим Фойресом, ни с горцами из Сатрий-Арая, ни с дикарями из Красных земель, ни с пахарями из Айрекке. И потому предлагает вам, ваше величество, брачный союз между прекрасной Бадбой и вашим старшим сыном, Флариэлем!

Консулат замер. В зале повисла мертвая тишина, в то время как Абесибо не сводил глаз с укрытой полотнищем картины.

– Сын принцессы Бадбы будет первым претендентом на престол нашего короля... И таким образом наследник принца Флариэля и принцессы Бадбы будет править двумя королевствами, – завершил посол.

– Элейгией правит консулат! – заметил Абесибо. – А не только король.

Лицо Дзабы вспыхнуло обаятельной улыбкой.

– А еще король Мододжо готов отослать принцессу в Элегиар... – добавил он.

И тут даже Абесибо замолк и побелел. Все поняли, что такой жест означал лишь одно – король мастрийцев ради мести готов отдать королевство в руки Элейгии при условии, что родится сын. Ведь тогда прямое право наследования будет за элегиарским наследником. А если учесть, что принцесса будет жить при дворце Элегиара, то аристократия Нор'Мастри не будет иметь влияния ни на нее, ни на рожденного наследника. Это было даже больше, чем правление двумя королевствами – это предвещало слияние Нор'Мастри и Элейгии, если удастся преодолеть сопротивление знати в Нор'Мастри.

Некоторое время все молчали. Все держали на лицах маску холода, хотя в душах кипели страсти и противоречия.

– Ваше величество, – обратился к слепому королю Шаний Шхог. – Это вмеш-шательство в дела нашего королевства извне! Консулат имеет власть одобрять или отвергать наш-шледника на престол, выбирая лучшего – это традиция. У вас трое сыновей, но союз с Нор'Мастри приведет к тому, что на престол взойдет еще не рош-шденный сын, который может не годиться в короли!

– Мы вас выслушаем, когда посол покинет этот зал... – отозвался тихо король.

Дзабаная, когда о нем вспомнили, встрепенулся и потянулся к картине, снял с важным видом с нее плотно обмотанную ткань и поставил на стол, с трудом придерживая. Это ока-

зался портрет. На консулат с полотна взглянула миловидная девочка: с каштановыми кудряшками и янтарными глазами, в золотистой батистовой рубашке, широких шароварах. Янтарные глаза были символом далекого юга; их иногда называли цветом расплавленного золота. Девочку украсили золотом. Наручи, заколки, цепочки в волосах и перстни усиливали цвет ее янтарных глаз, делая их еще ярче.

– Ваше величество! – заявил гордо Дзабанайя. – Я привез с собой портрет дочери его величества Мододжо, принцессы Бадбы.

– Наурика... – шепнул Морнелий. – Опиши девочку на портрете.

– Красива, хоть и юна, выглядит здоровой и будто светится изнутри, – посмотрела на портрет королева, затем лукаво улыбнулась. – У вас хороший художник, почтенный Мо'Радша.

– Ах, нет... Маленькая Бадба в действительности красива и, главное, здорова. Когда подрастет, она сможет родить принцу Флариэлю крепких наследников!

Все молчали. Наконец, военачальник Рассодель стал расспрашивать посла, как обстоят дела на Узком тракте, какими силами владеет Нор'Мастри. В ответ тот извлек еще один свиток, где рукой мастрийских писарей были выведены сведения о составе войск и их числе. Военачальник потерялся взглядом в бумагах.

– У кого-нибудь есть еще вопросы к почтенному Мо'Радше? – наконец, подал голос король.

Тишина.

– Хорошо, почтенный Мо'Радша... Вы тут? Слышите меня?

– Слышу яснее, чем молитвы в наших храмах во время праздника богов, ваше величество, – улыбнулся посол.

– Тогда покиньте зал и дождитесь нашего ответа.

После этих слов писарь снова позвонил в колокольчики, и двери стали открываться – Дзабанайя надел маску и растворился в осеннем рассвете, бьющем сквозь окно напротив дверей зала.

Однако стоило только дверям вновь закрыться, как консулат взорвался голосами.

– То, что предлагает посол – это нарушение основополагающего закона власти Консулата, ваше величество! – возмутился ворон Кра.

– Это попираание всех традиций! – согласился дипломат Шаний Шхог.

– Это – присоединение к Элейгии земель размером в треть нашего королевства, – ответил Илла Ралмантон. – А еще выход к Рабскому простору. А если мы сможем взять и сердце Нор'Э-

гуса, его столицу, в чем я, правда, сомневаюсь, то в наших руках сосредоточатся все основные южные торговые пути. Род Мадопусов тянется сквозь века и берет начало от Радо Мадопуса Первого, который заложил город Бахро и поделил между сыновьями Зоро и Элго отбитые у юронзиев земли. Это достойная партия даже для нас. Это древний и благословенный род.

– Факта не отменяет, – возразил Кра. – Закон будет нарушен! Наши предки строили традиции веками, чтобы мы вытерли о них ноги?

– А что вы думаете по этому поводу, достопочтенные Обарай и Асуло? – обратился король к двум консулам.

– Нор’Эгус опасен! – ответил кратко военачальник. – Нельзя позволить этой змее вырасти, захватив Мастри, и укрепнуть...

– Осторош-шнее со ш-шловами в подобном контексте... – зловеще прошипел Шаний.

Однако военачальник Рассодель Асуло в ответ лишь брезгливо поморщился. Он держал под контролем почти всю военную структуру Элейгии. Как и многие другие представители его вида, он старательно рассаживал везде исключительно свою родню и добивался для них чинов. Однако ж когда он столкнулся с тем, что то же самое хотел сделать дипломат Шаний Шхог, когда попытался поставить в командование лучниками своего зятя, то нашла «коса на камень». После долгих пререканий зятя Шания все-таки посадили на это место и дали жалованье в 20 золотых в год, однако Рассодель это запомнил.

– Да, змеиное королевство создаст нам проблемы, – согласился веномансер Дайрик. – Они не чураются крайне грязных методов. До меня дошли слухи, будто они пытались заменить достопочтенного Зостру Ра’Шаса сотрапезником.

Все как один вокруг скривились.

– А куда, кстати, подевался Зостра? – поинтересовался архимаг.

– Бежал на север после неудачной попытки посадить в него червя, – послышался ответ от Иллы Ралмантона.

– В Глеоф?

– Нет, в снежные земли. У него не было выбора – он боялся мести короля Гайзы.

Абесибо громко расхохотался, и смех его, неожиданно ядовитый и донельзя довольный, разлился по всему залу. Некогда Абесибо и Зостра были учениками одного великого мага, Харинфа Повелителя Бурь, а потому архимаг чувствовал над своим падшим соперником превосходство.

– Здесь нет того, отчего следует смеяться... – холодно заметил Илла. – Когда-то достопочтенный Харинф поднял Зостру из низов и оплатил обучение в Байве, и Зостра все помнит. Именно Зостра помог не разрастись войне в 2079 году, склонив короля Орлалоя к миру. Хотя на тот момент он был всего лишь помощником старшего мага в Нор’Алтеле. Мы потеряли важного союзника.

– Я вижу, ты хорошо осведомлен, – улыбнулся архимаг.

– Это моя работа, достопочтенный Наур. Но давайте вернемся к Нор’Мастри.

В зале все задумались.

– Союзы нужно заключать со слабыми против сильных, – произнес военачальник. – Если мы поглотим Нор’Мастри и пойдем войной на Нор’Эгус, то сможем захватить Куртул, Сапфировый торговый путь. Либо больше...

– Это фантазии... – поморщился наг Шхог. – В змеином королевстве очень много ш-шильных магов, которые выдержат любую осаду.

– У нас тоже много магов, – прогудел военачальник.

– Там магические источники. Достопочтенный Шхог говорит истину, – заметил архимаг. – Если маги окопаются в Куртуле, то из-за источников мы будем годами осаждать их, и все без толку. С Нор’Алтелом та же история.

– Склады не бездонны, достопочтенный Наур. Люди не могут питаться магией! – засмеялся военачальник. – Их маги сами выбегут к нам, чтобы спастись от своих же горожан. Мы обсуждали проблему с рабами, а думаете у них иначе? Пусть там и меньше оборотней и вампиров, но они там есть. А вы все сами хорошо знаете, что происходит в таких городах, когда заканчиваются рабы и узники тюрем.

– Как бы нам самим не попасть в такую ситуацию, если ввяжемся в войну, не рассчитав силы, – каркнул ворон. – Нор’Эгус в хороших отношениях с Дюльмелией.

– Нет, – покачал головой Илла. – Дюльмелия после неудачной войны с Детхаем превратилась в землепашцев. Они не умеют и не будут воевать и займут сторону вероятного победителя.

– Айреkk... – начал было ворон. – У них высокие показатели урожайности и большое количество войск. Они могут поддержать Эгус, пройти через их земли и помочь Гайзе с войной.

– Война – это не только сухие цифры. В том и дело, что Айреkk собрал войска из-за страха перед Эгусом. Они тоже не воины и живут земледелием, скотоводством и морской торговлей.

– Детхай?

– Эти будут еще долго разбираться с последствиями восстания рабов в Саддамете. И их маги недавно обращались в Байву для того, чтобы узнать секрет сплава рабских кандалов, который пока принадлежит нам. Детхай настроен на союзничество.

– Горные люди с Сатрий-Арая? – развел крыльями ворон. – Эти очень воинственны, почти как юронзии. И граничат непосредственно с Мастри, им не составит труда провести войска к Бахро.

– У них в последние годы большие проблемы на море, поэтому их эмир все силы сосредоточил на то, чтобы задавить юронзийских пиратов. Они бы хотели откусить кусочек Мастри, но, если узнают, что вмешались мы, останутся в стороне. Тем более они храбры лишь в горах да в набегах, а, спустившись на равнины, они вмиг хиреют и становятся трусливыми.

Все в зале задумались.

– Хорошо. Раз все высказались... Давайте уже закончим. Кто против брачного предложения? – спросил король.

– Я, ваш-ше величество! – наг Шаний чуть наклонился к столу и оперся локтями. – Нор’Эгус также жаждет получить нас в союзники! С этим могучим королевством мы быстро решим вопрос с Нор’Мастри и навсегда закроем споры по Апельсиновому саду. А сделка с мастрийцами грозит большими неприятностями. Мастрийцы слабы – чего только стоит потеря ими в 2048 году Даадских провинций, которые сейчас зовутся Рабским Простором, – и наг усмехнулся. – Их порвут, как одеяло. Юронзии растащат их на юге, эгусовцы – на западе, сатрий-арайцы – на юго-западе. И это союзники?

– Это нарушение всех законов, – сказал следующим ворон-казначей. – Мы создаем законы не для того, чтобы их повсеместно нарушать. Консулат был утвержден для ограничения самоуправства королевской власти. Я говорю не о конкретно вас, ваше величество, а о ситуации.

– Согласен с уважаемым Кра, – кивнул архимаг. – И я уже говорил, что война станет затяжной из-за хорошей обороны Куртула и Нор’Алтела. Нор’Мастри всяко падет, а нам уже пора посмотреть на север и его богатства.

Трое из семерых консулов проголосовали против. Все смотрели друг на друга, пока король созерцал черную пустоту и слушал.

– Ну что ж... – протянул Морнелий.

– Ваше величество, не попирайте закон! – предостерег Кра.

– Грядут сложные времена, Кра... И нам нужен сильный Юг, скрепленный прочными узами.

– Я бы посоветовал вам отложить принятие решение! – не унимался ворон. – Дайте нам на обсуждение неделю. Возможно, кто-то передумает!

– Кра, Кра, – король покачал головой, украшенной простой короной в виде ветвей дерева. – Этот вопрос зрел больше года. Каждый из нас уже давно занял свою сторону.

– Но в свете новых сведений...

– Кра, вы забыли, кто здесь король? Я!

Ворон притих и лишь нахохлился. Военачальник кивнул, согласившись с доводами короля, ибо при ком, как не при короле, он смог устроить везде свое семейство. На лицо дипломата набежала тень – готовый вот-вот зародиться союз с Нор'Мастри разбивал все его планы и договоренности с эгусовскими переговорщиками. В это же время архимаг с презрением разглядывал перекошенное лицо Морнелия и думал только о том, как слабость правителя порой рушит королевства.

– Таким образом, – поднялся со стула король, держась за стол слабыми руками. – Мы принимаем предложение мастрийцев. И мы занимаем их сторону в войне. Позовите осла... посла!

После перезвона колокольчиков створки дверей распахнулись. Дзабаная вошел в зал, сиюсь скрыть волнение в спокойном шаге, но страсть на его лице, свойственная всех потомкам юронзиев, с лихвой выдала его. Войдя, он оглянулся и увидел, что створки дверей оставили открытыми. В его глазах скользнула неуверенность – сейчас прозвучит отказ. Однако король мягко улыбнулся, что сразу же перекосило его лицо, и обратил свой отрешенный лик туда, где должен был стоять посол.

– Я принимаю предложение вашего короля, почтенный Мо'Радша, – сказал он.

– Ах, ваше величество! – лицо посла дрогнуло. – Ваша мудрость, как и мудрость консулов, не знает пределов. Я передам королю ваш ответ! Сегодняшний день можно считать началом великого союза, который принесет благо обоим народам!

– Это покажет время. Обсудите детали возвращения в свои земли с достопочтенным Асуло. Совет... окончен.

В тишине раздались шелест парчовых одежд и шуршание бумаг писарей-воронов, которые все документировали. Поднявшись, консулы стали покидать Мраморную комнату в некоем недобром молчании. Король же тихонько позвал своего советника.

– Илла... Илла, ты здесь?

– Конечно, ваше величество. Я всегда с вами.

– Пройди со мной в покои.

Поддерживаемый своей женой Морнелий Слепой медленно направился из Ратуши к Коронному дому. За ним вереницей последовала огромнейшая свита и советник, стучащий тростью. Чуть погодя они все добрались до темных покоев. Там большая часть свиты отсеклась.

Всю стену опочивальни короля вместе с окнами закрывали черные гардины. От этого в комнате царил мрак, тягучий и тяжелый. Наурика провела Морнелия за руку к широкому креслу и осторожно усадила.

– Подушечку подать? – поинтересовалась женщина.

– Нет. Будь добра, оставь нас с Иллой наедине.

Королева кивнула и, сложив руки на животе, медленно покинула спальню. Вслед за ней по приказу ушли камергер, трое немых рабов-евнухов и личный маг.

Когда дверь за ними закрылась и комната снова погрузилась в темноту, Морнелий устало откинулся в кресле, снял корону, затем шелковый платок и посмотрел пустым слепым взором туда, где сидел советник.

– Как ты себя чувствуешь, Илла?

– Терпимо, ваше величество.

– Сколько тебе осталось по словам врачей?

Илла вздохнул.

– Муатаб говорит, что десять лет.

– Десять... Хорошо, значит, я не останусь без тебя в эти сложные годы.

– Я с вами, ваше величество, – улыбнулся натянуто советник. – Я с вами до конца, как и клялся.

– Расскажи мне, что думаешь о Нор'Мастри и войне.

Илла задумался и оперся подбородок о трость, сидя в кресле. Подумал с минуту и, наконец, произнес.

– У Нор'Мастри не все так хорошо, как они заявляют. Мне доложили, что юронзии намереваются идти дальше, за пределы захваченного Рабского Простора, желая расширить его. Несмотря на столь юный возраст, у сына Рингви Дикого проявляются недюжинные задатки лидера и генерала. Боюсь, ваше величество, что его племена могут дойти вплоть и до Джамогеры. А сатрий-арайцы, спустившись с гор, тут же присоединятся к разрыванию Нор'Мастри на уголья. Мы нужны мастрийцам больше, чем они нам, и рассчитывать на то, что их доля в войне будет велика – не стоит.

– А что с нашей казной... Все ли так плохо, как вещал Кра?

– Кра всегда рассматривает все в худших красках, радея за то, чтобы казну ворошили как можно меньше. Но он отчасти прав. Из-за дотаций рабовладельцам и расходов на укрепление Апельсинового сада наша казна мало готова к большой войне, а надо понимать, что война будет затяжной. Мы сможем покрыть часть расходов займами у банкирских домов, но только отчасти. Однако выход есть, хоть и болезненный. Но необходимый. Если бы я предложил его на совете, то никто бы не согласился на союз.

– И что же ты предлагаешь?

– У нас, ваше величество, есть богатейшая на юге знать. С ее ресурсами нашей казны хватит, чтобы собрать войска для осады даже Нор'Алтела. В закромах у этой знати золота в десятки раз больше, чем было в нашей казне в лучшие годы. Но знать наша старая, златожорствующая. А взять с нее придется много...

Король прокашлялся и тихо заметил:

– Вся наша знать, Илла, вскормлена на гагатовых землях, розданных с руки моих милостивых предков. Причем розданных в пользование на благо короне.

– Боюсь, что все уже это давно позабыли и считают земли исконно своими, – криво улыбнулся советник.

– Тогда нужно напомнить. Я даю тебе добро, Илла, подготовить законопроект. Устанавливаю срок – до праздника Шествия Праотцов.

– Как прикажете.

– Что еще нас ждет?

– Дворец постепенно окутает недовольство, и оно будет расти все сильнее. После выхода закона о новом налоге мы в глазах аристократии предадим ее. А когда из Нор'Мастри вместе с девочкой придет и часть чиновников, начнется передел интересов и власти. Никто не захочет нести потери из своего кармана.

Советник замолк и рассмотрел лицо короля, не видевшее света, а оттого белое и измученное.

– Продолжай, Илла. Не оставляй меня во тьме одного.

– Я бы рекомендовал вам по отношению к консулату усилить бдительность. Половина консулата не согласна, и они обязательно предпримут что-нибудь для того, чтобы сорвать сделку. Однако мы можем это предупредить.

– Ты хочешь организовать слежку?

– Да, но грязные дела из страха чтения памяти будут делаться не напрямую, а через косвенных поверенных. Я бы не стал полагаться на дворцовых соглядатаев в поиске изменников, а привлечь бы сторонние гильдии, которые невозможно будет подкупить.

– Раум... – апатично сказал король.

– Да, ваше величество. Раум преданна и честна, чего я не могу сказать о наших консулах. Также она поможет организовать безопасную переправу девочки из дворца Бахро. Если с Бадбой что-нибудь случится, то союз умрет, не родившись. Но чтобы Раум смогла проникнуть во дворец, мне нужно будет, ваше величество, получить власть над всеми этапами проверки прислуги. Маги Абесибо не должны обнаружить Ее.

– Хорошо. Я передам тебе полноту власти и здесь, – кивнул король, и голова его пошутовски свесилась на чахлую грудь. – Я рад, что хотя бы на тебя можно положиться...

– Спасибо, ваше величество, за столь лестные слова, но, боюсь, что все пройдет не так гладко, как хотелось бы. Грядут тяжелые времена... – помрачнел Илла. – Сейчас от представителей двора исходит не меньшая опасность, чем от Нор'Эгуса. На их месте я бы первым делом позаботился о смерти Бадбы. До появления наследника пройдет несколько лет, а у убийц будут в распоряжении магия, яды, гильдии. Причем опасность теперь будет угрожать не только девочке, но и вашим сыновьям. Но у вас их трое, а вот у Мододжо ребенок – один. Чтобы оборвать союз, придется убить либо трех принцев, либо одну девочку, которой и так будет не рад весь двор. Я думаю вы понимаете, какой вариант выберут...

– Понимаю, – вздохнул король.

– А еще я бы рекомендовал вам пересмотреть свое окружение и сократить доступ к королевской башне. Дело нешуточное, Нор'Эгус – богатое королевство и у них хватит золота, чтобы послать даже мимиков. Их хоть и осталось мало, и они сами скрываются от карающей длани закона, но до моих ушей долетают неутешительные слухи, будто Белая змея, Зрячие и дети Химейеса рыскают по городам в поисках зачатых мимиками младенцев, которые уже с полугода начинают проявлять способности к оборотничеству.

Король вздохнул и откинулся назад.

– Хорошо, но, Илла, тебе тоже бы следовало перебраться во дворец. Разве ж ты не рискуешь, проживая в особняке на краю Золотого города?

– Пребывание во дворце не спасло меня от Белой Розы в свое время, – улыбнулся печально Илла.

– Да... Да, – сам себе кивнул король. – Но тебя успели спасти, потому что ты был рядом. Если ты будешь в особняке, даже пара минут станет для тебя губительной. Яды и убийцы доберутся до тебя даже сквозь щиты.

– Вы правы. Я поразмыслию об этом.

– И к слову... Я знаю о слухах. Ну, о тех, что ходят вокруг тебя и того ноэльского раба, который прибыл с Вицеллием. Ты собираешься ему дать свободу?

– Позже, – и Илла нахмурился.

– Почему же?

– В его истории есть темные пятна. И хотя я вижу, что моего раба держит при мне не только браслет, сотворенный вашим личным магом из Байвы, я не готов сделать признание перед двором. Сначала я хочу разобраться...

– Тебе осталось не так долго жить. Разве не желал ли ты сына? Я готов выказать ему благосклонность, Илла. Через три месяца день Гаара, и он может пойти по твоим стопам.

– Желал, ваше величество, – Илла натянуто улыбнулся. – Я благодарен вам за опеку.

– Так прими ее. Дай ему свободу, чтобы он видел в тебе не угнетателя, а благодетеля.

– Он не так прост, как кажется; слишком мало рассказывает о своем прошлом. Поначалу я считал, что из деликатности он не хочет ворошить прошлое, связанное с Вицеллием, – Илла поморщился от упоминания Алого змея, впрочем, как и всегда. – Но сейчас прихожу ко мнению, что за плечами моего раба тянется долгая история. Я благосклонен к нему и благодарен судьбе, однако Раум отправилась в Ноэль, и я жду от нее доклада.

– Илла... – шепнул Морнелий.

Он медленно снял перчатку и протянул свою белую руку.

– Я желаю облагодетельствовать тебя, мой верный чиновник, ибо ты многое сделал для королевства. Так что прими мой совет, как указ.

Илла Ралмантон, на лице которого мелькнуло смятение, посмотрел на белую руку с тонкими пальцами и припал к ней сухими губами в поцелуе. Морнелий криво улыбнулся.

Глава 5

Праздник Гаара

Элегиар.

2152 год, зима.

Зима снова спустилась на королевство Элейгию. Зима эта была без снега: слякотная и мрачная. Она выла жуткими ветрами, проносила по черным равнинам, залетала в города и стонала в проулках, выгоняя смрад и вонь.

Слушая ее завывания, Юлиан скучал по сосновому лесу Офурта в объятьях льда. Суровые земли, этот Офурт, но до чего же родные. Вспоминалось ему, как грелись они с семьей перед очагом, как кутались в шкуры. Неожиданно вспомнилась и охота на зайца. Они тогда с Маликом сооружали силки и шли к мелколесью, где сосны сменялись осиной, столь любимой зайцами. Выведав их тропки, братья расставляли ловушки с петлями и рожны. Помнится, наткнулись они как-то на место, где жило больше полусотни зайцев – тогда шкурок хватило на шубы всему семейству.

Вздыхнув, Юлиан приоткрыл глаза, потянулся на матрасе и обнял свою подушку.

Видения снежного Офурта, где буйствовала скрипучая зима, оставили его воображение. Он вернулся в серое утро и сел на своей половой кровати, вытянул длинные ноги и увидел посапывающих Дигоро и Габелия. Эти двое при всем их различии были схожи в одном – оба любили поспать.

За стеной скрипело перо. Это Илла уже работал в свете сильфовских ламп, пока его покой охраняли Латхус и Тамар.

«Три года. Я здесь уже почти три года», – думал Юлиан и обращался мыслями к тому, что скоро архивный ворон вернется из Багровых Лиманов. Но мысли лениво плавали в его еще полусонном сознании, и он размышлял больше о милых суккубочках в борделях, о добродушном Габелии с его огромной семьей, о ворчащем Дигоро, у которого не было больше друзей, кроме этого мага-сладкоежки.

Дигоро тоже ходил в гости к Габелию. С мрачной физиономией он сидел на кухне в окружении десятка отпрысков мага. На него вешалась малышня, он огрызался, но все равно продолжал сидеть. И Юлиан, и Габелий знали, что у него не складываются отношения с женой и держит их друг около друга только общая комната. Детей у Дигоро тоже не было, и он не сильно горевал из-за этого. Так что старый вампир был одинок.

У окна заворочались.

– Какое сегодня число? – послышался сонный голос Дигоро.

– 2 день холонны, – отозвался Юлиан.

Элегиарцы пользовались календарем дюжей, который оказался очень удобным. Никто из элегиарцев не вникал, что Холонна – это имя дюжа.

Дигоро потянулся в кровати.

– Славно. Скоро день Гаара. И прибавка к нему. Хозяин всегда щедрый в этот праздник, – мечтательно сказал он.

– Разве не отберет ли у тебя прибавку жена?

– Поязви мне тут! – ощерился Дигоро, затем уже шепотом добавил сам себе. – Я с ней в этом году буду жесток... Не будет ей пощады, этой старой карге...

– Ты в том году о том же речь вел.

– А ты, гляжу я, памятливей!

– Будь тише, Дигоро.

С этими словами Юлиан поднялся и прошлепал босыми ногами к столу, где лежали противоядия и травы. Там он открыл пузырьки: от борькора, от ала-убу, от леоблии, – и принялся, не пропали ли? Дабы не разбудить раньше положенного старого мага, он тихонько стал собирать суму, но сначала вытряхнул с нее остатки сухой чернушки, которая завалилась на дне.

Дигоро, почесав лысеющую макушку, тоже покинул свою нагретую постель и встал рядом с напарником. Однако увидев, как тот на его глазах упаковывает большой флакон с противоядием от ала-убу в свою сумку, сонливое спокойствие спорхнуло с его лица. Он обнажил зубы и стал требовать:

– Маленький себе возьми, а этот – мне!

Юлиан мотнул головой и успел отодвинуть руку в сторону перед тем, как Дигоро вырвал из нее большой флакон.

– Пусть будет у меня, – спокойно сказал он.

– Отдай, говорю! – низкий Дигоро вздернул голову и рассмотрел нависающего над ним высокого напарника. И снова оскалился. – Гаар тебя накажет за твое неуважение к старшим!

– Да какая тебе разница, у кого будет флакон больше?

– Ты забываешься! Ты – мой помощник, а не наоборот! Большой флакон должен быть у меня!

– Отнюдь. Достопочтенный Ралмантон не обозначал такого статуса.

Габелий, который проснулся раньше положенного из-за спора соседей, уже устало протягивал ноги в холодные тапочки. В его глазах стоял упрек.

– Ох, ну что за народ такой, эти вампиры. Лишь бы погрызться меж собой, – сетовал он и тянул руки к декокту. – Дигоро, Юлиан! Да ну будьте умнее, именем всех богов, уступите уже кто-нибудь. Ну как дети малые...

Однако Юлиан не уступал и качал головой, а Дигоро рычал на него и в яростной беспомощности наблюдал, как большой флакон с ала-убу все-таки перекочевал в суму. В конце концов, он плюнул на пол, помял ладони и в немой истерике ушел к кровати, где стал одеваться. Юлиан победно улыбнулся – ему нравилось подтрунивать над вредным стариком.

– Откуда в вас, демонических созданиях, столько энергии? – пожаловался Габелий, натягивая шерстяные чулки. – Воистину, отец ваш Гаар вдохнул в вас силу. Не то, что в нас. Но поумерьте свой пыл, друзья. Скоро праздники, опять достопочтенный Ралмантон натрет мозоли, – натянув теплое платье на внушительное пузо, Габелий поправил бороду и печально добавил. – И мы натрем. Ох уж денек сегодня нас ждет, будем, как маги-неофиты скакать...

* * *

А поскакать по этажам действительно пришлось. Множество раз Илла Ралмантон прошелся под кроной корявого платана, который тянулся к потолку Ратуши. Вслед за ним ходила гурьбой и вся его прислуга: длинноногий и энергичный Юлиан, пышнотелый и вытирающий пот Габелий, язвительный Дигоро, два молчаливых охранника, Латхус и Тамар, и камердинер с лекарем Викрием.

Уже к обеду маг, страдающий от безмерной тяги к выпечке, плаксиво поглядывал на своих неутомимых соседей по комнате. Он хотел получить хоть какую-то моральную поддержку. И Юлиан ее выказывал. Он улыбался и хлопал его по плечу, ибо к интеллигентному соседу по комнате уже привык. Дигоро же в ответ на жалобы Габелия лишь тихо фыркал в духе, мол, нечего жаловаться, если прикладываешься ночью под одеялом к булкам.

То, что во дворце намечаются интересные события, стало известно уже ближе к вечеру, когда Габелий стал похож на выжатую половую тряпку. Стоя в кабинете канцелярии, Юлиан как раз проверял на яды прибывшие из провинций послания и передавал их советнику, а сам

же смотрел в коридор. Там живым потоком текла толпа. Нашел в себе силы посмотреть в ту сторону и Габелий, устало развалившийся на стуле одного из писарей.

– Куда это они? – спросил он, и по его набрякшими веками зажглась искра любознательности. Ничто так не придавало магу сил, как новый повод потерять языками.

Сбоку возник писарь Хроний, каладрий. Он недовольно взглянул на занявшего его стул мага, но препираться по этому поводу не стал.

– Придворные, от малого до крупного чина, занимаются обсуждением деталей церемонии в честь празднества Гаара в зале, – каркнул он. – Королевская чета решила внести некоторые изменения в процесс празднества и шествия по городу. Возможно, изменения носят кардинальный характер, а возможно, и нет.

В ответ на это маг лишь небрежно отмахнулся от занудного, как и все прочие вороны, Хрония. Не любил он этих воронов за неумение говорить по душам, очень не любил. Продолжая глядеть в коридор, он устало растекся по креслу, готовый отдыхать дальше.

Но тут Илла отложил один из ответов в провинцию Хорсайи, славящуюся урожаями пшеницы, прошелся по нему печатью и поднялся. За ним поднялась и вся свита. Едва сдержав изможденный стон, поднялся и бедняга Габелий, которому бы стоило подумать над сокращением в своем рационе пышных булок. Однако вместо этого он подумал прежде всего о том, как несправедлив этот жестокий мир.

Со своей свитой Илла Ралмантон ступил в толпу, которая волнами отхлынула от него, и шествовал вместе со всеми к Ратуше. Там в церемониальных залах собиралась толпа, которая о чем-то тревожно перешептывалась. Она колыхалась, как марево – все толкались локтями, чтобы встать поближе, выясняли, кому по статусу положено быть впереди, а кому – подальше. Явились по большей части вампиры; шелестели накидки веномансеров, алхимиков, управляющих, помощников и камердинеров. Людей и нелюдей было немного, да и те, кто стояли тут, были скорее праздными зеваками.

Юлиан догадался, что к грядущему празднику вампиров выбирают Вестника Гаара.

У задней стены зала на мягких подушечках сидели в креслах король Морнелий с королевой Наурикой, а подле них, по бокам, – их отпрыски. Самому старшему, Флариэлю, едва случилось одиннадцать лет, и щеки юнца еще обрамлял пушок. Еще дальше от короля сидел его единственный брат – Фитиль, со скукой разглядывая все вокруг и порой поглаживая своего белого чертенка.

Морнелий Слепой посапывал на троне, уткнувшись в плечо жены носом, и, кажется, его, апатичного, не волновали ни собравшиеся придворные, ни решаемый вопрос. Лицо его почти целиком укрывал шелковый, черный платок, надетый под корону. Из-под платка виднелись лишь приоткрытый рот, слабый подбородок и жидкие пучки волос, которые вились у тонкой шеи.

Пока король дремал, его жена, Наурика Идеоранская сидела, сложив руки на груди, и задумчиво глядела на крохотного вампира перед ней.

Тот, лет примерно сорока на вид, разогнулся, и зоркий Юлиан увидел у него под костюмом края подкладок, чтобы впавая грудь и узкие плечи казались мощнее.

– Ваше Величество, я вверяю себя вашему милостивому благорасположению! – напыщенно произнес этот вампир. – С великим почтением я, ваш покорный слуга, готов стать частью церемонии, заменив почтенного Ярвила, к которому питаю безграничное уважение. Сия церемония станет для меня великой честью, а для моих потомков – гордой памятью о скромном предке!

И вампир Горланзо еще раз отвесил глубочайший поклон, да с таким рвением, что едва не перекувыркнулся. Из-под его шаперона выскочила жесткая черная прядка, и он, сверкнув серо-синими глазами, спрятал ее рваным движением обратно, отчего одно плечо неестественно перекаосилось – подкладка сдвинулась.

Наурика это заметила. Брови ее негодуяще взлетели, и она недовольно сжала губы.

– Каков твой рост, Горланзо? – сдерживая гнев, произнесла королева.

– Полтора васо, моя королева!

– А знаешь ли ты, каков был рост Гаара, когда он в 60 году вместе с другими Праотцами поднял из морских пучин Ноэль и повел свой народ на Юг?

– Конечно, знаю. Это же наш отец, наш великодушный защитник и покровитель! – бледное лицо Горланзо с толстым слоем пудры, чтобы казаться еще белее, нервно подернулось. – Два васо, ровно два васо роста...

– Молодец, Горланзо. Ты понимаешь, зачем я это спросила?

– Да, понимаю, моя королева.

Бедняга Горланзо растерял последнюю уверенность в себе.

– Тогда иди, будь добр, освободи место следующему.

И Наурика строго взглянула на крохотного чиновника, который быстренько ретировался, дабы не злить королеву еще больше.

В это время Илла величаво прошел по багровой ковровой дорожке, добрался до первых рядов и послал холодный взгляд стоявшим там придворным. Те, предпочитая не рисковать, отступили назад и в сторону, чтобы освободить место.

Дайрик Обарай, королевский веномансер, стоя рядом, приветственно кивнул и снова устремил свой взор вперед.

Следующим вышел длинный, как сосна, и уж совсем болезненно костлявый вампир. Он отделился от свиты Дайрика Обарая, пропихнулся сквозь толпу, толкаясь острыми локтями, зацепил пышным рукавом Юлиана и выбрался к королеве.

По каменному полу в резко наступившей тишине звонко цокнули туфли. Все: королевская семья, придворные, – посмотрели вниз. Там, так остро напоминающие копыта, сверкали украшенные камнями толстые подошвы диковинных туфель с каблуком.

Король Морнелий ненадолго пробудился от дремоты, приоткрыл слепые глаза и поглядел перед собой пустым взором.

– Что это, Наурика? Что за шум? Кто-то посмел въехать в Торжественный Зал верхом?

– Нет, мой дражайший супруг, – с лукавой улыбкой отозвалась королева. – Это просто расшитые золотом и рубинами мужские туфли Оганера, помощника нашего достопочтенного Обарая. Он, как я вижу, прекрасно знает, каким был рост Гаара.

За спиной королевы тихо захихикали меж собой фрейлины, а по белому лицу Оганера, благо не напудренному, промелькнула тревога. Король Морнелий обмяк и снова провалился в чуткий сон, уютившись с комфортом на плече жены.

– Ваше Величество, нынешние мирологи склоняются к тому, что Гаар был ниже заявленных двух васо и вполне мог уместиться в обычный рост. Но я... – Оганер, помощник Дайрика, а скорее его камердинер, понял, что ляпнул от нервов лишнее. – Я готов предложить Элегиару свои услуги!

– Услуги? Услуги, Оганер? Уже не ослышалась ли я, что ты расцениваешь данный чин, не как выражение уважения традициям, а как возможность пожить за счет этих празднеств?

Качая головой от неудовольствия, Дайрик сложил руки на груди и обменялся взглядом с Иллой; тот понимающе усмехнулся. Оганер же испуганно замахал в воздухе руками, встретившись с яростным взглядом Наурики.

– Вы меня не так поняли, моя королева! Это величайшая честь для меня, возможно, самое лучшее, что я сделаю в своей жизни...

– Нет, Оганер, нет... Уступи место следующему!

Королева мрачно выдохнула и поправила обод короны на голове своего похрапывающего царственного супруга.

Юлиан оглядел толпу, взволнованную и тревожную. По ней волнами прокатывался шепот; кто-то из вампиров робко делал шаг вперед, но тут же отступал, завидя предупредительный и грозный взор правительницы. Церемония продолжалась уже почти с час, и ни один из кандидатов королеву не устраивал. Все устали, но в душе всех теплилась надежда, что выберут именно его.

– Плечи разведи, Юлиан, и не сутулься, – раздался тихий, но требовательный приказ из уст Иллы. – И делай шаг вперед.

– Что?

– Живо пошел, тебе что сказали! – шепот прозвучал уже зловеще.

В довершение требований советник сильно стукнул по ступне веномансера тяжелой тростью.

Сглотнув слюну, Юлиан вышел вперед придворных и отвесил глубокий поклон. К нему тут же устремились сотни взглядов, больше негодующих – все знали, что он был рабом, вампиром подневольным. И хотя при дворце были почитаемые и влиятельные рабы, например, старший камердинер ее Величества, евнух, но стоящий перед королевой никак не входил в их число.

– Ваше Величество, кхм, я... Если вам будет угодно, прошу рассмотреть мою кандидатуру, – произнес Юлиан, уже понимая, зачем советник привел его сюда.

Над залом повисла тишина. Пока все молчали, Наурика смерила мужчину перед ней задумчивым взглядом, скользнула взглядом по его черной копне волос под шапероном, по белому лицу и высокой, статной фигуре. Но уже чуть погодя тишина сменилась недовольным гулом со стороны придворных; медленно нарастая, гул разнесся по всему залу, отдавая эхом под его сводами.

Тут же вперед, волоча за собой длинный хвост, выдвинулся консул Кра Офе'Крон, прозванный Чернооким.

– Ваше Величество, – каркнул он недовольно. – При всем моем большом уважении к нашему достопочтенному советнику Илле Ралмантону, но на роль вестника божества выбирать раба – это само по себе кощунство! Я прошу снять эту неподходящую кандидатуру!

Илла и бровью не повел. Лишь продолжил смотреть то на своего протеже, то на королеву.

– Достопочтенный Крон, – ответила Наурика. – Я согласна с твоим заявлением.

Ворон благодарно кивнул тяжелым клювом, который украшала золотая сеточка, и уже было развернулся, взмахнув по дуге хвостом, но королева продолжила:

– Однако, Кра, мне нравится то, что я вижу. Каков твой рост, веномансер Юлиан?

– Два васо, ваше величество, или, может, чуть больше, если рассматривать здешнюю систему мер...

После ответа Юлиан осмелился ненадолго поднять глаза и рассмотрел белый лик королевы, встретившись с ней взглядами. Затем снова уронил голову, как того требовали законы.

Наурика подперла подбородок пальчиком и хитро прищурилась. Она молчала, но взгляд ее карих глаз на бледном лице в объятиях черной шелковой ткани был весьма и весьма довольным.

– Но он раб! – продолжал настаивать Кра, и позади него снова прокатилась волна негодования.

– Разве не выбирали ли уже рабов в качестве Вестников? Тем более у этого невольника нет даже магического клейма.

– Выбирали, ваше величество. За последние сто пятьдесят лет дважды, в 2035 и в 2036. Однако хочу заметить, тогда это происходило из-за похода на гайроскую провинцию; почти вся родовая знать из вампиров отсутствовала, ведя под знаменами Элегиара войско; прочие же не имели необходимых внешних качеств для участия в церемонии.

– Хорошо, коль так, то я готова рассмотреть другие кандидатуры, ибо я обязалась выбрать вестника в соответствии с традициями. Раз уж вся наша знать собралась здесь в зале, то найдется еще кто-нибудь с двумя васо роста, с черными, как перья у Кра, волосами, синими глазами и кожей цвета севера?

Зал умолк. Все переглядывались меж собой, но понимали, что кому-то не хватало роста, кто-то был смугл, как полевой раб, другим не доставало синевы глаз. Так продолжалось некоторое время, пока Наурика, которая подперла подбородок ручкой и смотрела на своего дремлющего мужа, не устала ждать.

– Ну и? – громко спросила она, но недостаточно громко, чтобы помешать мужу посапывать. – Где желающие? Где, я вас спрашиваю?

Юлиан вертел головой, желая получить хоть какой-то призрачный шанс на достойного соперника. Но с каждым мгновением, завидя, как все опускали головы и терялись, он понял, что остался один. Обернувшись, он столкнулся взглядом с Иллой, однако тот нахмурился и указал краем трости в сторону трона. Юлиан все понял и посмотрел вперед в ожидании вердикта.

– Что ж, – подвела итог королева. – Нынешним законом, которому мы все подчиняемся, кажется, не запрещено выбирать вестником Гаара раба. Верно же, достопочтенный Крон? Ибо вы – радатель над сводом законов Элейгии.

Ворон Кра Офе'Крон, который был членом консулата и отвечал за казну, а также занимался проработкой новых законов, нахмурился. Как бы ни претила ему кандидатура раба на роль вестника, однако Кра законы чтит и любил. А потому он склонил лохматую голову и кивнул клявом, который от старости уже начал облезать.

Наурика ответно склонила свою обрамленную шелковым платком голову. И продолжила:

– Однако насколько я знаю, уже другим законом, «О рабстве», потребуется разрешение хозяина. Достопочтенный Ралмантон...

– Я позволяю своему рабу Юлиану участвовать в празднестве в качестве Вестника, – незамедлительно кивнул Илла, произнеся это голосом, не терпящим возражений. – И даже более! Если он достойно покажет себя, то я готов дать ему свободу.

В зале зашептали. Юлиан удивленно обернулся к своему покровителю, ненадолго задержав на нем взгляд.

– Дорогой мой супруг, – Наурика тихонечко тронула за плечо посапывающего Морнелия, тот дернулся. – Как тебе кандидатура веномансера и раба нашего Иллы?

Сморщив лицо, король всхрипнул и только махнул рукой. Похоже, его совсем не волновала забота выбора вестника. Морнелий, красота которого заключалась лишь в его короне, устало выдохнул и поднялся, весь кривой и косой, чтобы удалиться в покои и отдохнуть. Под торжественную тишину королевская чета чинно удалилась из зала, а за ней вереницей растянулась и свита.

Коротко кивнув, Илла тоже развернулся и отправился вслед за утекающими из зала придворными. Юлиан пошел следом, задумавшись. Он знал, как праздновался день Гаара лишь в общих чертах, да и то это были либо рассказы купцов, прибывших в Ноэль, либо истории местных, не присутствующих там лично. Шествие через весь город, затем жертвоприношение на Молитвенном Холме в храме – и все это под визги обезумевшей от запаха крови толпы.

Год назад, будучи еще садовым рабом, он даже из барачных слышал блаженные вопли городских вампиров, что гурьбой вывалились на улицы для отмечания празднества. И теперь он думал, как это все будет проходить для него. И с каждой новой мыслью его все сильнее оплетало волнение: то ли радостное, то ли напряженное. Он понимал, что Илла радеет за него и, возможно, именно пребывание его в качестве Вестника позволит сбросить рабские кандалы по закону, а не просьбе, получив благосклонность жрецов и аристократии. Но то, что советник всегда все утаивал и ставил всех уже перед фактом, Юлиана раздражало. Какие еще интриги

плетет Илла вокруг своего веномансера? Не потянулись ли уже его сухие руки за нити, ведущие в Ноэль?

Слухи множились и плодились быстрее полевых чертят, добравшихся до амбаров. Уже к вечеру, возвращаясь под покровом сумерек в особняк, носилки советника останавливали даже на улицах, поздравляя с утверждением его раба на чин. Илла же в ответ кивал, хотя и делал он это пренебрежительно, будто через силу. А потом его паланкин продолжали нести дальше. Время так дорого стоило для Иллы, было для него высшей ценностью; и это же ценное время пустые люди смели занимать своими пустыми поздравлениями.

Уже в гостиной, рискнув перебить увлеченного лютниста, Юлиан подошел к советнику, который читал стихи на алом диване.

– Достопочтенный Ралмантон... – тихо прошептал он, обходя тут же выросших из-под земли Латхуса с Тамаром.

Илла не реагировал. Он продолжал скользить взором по строчкам на аельском языке, пока тщедушный лекарь натирал его впалую и костлявую грудь мазями.

– Достопочтенный...

Юлиан позвал еще раз, уже тише, опасаясь показаться излишне настойчивым. У старика был дурной характер, тут сомнений не оставалось, так что обрушивать на себя его гнев не хотелось.

– Тебе расскажут все позже, – последовал короткий, но жесткий ответ. – Праздник через тринадцать дней. От тебя потребуется немного. С этим справится и старая глупая дева!

Под тяжелым взглядом охраны Юлиан кивнул и скрылся в полутьме коридора, где присел в кресло и почувствовал на себе взгляд Габелия. Тот пожал плечами и потер плечо молодого товарища, дабы выразить свое сочувствие, ибо по природе своей Габелий был человеком добрым и участливым.

От Дигоро же последовала только ехидно-завистливая мина.

* * *

Ближе к полуночи, под прикрытием звукового щита, Юлиан пытался выведать у товарищей по комнате все сведения о празднестве. Он знал, что Дигоро ежегодно, как истинный фанатик Гаара, посещал храм, а Габелий был на короткой ноге со многими мирологами и демонологами.

– Увы, ничего не знаю, Юлиан. То есть знаю, но не более твоего, – шептал маг, – Сам понимаешь, когда на улицах столпотворение обезумевших вампиров вперемешку со злой, уставшей стражей... Ну никакой разумный человек, наг да даже оборотень не покинет свой дом или цех! Жить же всем хочется... Вы – создания мудрые, ибо живете долго, но врагу не пожелаешь встретиться с вами голодными. Уж, кхе-кхе, таково положение дел...

– Жертвоприношение в храме, – отчеканил Дигоро. – Это великая честь, когда твои руки обагрятся кровью, которой ты будешь поить знать! Радуйся, любой бы из тех, кого я знаю, жизнь бы отдал за такое!

– Про все это я прекрасно знаю, так что тут ты меня не удивил, – ответил Юлиан. – Мой вопрос, Дигоро, был насчет того, что происходит внутри после того, как двери храма закроются. Много ли жертв на алтаре будет? И что от меня еще потребуется, кроме помощи жрецам?

– Много жертв... Весь пол в крови...

– Сколько жертв?

– Не знаю, – буркнул Дигоро, уже как-то пристыженно.

– Почему?

– Что ты пристал... Почему, почему... – и с губ вампира сорвалась толика правды. – Там цены для покупки места не сложишь...

– Как? – удивился Юлиан, зная, что Дигоро каждый год рассказывал, что бывал внутри. А потом его осенило, и он понимающе улыбнулся. – Неужели тебе никто согласился занять монет на это?

– А я и не просил. Ишь, много ли чести... И вообще, правильно хозяин сказал. Там много ума не понадобится, так что нечего и спрашивать!

И Дигоро с мерзкой миной на лице встал и вышел из-под звукового щита, который вовремя снял Габелий. Затем лег на кровать, повернулся к стене, и до его соседей донесся прискорбный вздох. Действительно, как ни пытался Дигоро просить: и у банкиров, и у соседей по улице, – никто ему не занимал, уж больно скверный у него был нор. Да и просил он так, что скорее огрызался.

* * *

Спустя две недели.

Из густого пара рождались милые женские ручки, которые поливали плечи и волосы горячей водой из бронзовых черпаков. А Юлиан, прикрыв глаза, уже начинал со сладкой истомой подумывать, что все не так уж и плохо. Обычно, навещая баню, он всегда довольствовался быстрым омовением. Но вот сейчас ему пришла мысль, что в таком медленном и томном купании есть чрезвычайно приятные моменты, которые нужно будет потом обязательно повторить.

Он сидел, согнув ноги, в бадье, устланной простынями, дабы не зазанизить мягкое место, и предавался наслаждению. От воды исходил густой запах целебных трав: фенхеля, ромашки, струнника и золотого шорлея. Лицо Юлиана уже было идеально выбрито, волосы подстрижены, а напротив ванны, на кресле, лежал костюм Вестника.

Рабыни Коронного дома тихо перешептывались; на их прехорошеньких мордашках сияли клейма. Тут же рядом с ними стоял безмолвный Латхус, наблюдая.

Наконец, слишком скоро уже расслабившегося мужчину вырвали из мечтаний. Когда Юлиан вылез из бадьи, рабыни еще раз облили его едва теплой розовой водой, постелили на каменный пол подножную простыню и обтерли нагое, распаренное тело. Одна девушка потянула за веревочку, которая устремлялась к потолку, и где-то вдалеке раздался перезвон маленьких колокольчиков.

Негромко скрипнула дверь. Из уже тающей завесы пара выросла полная и широкая фигура, и мужчина с чудаковатыми усами-перышками, бережно держа в руках костюм, подошел ближе. В нем Юлиан узнал церемониймейстера Его Величества, заведующего подготовкой к празднествам.

– Меня обязали все рассказать вам... – не закончив речь, церемониймейстер нашел глазами лежащий на стуле ошейник и замялся, не зная, как обращаться одновременно и к рабу, и к такому уважаемому лицу, как Вестник. – Вам, Вестник, что делать...

С этими словами церемониймейстер уж было схватился за брз, чтобы надеть его самостоятельно, но Юлиан лишь замотал головой. Тогда пышный мужчина, уже не терпя возражений, склонился, чтоб помочь с шерстяными чулками под шаровары.

– Вас у дворца будет ждать повозка, и вы в сопровождении двух консулов будете отвезены к главному храму Гаара у тракта на Пуцу. В храме вы будете встречены жрецами Гаара, и во время молитвенной церемонии на священном алтаре прольете кровь девственниц и девственников, которую потребуются собрать...

– ... что значит прольете? – хмуро перебил Юлиан.

– А, нет, это не то, что вы подумали. Нет-нет... – различив на лице Вестника негодование, церемониймейстер, надевая второй чулок, улыбнулся. – Это раньше жертвоприношения

проводились с соитием, а сейчас, увы... – он горестно вздохнул. – Запрещают, пекутся о «благоразумном сожительстве». Вам нужно будет убить жертв: либо перерезать горло, либо ударом в сердце, тут как пожелаете. И, вскрыв артерии, вам надобно будет собрать в сосуд девственную кровь.

– Зачем же тогда нужны девственники, объясните мне, почтенный церемониймейстер?

– Обычай, – вежливо улыбнулся тот.

– Разве ж девственница чем-то отличается от не девственницы по вкусу крови?

– Задайте этот вопрос лучше жрецам.

Церемониймейстер с кряхтением встал и взял в руки нижнюю и верхние рубахи. И принялся дальше одевать мрачного мужчину, который надеялся, что придется оборвать жизнь того, кто хотя бы эту самую жизнь уже видел. И хотя по подсчетам Юлиана, он за тридцать один год, являясь Старейшиной, убил более трех сотен человек, это все были люди старше среднего возраста, чаще осужденные на смерть за опасные преступления: изнасилование, убийство, бунт.

Чтобы не стяжать славу убийц, вампиры Ноэля старались брать лишь то, что так или иначе должно было умереть. На срединном Юге у вампиров сформировалось иное представление. Они делили людей на два класса: свободные и рабы, – и всегда глядели сквозь свободных, не допуская, будучи сытыми, даже одной мысли о том, чтобы вцепиться тем в глотку. В рабах же они никогда не видели людей, различая лишь цену на еду, которую диктовал рынок. Старые, немощные и больные стоили дешевле, а молодые, здоровые и красивые – дороже.

– И что же дальше, почтенный церемониймейстер? – Юлиан позволил надеть на себя парчовые узкие шаровары чуть ниже икр с росписью листовными узорами платана. – Каким образом будет проходить церемония? С горожанами города? Как долго я буду занят в храме?

– Нет, для горожан уготовано другое причастие, и оно, как бы так выразиться деликатнее – попроще. Вам не нужно будет на нем присутствовать, ведь ваша роль на этом празднике – это пролить освященную кровь и донести дары Гаара только до почтенных и достопочтенных господ в храме. Это – великая честь! Вы будете касаться всех знатнейших вампиров нашего города, вступая с ними в таинство доверия!

Церемониймейстер, имени которого Юлиан так и не узнал, распрямился. Он нашел глазами последнюю деталь нарядного костюма, а именно богатую и красивую, из шелковой ткани с золотыми узорами мантию цветом под стать блестящей темной шевелюре Юлиана, и цыкнул на стоящих стайкой рабынь. Те разбежались. С самым наиважнейшим видом придворный обвил мантией высокого и худого Вестника.

– Ах, как хорошо села. До чего же ладно скроены, высоки и темноволосы, словно рождены подле самого шва на дальнем Севере, – лесть сорвалась с полных и растянутых в услужливой улыбке губ, и церемониймейстер принялся безостановочно охать.

– Что делать дальше? Расскажите до конца, как вас обязали. Когда я буду свободен?

Юлиану не нравилась мутность объяснений церемониймейстера, который облакал все в скользкие формулировки. Тот же, улыбаясь, достал из-под балахона кошель и извлек оттуда шесть перстней с рубинами да гагатовыми камнями.

– Ах, да-да. Прошу меня простить, слегка забылся. Кхм, так вот... Вы будете свободны, когда закончится причастие господ, а Верховный Жрец, Симам, закончит молитву Праотцу нашему Гаару. К слову, достопочтенный Симам проводит служения в храме уже больше пятнадцати лет, так что он подскажет вам и поможет. Вам в помощь будут выделены несколько жрецов. Насколько я знаю, в причастии будут участвовать и господа с северо-западных провинций.

– Понятно.

– А когда закончите, достопочтенный Симам позволит вам быть свободным. Скорее всего, вместе с достопочтенным Ралмантоном вы отбудете в его дом.

– Хорошо.

– И да... Кхм. Если что, то все эти драгоценные камни на вас учтены и будут пересчитаны после обряда. Нет, нет! Не смотрите на меня, Вестник, таким ледяным взглядом, я ни на что не намекаю – это всего лишь правила, и я обязан был известить вас о них.

В завершение разговора церемониймейстер склонился над сумой и достал оттуда духи, обрызгав Вестника парфюмом из мирта. Где-то под потолком звонко запели маленькие колокольчики – время пришло.

– Да пребудет с вами Гаар. Вас уже ждут.

Вслед за покинувшим купальню Юлианом последовал и вечно безмолвный Латхус, озираясь в поисках опасностей для охраняемой им персоны.

За Юлианом шлейфом волоклась тяжелая черная мантия, обильно усыпанная в плечах гагатовыми камнями и златом. И хотя рабский обод так и остался лежать на кресле в купальне, а костюм сидел, как влитой, что-то все равно стесняло его. Он попеременно то поправлял высокий ворот, то оттягивал манжеты на черной рубахе. Чувствовал себя, в общем, крайне неудобно и неподобающе для такой роли. Чувствовал себя человеком, изменщиком и дилетантом...

Заря уже занялась, но солнце еще пряталось за кольцами высоких стен, едва подсвечивая их. В этом сером, угрюмом утре вампир, борясь с ветром, заспешил к двум консулам, сидящим в повозке: Илле Ралмантону и Дайрику Обарая. Их повозка качалась из стороны в сторону под напором северного найдала.

Юлиан сел напротив консулов. Повозка тронулась; копыта звонко зацокали по плитке.

По бокам выдвинулась охрана из магов, которая воздвигла вокруг важных особ магический заслон. Теперь ветер с яростью бился о барьер, который под его порывами мерцал и светился радужными всполохами. Однако внутри стало тихо.

Юлиан с интересом рассматривал Дайрика Гаар'Обарая, лучшего ученика Вицеллия и преемника его чина, желая узнать, каков же его облик. Дайрик отвечал встречным взглядом. Его карие, ясные глаза изучали сына его учителя из-за прорезей маски, но изучали с небрежностью, как нечто малое и презренное.

Наконец, королевский веномансер лениво развалился на подушках, сполз, вытянул вперед ноги и заставил раба из-за этого подобрать свои. Затем он так же вяло повернул голову к Илле, и спросил, немного безучастно, будто обращаясь ко всем и ни к кому одновременно:

– В этом году снова безумный ветер. Хорошо, хоть они дошли своим умом сделать щит...

– Обычное явление, – мрачно отозвался старик Илла, вцепившись в любимую трость костлявыми пальцами. – Перед весной всегда поднимается на неделю-две порывистый найдал.

Дайрик смолчал, видя, что советник по своему обыкновению снова не в духе.

Покачиваясь и гремя колесами, крытая повозка покинула господский район и продолжила свой путь по широкой мостовой, которую стали окаймлять вампиры.

Кто-то, по всей видимости, уже давно стоял здесь, под шквалистым ветром, в ожидании проезда Вестника. Иногда, расталкивая испуганно толпу фанатичных вампиров, с улиц на улицы перебегали люди, чтобы как можно быстрее достичь цели своего путешествия и скрыться с глаз празднующих. Их провожали изуверские, голодные взгляды.

Дайрик отодвинул занавесь из алого бархата и взгляделся в набожных вампиров, которые густо облепили улицы. Многие из них уже посетили утренние причастия в храмах, разбросанных по всему городу. Многие держали в руках фиалы – символ Гаара. У кого-то на губах уже была кровь. Взгляд, пьяный, безумный и остекленевший, провожал повозку, словно там сидел сам Гаар.

Дайрик усмехнулся в презрении, скривился.

– Блаженные создания, – заметил он с отвращением. – Они не способны даже держать себя в руках. И снова будут смерти каких-нибудь глупышек с регулами, которые рискнут выйти сегодня ночью из дома. Снова оборотни Рассодея будут выть от счастья, как голодные псы, когда цена на трупы ненадолго упадет на Мясном Рынке. Какая же низость, какое скотство...

Илла и Юлиан молчали – старик был не в духе и гладил рубин в своем посохе, а раб отрешенно смотрел на изуверских вампиров, которых становилось все больше. Тогда Дайрик Обарай, пребывая в некотором состоянии скуки, перевел свой ленивый взор на оцепеневшего Юлиана и обратился уже к нему.

– Я сомневаюсь, что отец наш Гаар выглядел, как доморощенный цыпленок. Будь увереннее и расправь плечи. Не подведи ожидания своего хозяина, раб...

И Юлиан еще шире расправил уже и так разведенные плечи, нахмурился, но смолчал, ибо по законам не смел и слова сказать стоящему по статусу много выше его. Повозку сильно тряхнуло, и, сморщившись от болезненного толчка в спину, старик Илла распрямился и оперся о трость, злобно зыря по сторонам.

Дайрик растекся по подушкам, коих было более двадцати в повозке, и посмотрел на усталый черный бархат потолка.

– Все хотел поинтересоваться, достопочтенный Ралмантон, – протянул он апатично. – Вам не кажется странным, что мода на изящные, родовитые лица в этом году сбоила?

– К чему твой вопрос? – Илла метнул ответный колючий взгляд, задержал его на Дайрике, пока тот не отвел глаза.

– Я к тому, что выбор королевы очень быстро остановился на диком северном рабе. Мне показалось, что Ее Высочество даже не раздумывала над этим выбором, словно следуя какой-то определенной... договоренности.

– Порой во вмешательствах извне разные создания, желающие протолкнуть своих родственников с легкой руки, видят какие-то несуществующие договоренности.

Дайрик недовольно приподнялся на подушках.

– Достопочтенный Ралмантон, шанс воспользоваться привилегиями, данными титулом Вестника, разумнее давать тому, кто сможет им грамотно воспользоваться. Что вы на это скажете?

– Скажу, что женщины не всегда руководствуются разумом, – усмехнулся Илла.

На лицо Дайрика набежала тень, но он смолчал.

А ветер все усиливался, рос в размерах и силе, и теперь клонил к югу даже крепкие платаны вдоль дороги. Кусты же, уже расстелившись перед мощью северного найдала, и вовсе лежали ветвями на земле, словно вымаливая у богов ветра пощады. Качались и вампиры вдоль дороги, но уже от внутренней бури из чувств, накрывших их.

Повозка вынырнула из тени ворот Мастерского города. Утопая в грязи, кони повернули влево и отправились к реке, но не доехав до нее с двести-триста шагов, вильнули вправо. Повозка потащилась к храму Гаара, вдоль мельничных прудов и платановой рощицы, мимо хлебных полей, пока не стала подниматься на холм.

Все это время Юлиан наблюдал огромную толпу, которая также стекалась к вершине холма. Ремесленники, низшие придворные, нищета – все вампиры шли по дороге и уходили в сторону, проваливаясь в грязь по колено, чтобы пропустить вооруженное шествие. Те, кто был верхом, подгоняли своих коней. Бедняки тянули к повозке руки, и ветер доносил обрывки их молитв.

* * *

Наконец, повозка остановилась у белокаменных ступеней.

Юлиан вылез последним и поднял голову. Над ним грозно возвышался, слепя своей белизной, храм. Храм этот был перестроен из старого полсотни лет назад с пожертвований прошлого советника королевства, Чаурсия.

Все знали, что прошлое святилище было мрачным, черным. Оно пугало кровавыми жертвоприношениями. Пугало оно и голодными вампирами, облепившими его ступени. Нехорошее

это было место – злое, как поговаривали в Элегиаре. Но после того, как храм перестроили и сделали из белого мрамора и гранита, а вокруг него организовали дозоры, миролюбивее оно не стало. Вокруг вечно пропадали люди; местные деревни и рабские плантации часто недосчитывались поутру одного-двух человек.

Храм уже окружила огромная толпа из вампиров. Юлиан, Илла и Дайрик с военным сопровождением зашли внутрь.

Храм не освещала ни одна свеча. Огромный зал с чередой колонн вел к статуе Гаара, щедро расписанной золотом. Этот Гаар, мантия которого сливалась со стеной, напоминал во тьме скорее пугающего грима, нежели бога. Он нависал над тремя жертвенными алтарями, довлея над ними. В руках у статуи покоился золотой фиал.

Аристократия и богатые вампиры города стекались внутрь, занимали места. Тускло сверкало золото; по храму разливался запах духов и жажды крови. Звенели украшения, ибо знать облачилась во все самое лучшее. Илла Ралмантон и Дайрик Обарай устроились в первом ряду.

Снаружи же продолжал истуканно вопить простой народ, пытаясь пробиться внутрь, чтобы участвовать в Главном причастии. Однако стражники не пускали их, откидывали тупыми концами алебард, как зверье.

Юлиан пытался идти величаво. Однако на него навалилась странная, холодная апатия, и он в состоянии какой-то внутренней пустоты, чувствуя тяжесть лишь в районе живота, дошел до жреца Гаара и встал рядом.

Когда все ряды оказались заняты, двери храма с грохотом закрыли. Все находящиеся внутри оказались отрезаны от внешнего мира. Помещение застлала чернота. Вокруг трех алтарей, одного большого и двух поменьше, зажглись свечи. Они колыхнулись во тьме.

Воцарилась тишина.

Все обратили свои взгляды к холодному каменному жертвеннику, укрытому белоснежным покрывалом, и к жрецу с Вестником. Видя, что Вестник неопытный, Симам, Верховный жрец – этот вампир с неистовым взглядом старого фанатика, с этой глубокой морщиной, засевшей между широких бровей, и с видом покойника – подозвал его к себе.

Затем, неожиданно громко для своего тщедушного телосложения, он начал говорить. Голос его: басистый, властный, – отдал эхом под высокими сводами, отдал раскатами в сердцах.

Все слушали.

– Дети Гаара! – страстно воскликнул Симам и воздел к небу широкие рукава алой мантии. – Сегодня великий день, когда наш Праотец услышит мольбы и ниспошлет благо детям своим! Детям, которые верны и помнят, кому обязаны жизнью и происхождением, в коих течет его мудрость, его жизнь, его семя!

Юлиан вздохнул, стоя рядом с оглушающе громким жрецом, и оглядел всю колышущуюся фанатичную толпу. Глаза вампиров распаивались. В их взорах читалась набожная смиренность, а к ней примешивалось и нечто звериное, вырастающее в них, но пока сдерживаемое.

Жрец начал долго читать молитвы. Время смешалось с полутьмой; голос Симама то гремел, то стонал, то разливался певучей песнью. Жрец играл с голосом, стараясь задеть струны, как играют боги со своими детьми.

Юлиан был не из тех, кто верит первому слову проповедника, а оттого он всегда считал себя далеким от божественных празднеств. Но сейчас и он невольно почувствовал, что тело его вдруг оцепенело, сердце наполнил благоговейный жар, а голова очистилась от мыслей о бытии. Сам того не желая, Юлиан стал частью обряда, поддался его власти и чарам. Хотя в глубине души скромный голос и задавал вопрос: «А не лишний ли ты здесь, бывший человек?».

Наконец, прозвучали нужные слова.

– ... И сегодня мы воздадим отцу нашему Гаару, почтим его имя, закрепив его на наших устах, омытых кровью!

Юлиан отвел взор от лица Иллы, на удивление спокойного, и попытался сосредоточиться, но перед глазами начало плыть.

Из-за статуи Гаара возник жрец в черной мантии, ниже рангом. Он вынес тонкую фигурку и возложил ее на алтарь. Фигурка была укрыта полотнищем, а из-под него выглядывали бесчувственная женская ручка и белые стопы – девушка спала.

Когда ее тело уложили на белоснежное покрывало алтаря, жрец Симам распахнул шка-тулку. Он извлек оттуда тонкий, изогнутый кинжал с невероятной остроты лезвием. Затем, ненадолго подняв его над головой, отчего по толпе прокатилась волна возбуждения, Симам вложил его в подставленные ладони Юлиана.

Клинок был на диво бесплотен и неосятним. Но лег он в руки тяжелым бременем. К Вестнику, облаченному в иссиня-черный костюм, расписанный алым атласом и драгоценными камнями, обратились взоры всех присутствующих.

Юлиан развернулся к жертве, которую заранее опоили снотворным.

И тут зрение его будто потеряло прежнюю зоркость. Теперь он с дрожью видел перед собой лишь дремлющую тонкую фигурку. Правой рукой он сорвал полотнище, и оно подлетело ввысь, а потом тяжело упало к ногам первых рядов.

На алтаре лежала, облаченная в рубашу из шелка, девчушка: еще щуплая, юная, но уже с очерченными женскими прелестями. Лицо ее было цвета снежной белизны, веки с черными ресницами дрожали в насланном снотворным сне, а головка покоилась в ореоле пышных, каштановых волос. Девушка не казалась рабыней, разве что из комнатных, потому что не было в ней ни капли деревенской огрубелости. И даже ручки на ощупь были, что пух.

На алтарь и Вестника все смотрели в томительном ожидании. Зал затих, боясь проронить и слово. Все страшилось осквернить священное затишье. А меж тем в голове у Юлиана пульсировала лишь одна мысль – «человек... человек... бывший человек... но уже не человек... не человек...»

С прерывистым дыханием он погладил жертву по трепетной, белой шее и сглотнул слюну. Недолгим взором он окинул сидящих в зале вампиров. Ни у одного не увидел в глазах ни капли жалости – лишь звериное томление.

«Что толку надеяться, что я не убийца, и пытаться оправдать себя? – думал про себя он, сжимая крепче рукоять клинка, украшенную рубинами. – Я убийца. И от этого заявления самому себе мне ни тошно, ни сладко. Я принял его, как данность, хотя это далось мне тяжело и я тешил себя десятилетиями, что убивал лишь виновных. Но сколько среди убитых было оговоренных завистливыми соседями, сколько смутьянов поднимали бунты ради блага своих нищих и голодных детей?»

Он ударил в сердце, коротко и жестко. Глаза жертвы в то же мгновение распахнулись. Острая боль вырвала ее из мира снов, и Юлиан увидел последний взгляд этого бедного, невинного создания, жизнь которой закончилась в угоду несуществующему богу.

Вестнику поднесли огромную золотую чашу, и он, перерезав у жертвы горло, набрал ее до краев. Под сводами храма растекся благоухающий, густой запах крови.

В зале продолжала стоять гробовая тишина.

Следуя указаниям жрецов, Вестник с чашей, полной крови, спустился с лестницы и ступил к вампирам, сидящим в креслах. Следом за ним двинулись прислужники, которые несли в руках яхонтовые кубки.

Сначала он остановился у консулов Иллы и Дайрика. Взяв два кубка, он зачерпнул ими крови до краев и передал их консулам, касаясь их рук своими. Все это время Верховный жрец молился и что-то иступленно кричал, но Юлиан его не слышал, будто оглохнув.

Илла обхватил костлявыми пальцами кубок и с горящим взглядом испил крови, которая должна была ему даровать здоровье Гаара. Его примеру последовал и Дайрик, перед этим отстегнув золотую маску. Храму явилось лицо, правая половина которого была обожжена, судя по всему какой-то кислотой.

Меж тем на алтарь лег уже следующий несчастный человек. Опоив первые ряды священной кровью, Вестник вернулся к алтарю, где ему опять вложили в руки кинжал. До сих пор видя перед собой лицо первой девушки, он убил быстрыми ударами следующих жертв. Затем снова наполнил чашу.

Мир вокруг него сузился до кинжала, опоенных снотворным жертв, чаши и восковых лиц знати. Во тьме он почувствовал, как руки его обагрились кровью, как обувь стала липнуть к полу.

Один из прихожан, почтенный Лукини, чиновник Налогового дома, во время причастия к кубку случайно опрокинул его. Кровь разлилась на пол. Вестник наполнил кубок по новой и снова подал его прихожанину; тот жадно припал сначала к напитку, потом вдруг к руке дающего, принялся страстно целовать ее кровавыми губами.

Юлиан смутился. Опоив еще часть аристократии, он вернулся к алтарю. Время замерло. Молодых девушек и парней выносили друг за другом, спящих, клали их на залитые кровью жертвенники, и он забылся, скольких уже убил... Десять? Двадцать? Пятьдесят?

Когда знать напоили священной кровью, пир на этом не остановился. Симам подал чашу самому Юлиану, и тот, понимая, чего от него хотят, тоже начал пить, пока разум не оплело чувство опьянения. Где-то в стороне вскрикнул не вовремя проснувшийся юноша, чьи вопли тут же сменились предсмертным стоном, ибо ему в шею вцепился один из жрецов.

Кровь лилась на пол ручьями. Кубки опрокидывались. Расписанные драгоценностями костюмы обагрились алым. Илла жадно пил уже третий кубок, пока над ним не нависал лекарь Викрий с требованиями соблюдать меру из-за раздраженного желудка. Лицо старика было перемазано кровью, и он вытирал его рукавом, придавая бледному лицу еще более пугающую красноту.

Юлиан прошел по липкому полу, чувствуя, как пристаёт к камню обувь, и поднес одной пожилой аристократке кубок. Та привсталла, обхватила пальцами дающую руку и жадно припала к кубку. Затем, безумная и пьяная, обвила шею Вестника, и он почувствовал на губах поцелуй.

Причастие обратилось в кровавую попойку.

Безумие стало охватывать знать. Сдержанность растворялась в густой завесе запаха крови, а фарфоровые лица укрывала кровь. В углу храма лежало уже более пятидесяти трупов, соки с которых уже вытянули меж делом. Кто-то из аристократии тянулся к телам, растеряв всякое благородство и ощущая вложенную в них Гааром звериную сущность.

Пиршество продолжалось долго.

Юлиану казалось, что на Элегар уже опустилась ночь. И все же молитвы жреца Симама стали не так яростны, сам жрец охрип, а часть знати, пьяная, и вовсе возлежала в креслах, распластавшись. У стен стояла безмолвная храмовая стража из евнухов, а кровь каждого убитого пробовали перед укладыванием на жертвенник веномансеры. Но делалось все так тихо и осторожно, что, казалось, будто только аристократия и находилась в храме, ибо все действие крутилось вокруг нее и для нее.

Наконец, голоса стихли. Юлиан уже шатался: то ли от опьянения, то ли от усталости. Он видел осоловелые глаза вокруг себя, видел их покровительственные взоры, ибо теперь, став Вестником, кормящим с рук, он подозревал, что стал для господ на ступеньку выше.

В конце концов, до замутненного его сознания донеслись обращения жрецов. Все вампиры приподнялись в креслах, стали приводить себя в порядок, ибо не было здесь камердинеров и слуг – все остались у повозок. Спустя время с глухим звуком двери храма открыли – яркая полоса света разрезала тьму храма. Все ослепли после блаженной тьмы.

Юлиан посмотрел на свои залитые кровью руки, словно он окунул их в чан по локоть, и ему отчего-то вспомнились три брата в тюрьме Брасо-Дэнтто. В каком-то немом отупении с позволительного кивка Симама он последовал за Иллой. Тот тоже шел, покачиваясь, хотя с каждым шагом тело его, доселе расслабленное, стало напрягаться, возвращаясь к обычному состоянию ожидания опасностей.

Когда Юлиан привык к смене освещения, только тогда он понял, что весь пол, от алтаря до дверей, залит кровью, а лицо у веномансера липкое при касании не от пота, а от крови.

Где-то впереди зашумела стража. Истощенные вопли. Под охраной аристократия вышла, качающаяся, из дверей храма и прищурилась. Кое-кто одергивал себя, приводил в надлежащий вид одежду. Дайрик надевал маску. К кому-то бросилась прислуга, которую не пустили внутрь на таинство. Кто-то еще словно не понимал, что происходит.

Юлиан брел вперед и смотрел по сторонам, разглядывая всех вокруг словно через призму. Но холодный воздух стал отрезвлять его, а буйный ветер взметнул на нем одежды, поторапливая.

Разглядывая блаженные лица выходящих из храма, он вдруг понял, что они – счастливы, искренне счастливы. А он до сих пор вспоминает лицо убитых... И вдруг мысль, печальная, осенила его – никто из вампиров никогда не задавался моральной стороной вопроса, убийца он или нет. Вампиры всегда убивают ради сытости и наслаждения, ограничиваясь лишь вопросом законности убийств, ибо это их сущность, ибо они – хищники.

А задается ли хищник вопросом, убийца он или нет? Вряд ли.

И каждая сделка Юлиана с совестью, приближающая его ко мнению, что он – убийца, – отдаляла его от вампиров. Ибо те убийцами не были. Не была убита для них девственница на алтаре – было проведено жертвоприношение их любимому богу.

Что ж, размышлял он печально, человеческое прошлое не сотрешь и тысячами убийств...

И вот он уже возвращался назад. К нему тянули свои руки опьяненные вампиры. Однако Вестник на них не смотрел, пребывая в задумчивости. Он знал, что запомнит этот день надолго.

Юлиан сел во всю ту же повозку, и до его слуха, отошедшего от странной глухоты, донеслись пронзительные вопли. Он оглянулся. Перед храмом образовалось столпотворение. Нищие вампиры, огрызаясь, кидались на залитый кровью пол у входа внутрь, вставали на колени и слизывали кровь, цена которой в последние годы взлетела под небеса из-за ослабшего потока рабов. Ненадолго Юлиану показалось, что в этой возне из сплетенных тел он услышал возгласы Дигоро, который устремился к алтарям.

Услужливый камердинер помог старику Илле взобраться по ступеням, и тот буквально рухнул в подушки, ибо здоровье его за последний год сильно пошатнулось. Юлиан подсел рядом. И снова напротив устроился Дайрик Обарай, Королевский веномансер.

Возничий на облучке хлестнул лошадей, и они повезли молчаливых и забрызганных кровью господ к особняку. Впрочем, ни господ, ни пирующих в городе вампиров их облик, обогранный кровью, не беспокоил – город сейчас принадлежал им. Дело близилось к обеду; пустынные улицы, унылые и серые, протягивало мерзким ветром. За версту не было видно ни одной живой души. Ставни заколотили. Магазины закрыли до следующего дня. Город будто вымер.

Где-то вдалеке, со стороны Трущоб, чуткий слух Юлиана различил женские крики о помощи, сменившиеся стонами боли. Затем все это скрыл в себе ветер, который завыл с новой силой.

По небу ползли тучи, обещая разразиться либо дождем к вечеру, либо мокрым снегом в ночи, если успеет похолодать.

– Ну что же... – апатично протянул Дайрик, пока повозка гремела колесами по выложенным плиткой улицам. – Все прошло, как должно. Но впрочем, вы в роли вестника, достопочтенный, выглядели много убедительнее. – Дайрик снова попытался раскидать ноги, но уперся в Юлиана. Тот не уступил. – Вы, пожалуй, были лучшим вестником на моем веку...

Илла не ответил. Лишь сцепил пальцы одной руки вокруг трости, а другой вытирал морщинистые губы, чтобы привести себя в порядок. Казалось, будто своим старческим взглядом он следил за дорогой сквозь плотные шторы, но глаза его были затуманены.

– В твоих словах сквозит больше лести, чем истины, Дайрик, – наконец, произнес он. – От Вестника в церемонии требуется слишком мало, чтобы судить его качество работы, с той лишь разницей, что раньше церемония была куда более зверской. Лучше расскажи, как продвигаются исследования Белой Розы.

– Увы. Мы более разводим антимию, чем движемся дальше. После сведений от вашего раба о том, что в производстве яда использовалась перегонка из животного сырья, мы хоть и сузили круг методов, но результата не добились.

– Следы использования Белой Розы находили в других землях?

– Нет, – лениво вздохнул Дайрик Обарай.

– А чем тогда отравили наместника Дюльмелии? Ходят слухи о белой пене, извергаемой им изо рта перед смертью.

Дайрик, кажется, скривился под маской.

– Много чего говорят, достопочтенный, но это не следы Белой Розы, а обыкновенная реакция борькора на вино, которое выдерживают в свинцовых чанах для сладости. Именно им наместник запил отравленную тушу цапли. Те, кто выкупил у Вицеллия секрет Белой Розы, не торопятся явить ее силу, что странно и необъяснимо с точки зрения логики, ибо яд этот надо вовсю использовать, пока на него у веномансеров нет ответа...

– Ищите! – обрубил Илла и вцепился в веномансера колючим взглядом. – Нужно отыскать противоядие до войны.

– Я понимаю, достопочтенный... Однако мой учитель умел хранить секреты, стоит отдать ему должное. – Тут Дайрик увидел, как вспыхнули холодным огнем глаза советника, и умолк про достоинства Вицеллия, затем посмотрел на Юлиана. – Но вы можете помочь в исследованиях, если позволите мне взять в Ученый Приют вашего раба. Среди магистров ходит слух, что он долгое время принимал этот яд. Как знать...

– Нет, – оборвал Илла. – Ищите!

Дайрик лишь лениво дернул плечами, понимая, что старик не желает пускать по стопам Вицеллия своего раба, о котором все уже знали, что он – сын Иллы.

Повозка остановилась у ворот особняка Иллы. Консулы выбрались из повозки и под вой ветра поспешно исчезли в проеме двери. Холодные порывы бросались на окна, и весь дом

трясся от основания до крыши. Зимы в Элегиаре не баловали ни снегом, ни крепким морозцем, но были щедры на слякоть и лютые ветра, которые разгонялись на равнине, как конь на воле.

Юлиан, словно тень, последовал за господами и сел рядом с Иллой, который благодушно позвал его. Чуть погода явилась прелестная Лукна, звеня украшениями, и ее голос разнесся песнью в особняке. Пела она нежно, спокойно, потому что характером была покорна – не как Сапфо. Чуть погода к ней присоединились и другие дети Зейлоары: флейтисты, лютнисты и модный менестрель Парфоло.

Дайрик Обарай, лежа на подушках, наконец отстегнул золоченую маску в виде коры, и показал свое лицо. Теперь Юлиан смог разглядеть его нормально, в ясном сознании. К его удивлению, Дайрик был моложе, чем казалось поначалу, потому что маска сильно приглушала его голос, делая старше.

Правая половина лица: смуглого, обрамленного остатками каштановых бакенбардов, – была сожжена какой-то мощной кислотой. Губы Дайрика, тонкие, укрывала темно-розовая корка, а ухо и часть волос и вовсе отсутствовали. Что же это, последствия неосторожного обращения с карьением?

Да, вероятно, карьений, думал Юлиан, ибо он так же когда-то сжег на лице кожу до мяса, когда по ошибке залил для разведения кислоты воду в нее, а не наоборот. Тогда карьений резко нагрелся и выбросил облако разъедающего пара в лицо незадачливому веномансеру, отчего тот ослеп на один глаз на добрый месяц. Надо ли вспоминать, как безудержно и зло хохотал Вицеллий Гор'Ахаг, наблюдая за страданиями своего ученика? Лить кислоту в воду – вот золотое правило, запомнил на всю жизнь Юлиан.

Но у него, к счастью, все зажило, а вот лицо Дайрика носило на себе пожизненный отпечаток его ремесла – ремесла опасного, не прощающего ошибок.

Глава 6

Маронавра

Чуть позже.

Дело близилось к вечеру. Ветер усилился и ревел в трубах, пока флейтисты пытались перебить его яростный рев музыкой. Зажгли сильфовские лампы.

Наконец, Дайрик Обарай поблагодарил за прием и покинул особняк вместе со свитой. Ему помогли подняться в прибывший паланкин рабы, и, потерявшись за занавеской из темной ткани, королевский веномансер отправился во дворец, в Ученый Приют, где и жил. Чуть позже исчезли и музыканты.

Уже в ночи лекарь Викрий взялся за хозяина, и чуть погода тот уже лежал в мягком халате на диване. Обмотанный бинтами Илла, пока горячая мазь грела тело, не переставал буравить Юлиана грозным взглядом. Тот же пока не понимал причины такого молчаливого внимания. В конце концов, он спросил.

– Я могу быть свободен, достопочтенный?

– Нет. Обмойся быстро в бане, переоденься в лучшее и возвращайся.

Удивившись, Юлиан пошел исполнять приказание. Для него нагрели баню, и он, отмыв кровь, что была даже на волосах, уже спустя полчаса переоделся; сухой и чистый, он вернулся на диван. В голове еще стоял зыбкий туман из-за обилия выпитой крови, а перед глазами – убитые девственницы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Илла.

– Достаточно хорошо.

– Еще пьян?

– Немного.

– Но сыт?

Юлиан кивнул.

– Они не должны были тебя поить до опьянения... Но чертов Симам снова забыл все договоренности...

Пока Илла, будто сомневаясь в чем-то, чесал подбородок в раздумьях, в коридоре зашумели. В гостиную стремительно вбежал молодой майордом и поклонился с письмом в руках.

– Хозяин, – сказал он в спешке. – Из дома почтенного Маронавра прибыл посыльный!

Илла торопливо приподнялся с дивана, отмахнулся от лекаря и впился глазами в послание, которое уже проверял Дигоро. Тот надломил красный сургуч, снял обвивающие бумагу золотистые ленты и теперь припал носом к бумаге, потом привычно облизав пальцы. Чуть позже Илла Ралмантон уже внимательно читал послание, которое было... пустым. Краем глаза Юлиан увидел совершенно чистый пергамент.

– Сожгите, – скомандовал Илла слуге, потом сказал своему протеже. – А ты следуй за Латхусом! И слушай его!

Юлиан нахмурился, поднялся, взял в руки поданный камердинером плащ, серый и безликий, закутался в него и вместе с Латхусом ступил за порог дома. Куда его ведут? Он не знал, но вспоминал, каким острым взглядом старик Илла смотрел на конверт, пропечатанный красным сургучом. Уж не был ли факт послания важнее самого письма?

Где-то вверху громыхнуло, и небеса разверзлись дождем. Юлиан вцепился в шаперон, чтобы его не унесло ветром, и быстрее пошел за Латхусом. Тот неумолимо двигался в завесе ливня в сторону звездного перекрестка, затем зачем-то нырнул на тихую улочку. Спрашивать о чем-либо наемника было бесполезно. И Юлиан молча следовал за ним.

Что же задумал Илла? Сгорая от любопытства, Юлиан все шел и шел, пока головорез не свернул с проулка, прозванного Угловым, к стене. И направился вдоль нее, пока не вышел к хозяйственным воротам дворца, в стороне от Аллеи Праотцов и главного входа.

Сюда, на северные ворота, подвозили днем обозы с продуктами, тканями, утварью. Это был вход для слуг, который охранялся даже пуще главного, во избежание проноса ядов и оружия. Но сейчас там не было стражи, а одна створка кованых ворот оказалась приоткрытой. Заинтригованный Юлиан нырнул за Латхусом на задворки дворца и, меся грязь сапогами, последовал к пристройке – кордегардии. Над двумя мужчинами зловеще нависла башня Коронного дома, вспарывающая острым шпилем небеса.

Латхус распахнул дверь и нырнул в удушливую комнату караула, которая снова оказалась пуста. Они вдвоем, головорез и Юлиан, стали подниматься по винтовой лестнице, пока не оказались в темном коридоре. Третий этаж – заметил про себя Юлиан. Темно; все стильовские светильники, висящие вдоль алебастровых стен, были потушены.

Наемник отсчитал пальцем три двери и зашел в четвертую слева: неказистую, для прислуги. Глухая комната без окон, маленькая – это был склад для постельного чистого белья, что лежало аккуратными стопками вдоль стен.

Слепой во тьме Латхус потерял лампу у входа, и тесное помещение залил яркий свет. Юлиан дернулся и закрыл глаза, ибо резкая смена освещения им воспринималась болезненно.

– Приведи себя в порядок. Омой руки карьением. Просуши волосы, смени обувь. Там.

Латхус указал на занавеску, за которой, как оказалось, были мягкие туфли, полотенце и маленький тазик со жгучей водой, карьением. Именно этой разбавленной кислотой веномансеры пользовались, чтобы смыть с рук возможные следы яда.

– Зачем? Объясни, что происходит.

Ответом вновь стало лишь молчание, но, увидев, что раб не двигается с места и упрямо смотрит на него, Латхус ответил:

– Ты встретишься с почтенной Маронаврой. Твоя задача, как Вестника, – удовлетворить ее желания. Хозяин предупредил, что если на ней обнаружат царапину или укус – ты об этом пожалеешь.

Очарование празднеством тут же исчезло. Юлиан захлебнулся воздухом от возмущения, и кровь в нем, и так разгоряченная из-за опьянения, забурлила.

– За кого меня принимает достопочтенный Ралмантон? – скалясь клыками, сказал он. – За инкуба, который должен исполнять прихоти балованных аристократок?

Латхус поглядел на Юлиана рыбьим взглядом и смолчал. И снова указал кивком головы на туфли, полотенце и таз. Но веномансер остался недвижим, лишь лютым взглядом впился в наемника. Почуввав неладное, тот сделал шаг назад и предупредительно уронил руку к бедру, пополз пальцами, как паук, к кинжалу.

– Это приказ хозяина, – холодно заметил Латхус, видя недобро блеснувшие глаза раба. – Исполни или будешь низвергнут до садовых рабов. Приведи себя в порядок. Омой руки карьением. Просуши волосы, смени обувь. Затем отправимся к почтенной Маронавре.

Внутри Юлиана все заклокотало, и он развернулся к двери.

– Это приказ!

– Я вижу, ты стал на удивление красноречив, Латхус, – процедил Юлиан, обернувшись. – Нет.

– Бойся гнева хозяина и почтенной Маронавры.

– Не пугай меня именем женщины! – усмехнулся вампир. – Веди меня назад, к достопочтенному Ралмантону, я поговорю с ним. Пусть он меня накажет, пусть рубит руку, но я не лягу в постель к незнакомой женщине просто потому, что она этого захотела! У нас с достопочтенным был уговор; он обещал, что я буду состоять при нем веномансером, а никак не сокроватником по вызову!

– Хозяин запретил возвращаться, пока ты не наведишь почтенную Маронавру.

– Да что это за Маронавра такая, Латхус, что все строится вокруг ее желаний? Кто она, черт возьми? Я ни разу за год не слышал ни имени такого, ни семейства. Или это та старая дама из храма, что бросалась на меня? Ох, как же я сразу не догадался, что имел в виду под покровительством вампиров достопочтенный... Нет!

И Юлиана передернуло. Действительно, он вспомнил страстный взгляд той аристократки, и ее морщинистые губы на своих.

– Приведи себя в порядок. Омой руки карьением. Просуши волосы, смени обувь. Затем мы отправимся к почтенной Маронавре.

Снова заученная фраза. Юлиан сжал челюсти и уставился взглядом в свои грязнющие сапоги, с которых, как и с плаща, уже натекло на каменный пол и подмочило стопку белья справа, окрасив ее в грязно-коричневый цвет.

– Хорошо, – наконец, со смешком сказал он. – Веди меня к Маронавре!

– Сначала приведи себя в порядок. Омой руки...

– Нет! Веди меня сейчас, Латхус!

– На твоих руках может быть яд. Приведи себя в порядок. Омой...

– Нет у меня яда на руках. Последняя попытка отравить достопочтенного леоблией была с месяц назад. Веди! Или я сам вернусь в особняк, невзирая на все твои угрозы.

Ни одной эмоции не мелькнуло на лице Латхуса. Он помолчал, тусклым взглядом посмотрел на Юлиана, а затем едва заметно кивнул. Веномансер уже было схватился за латунную ручку двери, чтобы вернуться в коридор и взглянуть на ту таинственную Маронавру, но головорез позвал его.

– Не сюда.

– А куда тогда?

Юлиан удивленно обернулся и увидел, как Латхус пробрался мимо стопок белья по узенькой дорожке к глухой стене, перекинув плащ через руку. Наемник отдернул занавесь, которую повесили, чтобы не пачкать простыни, наволочки и пододеяльники. Поднявшись на носочки, – ибо наемник был низок – Латхус одновременно в двух местах прожал пазы в деревянных панелях, которыми были обиты стены. Со скрипом отворилась дверь.

Заинтригованный Юлиан последовал за нырнувшим во тьму Латхусом, виляя между стопками белья, чтобы не вымазать их. И поглядел назад, видя, как грязевой след от двух пар сапог тянется к ним. С усмешкой он прикрыл дверь, которая защелкнулась с тихим звуком. Вместе с наемником он стал петлять по коридорам.

Коридоры эти тянулись вдоль всего этажа, встречались с узенькими лестницами, ведущими вверх и вниз. Дворец был опутан ими, как пальчики юной девицы – кольцами.

Латхус стал взбираться по тесной винтовой лестнице вверх, все выше и выше. И Юлиан последовал за ним.

Ему казалось, что они подобрались уже к самой крыше Коронного дома, когда наемник, наконец, свернул с лестницы в пыльный коридор. Ломаными тропами, составленными либо хитрыми архитекторами, либо глупыми, двое дошли до небольшого ответвления право – оно упиралось в деревянную дверь, из-под которой сочился приглушенный свет.

Юлиан потянул носом воздух – комната источала аромат пряного мирта, разбавленного сладостью ванили. Сморщив нос, он судорожно вспоминал, где мог учуять нечто подобное.

Он размотал шаперон, который обвился мокрой змеей вокруг руки, и, распахнув с ноги дверь, быстро зашел внутрь. С натянутой на лицо презрительной ухмылочкой он приготовился вступить в словесную перепалку с какой-нибудь балованной аристократкой, в которой он уже подозревал ту старую женщину из храма. Прищурился от света. Запахло человеком.

Немного поморгав, Юлиан посмотрел сначала на свои грязные сапоги, которые стояли на ворсистом красном ковре, потом на огромную кровать посреди комнаты и, наконец, на фигурку, сидящую на ней.

Силуэт ее был размыт, но, возвращая остроту зрению, Юлиан различил черное платье с богатой вышивкой и две косы, лежащие на покатых плечах. А когда разглядел лицо, которое поначалу не узнал без шелковой накидки и тюрбана, то так и застыл на месте, как деревянный истукан.

На него смотрела королева Наурика: внимательным и пронзительным взглядом. Сложив ручки на коленях, она молчала.

Лицо ее было белым и круглым, как луна в небе, а толстые косы цвета корицы касались самих бедер – Юлиан не знал, что у королевы такие длинные волосы. Их она всегда прятала под тюрбаны и накидки, соответствуя традиционному образу спрятанной под одеждами от всего мира жены.

Наурике было сорок два, но выглядела она на десяток лет моложе благодаря усилиям магов. Королева, с ее насильно отбеленным лицом, остро напоминала филлонейлов, которые жили в восточной части Севера, в горах Фесзот.

Сзади со скрипом закрылась дверь. Латхус отошел дальше по коридору и замер где-то у лестницы, не близко и не далеко – чтобы все слышать.

Наурика посмотрела вниз, на то, как грязь и вода с плаща пропитали дорогой ковер, посмотрела на замызганные сапоги, которые облепила пыль тайных переходов. Брови женщины сошлись на переносице.

– Мне рассказывали, будто бы ты, Вестник, чистоплотен, аккуратен и деликатен, – произнесла медленно она. – Но что же я вижу?

– Что же вам еще рассказывали, ваше величество?

К Юлиану вернулся дар речи, и он теперь рассматривал фигурку королевы, отчаянно соображая, зачем советнику понадобилось это все устраивать. И главное – что делать? Королева тоже продолжала ответно созерцать его, чуть прищурившись – и не ясно было, о чем она думает. Юлиану доводилось вкушать много барышень, получая их воспоминания, но глубины души избалованных золотом аристократок для него пока были непостижимы.

– Рассказывали, что ты скромн, Вестник, учтив, знаешь свое место и послушен...

– Прошу меня извинить, но это более подходит к описанию сына, ваше величество, нежели любовника, – усмехнулся Юлиан, – Или, быть может, я ошибся комнатой? Мне сказали, что я должен встретиться с почтенной Маронаврой, а никак не с королевой.

Наконец, он смог бегло осмотреться. Комнатка была тесной, с одним слюдяным окошком, завешенным бордовой гардиной. Все здесь было темно-красных цветов: от пышного, низкого диванчика, на котором лежала лютня, до огромной кровати, укрытой алым балдахин. Справа от королевы, на кованом столике, стояли корзина с фруктами и кувшин с кровью. Подготовились, снова усмехнулся про себя Юлиан.

– Об этой встрече, Вестник, никто не должен знать, поэтому для тебя я – почтенная Маронавра. И ты должен это понимать, потому что достопочтенный Ралмантон еще говорил, что ты весьма умен. Но, кажется, предложенный на рынке породистый жеребец оказался свиньей.

Наурика снова опустила взгляд на уличные сапоги и уже изрядно пропитанный грязью ковер. По лицу женщины пробежало сомнение, когда она подняла взгляд к растрепанным и мокрым волосам, к размотанному, мокрому шаперону, который свисал с руки Юлиана вместе с плащом.

– Я тоже не ожидал увидеть женщину, чья благопристойность известна во всем королевстве... – парировал Юлиан. – Все мы порой ошибаемся.

И он тут же прикусил язык, понимая, что сейчас эти полупьяные речи доведут его до виселицы. В ответ на это Наурика поднялась с кровати, вспыхнув лицом, но тут же потушила в себе негодование и сжала губы.

– Ты что себе позволяешь, Вестник? – ледяным голосом произнесла она. – Ты как с королевой смеешь разговаривать? Из какого свинарника тебя выпустили?

– Разве же с королевой я говорю, а не с почтенной Маронаврой? – снова не выдержал он.

Наурика воззрилась жестким взглядом, но ее трепещущее в груди сердечко, которое слышал Юлиан, доказывало, как порой обманчивы ледяные глаза. Он рассмотрел под пышным платьем, что оказалось нижней рубахой, изгибы женственного тела, помялся и переложил плащ с размотанным шапероном на спинку дивана. Затем сбросил грязные сапоги. И сделал шаг к королеве.

Его одолели сомнения. Но он знал, что если прямо сейчас уйдет, то ему не сносить головы от Иллы.

Наурика продолжала стоять, замерев, с бледным, но решительным лицом и гордой осанкой. Но такая хрупкая: без шаперона, массивной короны и громоздких парчовых одежд, которые окутывали ее с ног до головы. Она глядела вверх, на подошедшего северянина, на лице которого блуждала загадочная улыбка.

Юлиан развеселился. Его охватил пьяный азарт. Он читал на лице королевы то растерянность, то сомнения, то страх. Сквозь ее темное платье проглядывали очертания налитой груди, и он потянулся рукой к завязочкам с бахромой, но Наурика, обретя подвижность в теле, протянула ему руку.

– Начни... – голос ее с легкой хрипотцой от волнения. – Начни с ласк.

Юлиан устоял на машущую перед ним ладонь королевы, усмехнулся, отчего Наурика сначала побледнела, потом покраснела, и продолжил распутывать завязочки.

– Я... Я тебе сказала. Начни с ласк, – снова проговорила она. – Я знаю, что мне нравится.

– Так если знаете, как вам лучше, то, может, и мужчина вам не нужен?

Наурика впервые не нашла что ответить. Платье упало к ее ногам, и Юлиан рассмотрел крутые бедра, совсем небольшой животик, пышную грудь и покатые плечи. Она не была стройна, как юная девица, но обладала своей, зрелой красотой.

Наурика, казалось, притихла под пристальным взглядом. Юлиан погладил ее плечи, коснулся груди, не зная, что такое кормление ребенка из-за толпы нянек и кормилиц, скользнул пальцами к бедрам и возжеленному треугольнику. Желание охватило Юлиана, и он, все-таки решив познакомиться поближе с почтенной Маронаврой, стал раздеваться.

* * *

Она лежала рядом, глядела в полутьму под балдахин и загадочно улыбалась. В комнате было прохладно, но, разгоряченная, Наурика сдвинула тяжелое одеяло, чтобы остудить тело. Затем перевернулась, обняла подушку белыми руками, легла на нее грудью и взглянула на лежавшего рядом Юлиана. Глядела хитро, едва прикрыв веки. Тот же прислушался к потайному коридору, где стоял Латхус, и перекатился, покинул пышную и высокую кровать.

– Куда ты? – спросила Наурика.

– Мне пора.

Уже застегивая жилет, он обернулся. Разглядел в ночи, рассеянной светом лампы, нежное тело королевы, вспомнил ее податливость. И обрадовался, что, как дурак, не вернулся к Илле, чтобы получить наказание за отказ.

– Ты здесь должен быть до рассвета, – Наурика различила иронию в ответе. – Таков уговор с твоим отцом.

– Разве я не должен был по уговору удовлетворить ваши желания? Вы устали, и, кажется, довольны. Или вам мало?

– Но на улице проливень...

– Кто боится дождя, попадает под град. Я был рад познакомиться с вами, почтенная Маронавра. Прощайте.

– Прощайте? – Наурика обиженно вздернула бровь. – Прежде чем ты покинешь комнату, я хочу услышать от тебя извинения.

– Да, прощайте.

Юлиан отворил дверь и ушел, не оглядываясь на мягкую фигурку в объятьях пышных одеял. У лестницы его уже ждал Латхус. Они вдвоем спустились к комнате с бельем, где Юлиан заметил, что следы от сапог кто-то отмыл, скрыв тайную тропу к двери в стене. Однако вокруг не было ни души – дворец еще спал. В окна плескало дождем, снаружи выл и яростно кричал ветер.

Они вернулись той же дорогой к особняку. Особняк был темен, и веномансер вначале счел, что Латхус позволит ему вернуться в спальню. Но вместо этого наемник пошел к малой гостиной на втором этаже. Там, в глухой комнатухе без окон на диване лежал в халате Илла, и весь его облик говорил о том, что он не в духе.

Юлиан склонил голову в почтении и замер, видя, как злоба в глазах Иллы стала вырастать до невероятных размеров. Дверь гостиной захлопнулась. Тамар потеряла лампу, и морщины на лице советника стали отчетливее и глубже.

– Ты, верно, раб, счел, что имеешь в этом доме права? И смеешь противиться воле хозяйина?

Юлиан вздохнул. Он не понимал, каким образом старик Илла уже узнал о его разговоре с Латхусом, ибо наемник все время простоял за дверью, слушая. Или дело в магических камнях? Чертовы камни. Этими же камнями тогда разоблачили гневные речи Сапфо с год назад.

– Отвечай, – заскрежетал Илла Ралмантон.

– Достопочтенный, я помню о договоре касаясь моей службы веномансером...

– И тут же забыл о нем, сукин ты сын, когда увидел перед собой королеву! Подойди ближе! Ты знаешь, чего мне стоило положить тебя к ней в постель? Знаешь? Ближе!

Илла с криком встал с дивана, и, придерживаемый Тамаром, подошел к стоящему у резного светильника Юлиану.

– Чего ты стоишь и смотришь на меня как баран на новые ворота? Почему ты, свинья, опозорил меня своим норовом?!

– Достопочтенный Ралмантон, я – не инкуб, рожденный для ублажения женщин. Я не научен быть любовником по вызову аристократок, и подобному учиться не собираюсь!

Ярость Иллы излилась из его чаши. Он зашипел и очень ловко для своего чахлого тела выкинул вперед руку, ухватившись за ухо Юлиана. Тот от неожиданности вскрикнул, попробовал отпрыгнуть, но пальцы советника потянули ухо на себя, заставив наклониться.

– Если придется, то ты, сукин сын, станешь инкубом! Если я скажу, ты ляжешь с любой женщиной, на которую я укажу! Ты понял? – Илла, сверкая яростно глазами, зашипел на ухо побелевшему от такой выходки Юлиану. – Я о твоём благополучии пекусь, дубоум! Я два месяца вел переговоры с королевой, чтобы ее выбор пал на тебя! Как ты не понимаешь, что только чины и влияние вышестоящих господ оградят тебя от посягательств Абесибо. Когда я дам тебе свободу, ты уже не будешь под защитой закона, а только под моим покровительством! А когда умру и я, то Абесибо тебе припомнит все десятикратно. Только тот, кто выше консулов, может оградить тебя от их посягательств!

Юлиан, привыкший, что чиновник беспокоится лишь о себе да о королевских делах, смутился. Его негодование сменилось стыдом. Он вспыхнул лицом, стоя в согнутой позе, и сказал:

– Вы могли бы хотя бы предупредить... Если бы я знал! Такие дела не вершатся вслепую!

– Да кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался? Кто?

Илла злобно заскрежетал и больно выкрутил Юлиану ухо, отчего тот выгнулся, но противиться не посмел.

– Абесибо не посмел бы тронуть тебя, если бы по дворцу разнеслась весть о том, что ты – фаворит королевы. А я бы позаботился, чтобы он узнал это! А что теперь, дубоум? Ты

как скотопас ввалился к светлейшей особе в грязных сапогах, и еще обвинил ее в неверности супругу!

Снова хрустнуло ухо – это Илла вывернул его уже в другую сторону, и Юлиан, красный как рак, протяжно взвыл.

– Тебе тридцать лет! Тридцать! Чему, черт возьми, учил тебя Вицеллий, этот отпетый мерзавец, что я вижу перед собой маменькина сыночка, а не негодяя! Почему он не вбил в твою дурью башку умные мысли? Ты не умеешь выживать среди сволочей! А когда я умру, что ты будешь делать? Вот что ты собирался делать?

– Уйду.

– Куда ты уйдешь от своей пустой головы? Ты, стало быть, думаешь, что я – безумец?

– Нет, вы не безумны и много опытнее меня.

– Хорошо, что ты это понимаешь! Но что было в твоей дурьей голове?!

– Глас чести...

Злоба в глазах старика угасла и сменилась насмешкой. Пальцы его отпустили уже опухшее ухо Юлиана, и тот отшатнулся.

Илла тяжело закашлялся и тоже качнулся – его здоровье не прощало ему и такого напряжения. Юлиан попытался поддержать его, но он лишь злобно отмахнулся, и, ведомый Тамаром, вернулся на диван. Там он упал в подушки, пока его протеже стоял и чесал пылающее ухо, как провинившийся мальчишка, которым себя сейчас и чувствовал.

– Честь... Честь! – Илла печально усмехнулся. – Нет ее, особенно здесь, во дворце, где ее топчут еще в зародыше, как нечто презренное, стараясь сохранить лишь репутацию... Живи по расчету, а не по чести, Юлиан... Надо ударить в спину? Бей! Надо подставить? Подставляй! Надо защититься? Формируй союзы, пусть даже они будут через постель! – он закашлялся, и только потом продолжил. – Я Чаурсию мальчиков поставлял, спаивая их и утапливая в Химее, чтобы стать к нему ближе, войти в доверенность... Все ради покровительства! Если ты не научишься этому, то, когда я умру, ты в лучшем случае будешь влачить жалкое существование, нюхая дорожку перед очередным хозяином. Либо окажешься на столе у Абесибо! Если ты не будешь смотреть дальше своего носа, то мир для тебя так и останется простым, как и все вокруг. Я – озлобленный калека, королева – шлюха, а ты, ты – кто тогда в твоей парадигме жизни? Тряпка? Деревенский увалень?

Юлиан остался безмолвен. Что он мог сказать советнику? Все тридцать лет он провел за спиной Мариэльд де Лилле Адан, действуя от ее имени и оттого не встречая нигде ни сопротивления, ни борьбы. Все тридцать лет он был скорее регентом, нежели истинным графом. Ему еще не доводилось бороться за власть, ибо он хоть он и видел следы этой ожесточенной борьбы в Плениумах, но имел возможность в них не участвовать, находясь много выше.

Ярость покинула взор Иллы Ралмантона.

– Вырывай в себе это благородство, Юлиан, – шепнул он уже устало. – Вырывай с корнем. Пользы ты от него в жизни не найдешь – лишь вред...

И он снова умолк. Он взглянул на стоящего перед ним молодого вампира, искренне не понимая, откуда в нем могли взяться такие черты характера, как честь и благородство. Не было этого ни в Илле, ни в Вицеллии, ни в Филиссии. Не бывает таких черт ни в дворцовых интриганах, ни в их детях, ибо благородство вырывается у этих детей с корнем еще с колыбели. Илла ничего не понимал. Он так редко общался с кем-нибудь, не зараженным златожорством, криводушием и желанием власти, что и не знал других складов ума. Но сейчас перед ним стояло нечто чужое, неизведанное и неприспособленное к борьбе, где главная цель – власть. «Уж не кельпи ли так попортила его своим клеймом?» – думал настороженно Илла.

А потом он вдруг вспомнил младшего сына архимага, Мартиана Наура, о котором сам архимаг говорить крайне не любил – уж больно мягок и добр был этот Мартиан, не в пример отцу. Может, порой и от яблони рождается осинка?

– Надеюсь, что я все-таки вложил в твою голову мысль, которая облегчит тебе жизнь. Или спасет, – в конце концов, вздохнул он и искренне признался. – Я мог бы сделать проще – оставить все как есть. Право же, когда моя душа отойдет к Гаару, а это случится скоро, то мне уже будет все равно, что с тобой, честным болваном, станется: хоть к Абесибо, хоть на край света. Но ты – моя кровь. Молись, Юлиан, чтобы завтра к вечеру я получил конверт с красной печатью. Молись Гаару! И пошел вон с моих глаз, сукин сын!

Юлиан вышел нетвердым шагом из гостиной, держась за красное ухо. Ненадолго замерев на пороге, он обернулся и неожиданно для себя печально улыбнулся, качая головой сам себе. Илла же в это время устало растирал пальцы, которые онемели от усилий, и размышлял над перипетиями судьбы и того, что порой вкладывает в детей природа.

Затем Юлиан направился в комнату, где уже спали Дигоро и Габелий, и пролежал до утра с распахнутыми глазами. За окном продолжал выть ветер, который плескал на окна дождем.

Опасное место – этот Элегиар. Но до чего же притягательное своими опасностями... Если бы над северянином не довлела эта тайна обмана Вицеллия и вечное ощущение присутствия во дворце изменника, он бы остался здесь. Остался, чтобы попробовать свои силы, чтобы научиться жизни. Жизни-то, настоящей, он никогда больше не увидит там, где будут знать о том, кто он... Он вдруг вспомнил, как подчинилась ему Наурика, растаяла в его объятьях. Принесут ли завтра красный конверт?

Правда, к его сожалению, ни завтра, ни послезавтра конверта никто так и не принес. Не принесли и через неделю. От этого Илла стал мрачнее, а просвет в его отношении к еще не нареченному сыну закрылся грозowymi тучами. То и дело он срывался на него, и под какими бы предложениями это ни происходило, Юлиан понимал, что дело в его скотском поступке и обиде королевы.

Глава 7

Дитя в корзине

Офурт.

2152 год, конец зимы.

Это произошло, когда Берта в очередной раз затеяла спор с Вахроем, своим мужем. Вахрой до жути терпеть не мог эти дотошные бабские увещевания, как надо «делать правильно», но деться от них никуда не мог. Вокруг стоял густой лес и буйствовала метель. Был бы Вахрой у себя в деревне, он бы вышел в сени после начала воплей женушки или сделал вид, что спит, отвернувшись к стене. Да вот только ни сеней, ни лежанки больше нет – дом сгорел, и остались у них лишь телега с пожитками, которые успели вынести из огня, да пара старых мулов.

Вот бы поспать, подумал уставший Вахрой, а то, поди ж, ночь, но им до Малых Ясенек оставалось всего ничего, так что нужно потерпеть.

– Тяж укрепи, говорю! Глухой, что ли? – снова шипела Берта. – Телега вихляет!

– Ой, замолкни, баба...

И Вахрой втянул голову в многослойное тряпье и натянул шапку до бороды в надежде, что это поможет оградиться от злой жены.

– А вот как сделаешь, так и замолкну! Говорила же маменька, что руки у тебя не из того места, Ямес-то, поди, и позабыл тебе их дать.

Из корзины в подводе раздался младенческий вопль, и Берта сразу привстала на тюках со скарбом и заботливо потянулась к плотно закутанному розовощекому мальчику. Она размотала на холоде свое тряпье от шеи и ниже и вздрогнула от того, как сильно принялся колоть мороз оголенную грудь. Затем свободной рукой нащупала тут же, в повозке, льняники и накинула их сверху, приложила к груди ребенка. Тот принялся чавкать.

– Вот, бестолочь, разбудил малютку. Тьфу на тебя!

– Ой, да прекрати уже, житья мне не даешь, исчадие окаянное. Мало бед у нас. Дом погорел. Скотина зажарилась заживо. Еще и тобой Ямес меня решил наказать.

Повозка снова вильнула, а порядком уставшие мулы негодуя заревели.

– Укрепи тяжи, сказала же! – зашикала злобно Берта и потянулась к палке, чтобы огреть муженька по его пустой голове. – Выпадем!

– Закрой рот! Корми дитя вон. Как доберемся до Малых Ясенек, так и сделаю. И не раньше!

«Тьфу ты, черти б ее побрали. Надо было брать замуж ее сестру, а не эту гримзу-бабу», – подумал про себя Вахрой.

Повозка тяжело волочилась по снегу и иногда проваливалась в него по борту. Весь Офурт был укрыт плотным, пуховым одеялом, а тракты замело так, что не разобрать было, где – дорога, а где – лес.

Шел четвертый день пути, чертов четвертый день, как Вахрой согласился после пожара перебраться с пожитками к своей тетке. Та когда-то пообещала оставить после смерти дом, если Вахрой присмотрит за старухой. А может быть, поди, и померла уже. И будет им дом, но без старухи – красота.

Небо довлело над землей и давило на черные леса белесой, плотной пеленой. И без того непролазный большак стремительно заметало.

Метель ненадолго улеглась, и двое селян уже было облегченно вздохнули, как вдруг посреди ночи над лесами разнесся вой. Настоящий волчий вой. Волки, после того, как вурдалачье племя слегка поредело из-за Бестии, подняли свои головы и размножились. Даже больше – стали иногда притеснять низших демонов.

Вахрой вздрогнул, Берта побледнела, а младенец продолжил счастливо сопеть и чавкать, теребя материнскую грудь. Вой повторился, уже ближе. Затем снова налетел злой и морозный ветер и поглотил голос стаи.

– О Ямес... – прошептал Вахрой. – За что?

Мулы испуганно закричали, а мужик поддал их лозинкой по крупу, чтобы поторопить. Скрип. Колесо наехало на камень, скрытый под слоем снега, и соскользнуло с него. Передняя ось треснула, а мать с ребенком с воплями покатались с телеги в сугроб.

В испуге Берта подскочила и проверила орущего и недовольного ребенка – вроде ничего не повредил. Тогда она быстро уложила младенца в корзину и прижала ее к груди. Мужик же уже нервно ковырялся в повозке, двигал скудную глиняную утварь, пока не достал увесистую дубину.

– Вахрой! – испуганно вскрикнула Берта.

– Замолчи! – Вахрой сам трясся.

– Костер, костер разведи, Вахруша!

– Ветер слишком сильный. Умолкни, дура!

И Берта, растеряв всякий норов, замолчала, лишь прижалась с дитятей в руках к мужу. Вой раздался уже ближе, за соснами.

Из покрова ночи на тракт ступили волки: высокие, в васо ростом, с густой серо-бурой шерстью. Да вот только ребра их торчали палками, а худые животы подтянулись и прилипли к позвоночнику. Красно-желтые глаза зажигались то тут, то там.

– Вахрой... – застонала в рыданиях Берта.

Ребенок недовольно пошевелился, замотанный с головы до пят пеленками, и закричал от ворвавшегося в корзинку из-за наклона ветра, что остро кольнул его по пухлым щекам. Волки наострили уши и стали окружать поселян.

– Пошли вон, твари! Вон! – прокричал как можно смелее Вахрой и замахал в воздухе дубиной.

Они стояли рядом друг с другом, Берта и Вахрой, прижавшись к боку накренившейся телеги, и дрожали. Холодный ветер хлестал их по лицам, сорвал шапку с мужицкой головы, чего тот и не заметил.

Крупный, самый высокий и тощий из стаи, волк оскалился и прижал уши к голове. Стрелой он прыгнул на человека. Раздался хруст, и крепкий Вахрой успел скользнуть краем дубины по морде. Волк завизжал и отпрыгнул, кровь залила снег, но в руку мужику вцепился уже второй. Заскреб когтями по многослойному нищему тряпью. Зубы клацнули, пытаясь добраться до шеи. А там подоспел и третий. Другие кидались на ревуших мулов. Вахрой закричал так, как никогда не кричал раньше.

Берта не выдержала. Спрыгнув с другой стороны телеги, она побежала по тропе без оглядки, проваливаясь в снег, дальше. Все дальше и дальше. Прочь по тракту. Впрочем, тропу порядком замело, и где тракт, а где лес – тяжело было понять. Женщина прижимала к себе корзину с орущим младенцем, мороз щипал так и не укрытую грудь, а паршивые сапоги, доставшиеся от матери, глотнули пухлого снега.

Сзади разносились крики, мужа и мулов, вперемешку с волчьим рычанием. Но очень скоро все пропало, и лишь скрип уже замерзших ног в плохонькой обуви оповещал о том, что здесь кто-то есть. Берта не останавливалась. Волки сожрут мужа, двух мулов – ну чем не добыча? Отстанут же, поди.

Она бежала во тьме, отдаляясь от тракта с каждым шагом. Бежала, как ей казалось, долго. Но луна так и висела в небе, показавшись из-за грузных серых облаков лишь на мгновение, а лес все не кончался. «Где Ясенки? Где большак?» – Берта рыдала, но боялась вернуться. Скрип от каждого шага казался невыносимо громким в ночи, а ребенок продолжал вопить. Среди сосен, в пелене метели, загорались желтые глазки киабу, которые следили за женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.